

СТРАННЫЕ ДЕЛА,
или
детектив по-деревенски
ЛИЯ РОМАНОВСКАЯ

Л. Романовская
Странные дела, или
Детектив по-деревенски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67285076

SelfPub; 2023

Аннотация

Если муж, работа и финансы поют романсы, самое время отправиться на пмж в деревню. Что я, собственно, и сделала. Да только вот никак не ожидала, что окажусь в самом водовороте страстей. Тайны, убийства, зависть и любовь – то, чем дышат деревенские... А тут ещё и личное счастье подвалило. Или нет? Со всем этим мне и предстоит разобраться, чтобы всех наказать и сделать правильный выбор.

Содержание

1	5
2	15
3	26
4	38
5	49
6	61
7	73
8	88
9	105
10	116
11	130
12	142
13	155
14	170
15	185
16	200
17	217
18	229
19	242
20	254
21	266
22	278
23	290

Л. Романовская

Странные дела, или Детектив по-деревенски

1

По дому разнесся истошный крик бабки.

– Уби-и-и-ли!

Я вытерла руки и, мысленно перекрестившись, поспешила на вопли. Сандра Христофоровна с ошалелым видом раскачивалась из стороны в сторону.

– Что случилось?

– Генку убили-и... – снова заголосила Христофоровна.

– Так рано же еще...

– Да какой там, – запричитала она, тыча пальцем в телевизор. Я посмотрела на экран и мне все сразу стало ясно.

На белых простынях, залитых кровью, распластался убитый Генка, бабкин любимый герой-любовник-покоритель дамских сердец. Бабуля сериал этот до глаукомы проглядела. Вчера только я ей первую серию включила, и никак не ожидала, что она так быстро до пятой доберется. Обычно это происходит на третий-четвертый день. А тут на тебе. Не подготовилась я к убийству Генки ревнивым мужем главной

героини: валокордин не налила, конфет не насыпала в вазочку. Горе мне! Теперь до полуночи буду выслушивать, что за дрянь эта Машка, чей рогатый муж Витька застрелил, совращенного стервой Машкой, добропорядочного Генку.

К бабкиным закидонам я уже привыкла, ибо трудилась и нянькой, и домработницей и личным секретарем у нее уже полгода.

Надо сказать, доставалось от Христофоровны не только героям сериалов. Жаловалась старушка буквально на все на свете: на погоду, которая то жарила, то морозила; на соседей, хоть и жили ближайšie к нам аж за километр; на участкового, который не реагировал на заявления на этих самых соседей. Если говорить совсем уж честно, то не было такой вещи на свете, которой бабка была бы сполна довольна. Еда всегда оказывалась то недосоленной, то пересоленной, а то вообще "дерьмом редкостным".

Я, по ее мнению, не вышла ни рожей, ни кожей, хотя это было и не так, да и умом особым не блистала. Ну и все в том же духе.

Спустя какое-то время бабка все же, не без моей помощи, улеглась поудобнее, и потребовала принести ей "чаю с кренделями". На что я злорадно возразила, что доктор запретил мучное такой больной женщине. В ответ Сандра Христофоровна запустила в меня вазу, стеклянную, между прочим, но я ловко увернулась и буквально выкатилась за дверь.

– Новости включи, курица безмозглая, – крикнула бабка

вдогонку.

– Нечего мозги засорять, кроссворды лучше для ума разгадывайте, – уже из кухни проорала я в ответ.

– Дура!

Новости вредной старушке я все же включила, и со спокойной душой пошла заниматься домашними делами. Бабка, хоть и слегка придурочная, но хозяйство до недавних пор держала крепко. Прислуги не имела, сама неплохо управляясь со своими делами, лишь раз в неделю пуская в дом помощницу для уборки помещений. Пару лет назад старушку накрыл инсульт вкупе с радикулитом, и с бизнесом по производству детского питания пришлось попрощаться.

Денег у старушки было немерено, по моим лично меркам, и она вполне могла нанять себе полный штат персонала. Но отчего-то не нанимала. На мой вопрос почему, отвечала "не твоего ума дело". И хоть бабка "лежачей" не была, однако все больше любила поваляться в постели, посматривая новости. Особенно Христофоровна любила эти самые новости комментировать, раскрывая попутно всемирные заговоры и шпионские сети. Иногда, проходя мимо чуть приоткрытой двери, я застукивала старушку за просмотром "Дом-2", но не травмировала ее своей осведомленностью. Все заботы и хлопоты по хозяйству я вела в одиночку, благо других дел у меня все равно не было.

Порой, приняв на грудь грамм сто чистейшего самогона (знать бы, где она берет), бабуля в порыве откровенности

рассказывала "невероятные" вещи. Будто бы сама она из тех самых Беляковых (в этот момент она многозначительно показывала пальцем куда-то вверх), считавшихся чернокнижниками еще при царской России. Якобы она их прямой потомок по материнской линии, и кое-какие умения колдовать у бабки в крови. А дом этот, в деревне Духовке, был когда-то дворянской усадьбой, и достался ей по наследству от матери, а той от отца, и так далее...

То есть выходило, будто бабка моя дворянка. Но верить ей, само собой не стоило, а потому, я Христофоровну слушала, конечно, кивая где нужно головой, а сама обычно в это время мечтала о чем-нибудь прекрасном.

За окном звонко пели птицы, погода радовала теплым солнцем и голубым небом. Земля, еще вчера влажная от проливных дождей, сегодня уже высохла, будто так и было. Градусник показывал плюс двадцать, настроение отличное, и я решила, что самое время прогуляться до деревенского магазина.

Бабка, посмотрев новости, как всегда, заснет еще на половине выпуска. А значит я имею полное право посвятить часок-другой прогулке по свежему воздуху. Заодно пополню запасы еды и всяких бытовых мелочей. На выходных я как раз собиралась вымыть окна – по заверениям синоптиков дождей в ближайшее время не предвидится.

Перед выходом заглянула к бабке в комнату. Та, уткнувшись в подушку, громко храпела. Так сладко спать могут

только праведники, не иначе.

В деревне меня давно все знают, я частенько прихожу за продуктами. На улице начало мая, народ массово вышел на посадку огородов. По пути я то и дело здоровалась с местными.

– Что, Женя, спит змеюка? – Маринка, продавщица, весело подмигнула левым глазом.

Правого у нее с недавних пор не было. Маринкин сожитель, Анатолий Петрович, по пьянке выбил его прошлым летом, за что сейчас и отбывал наказание в далекой колонии. Маринка друга давно простила, и каждый месяц исправно отправляла ему посылку с "голышками" и сигаретами.

– Спит, а как же, – я придирчиво выбирала помидоры на прилавке, указывая ей, какие класть в пакет.

– Слушай, Жень, а мне места у вас не найдется, а? Я и гладить могу, и убирать, и в огороде.

– А чего здесь? Не платят?

– Да Лешка, черт лысый, чтоб ему по миру пойти, блеет, что я народ отпугиваю своим видом. А кого здесь пугать-то? Все свои, привыкли уж.

– Вряд ли, Марин. Я с Сандрой Христофоровной поговорю, конечно, но сомневаюсь, что ей кто-то еще нужен в доме.

Маринка скривила рот и протянула:

– Ну ясно-о...

Я подозревала, что она мне не поверила. Ну и ладно. Что

я, бабушку свою не знаю?!

Я вежливо попрощалась, прихватив напоследок газету, и пошла домой. Гуляла я долго, бабушка наверняка скоро проснется и будет орать, где меня черти носят. Но, против моих ожиданий, в доме стояла тишина, и я порадовалась, что Христофоровна до сих пор дрыхнет. Будет время еще выпить кофе и почитать, что там в мире творится.

Через час я заволновалась и решила проведать старуху. Сандра Христофоровна лежала точно так же, как и пару часов назад, когда я уходила в магазин. Меня тут же посетили нехорошие предчувствия. Дрожащими руками я прикоснулась к бабушкиной руке, мирно покоившейся на боку, и приготовилась заорать в случае, если она вдруг окажется холодной.

– Ба! – заорала вдруг ведьма старая.

– А-а-а... – закричала я, отшатнулась, и чуть не упала.

– Что, стерва, думала померла бабушка?! Хрена тебе лысого, а не жратвы халявной на поминках! Где тебя черти носили?!

Я молча смотрела на смеющуюся бабулю, и предавалась мечтам о том, как буду убивать ее. Когда-нибудь. Когда совсем допечет.

– Ну чего встала, никак полдничать пора. Неси скорей свои помои, а то у меня живот второй час урчит, пока ты где-то там подолом крутишь.

Не говоря ни слова, я погрозила старушке кулаком, и

пошла готовить омлет. Черт его знает почему, но Сандра страсть как уважает смешанные с молоком яйца именно в это время суток.

В голову лезли нехорошие мысли, что если подсыпать бабуле какой-нибудь гадости, то ужасный и мучительный жидкий стул ей будет хорошим наказанием. Терпение мое явно на исходе. Бабка конечно и раньше изводила меня придирами и криками, но в этот раз она превзошла саму себя.

Я уже ведь приготовилась пояс потуже затягивать, накоплений у меня никаких, все деньги, между прочим, немалые, уходят на оплату кредита, который я в порыве редкостного идиотизма оформила когда-то для бывшего мужа. Пашка, тогда еще дражайший супруг, решил обзавестись бизнесом, но что-то сразу пошло не так. Нет, теперь-то я знала, что муженек мой редкостный дурак и с этим, увы, ничего поделывать нельзя. Жаль только, что осознание пришло ко мне слишком поздно. Но тогда я еще любила подлеца, и верила в его ум. Зря, как оказалось.

Спустя время Пашку пригрела его новая пассия, которая также, как когда-то я, верила в его способности и тоже вроде бы связалась с банками. А я осталась с долгами и с котом. Кот, кстати, вскоре умер, а долги нет. Лучше бы, конечно, наоборот.

Компания, где я трудилась, обанкротилась и бабкино объявление оказалось как раз кстати. В объявлении было указано, что "милой одинокой старушке требуется умная и расто-

ропная девица с высшим образованием и навыками домработницы".

Поехала на собеседование, чтобы отвлечься от грусти и тоски, да так тут и осталась. Старушка, едва завидев меня, сказала, что я ей подхожу, хоть и «уродка невообразимая». Первым порывом было развернуться и уйти, но тут она озвучила зарплату, и я, немного посомневавшись для вида, осталась. Мало того, что бабка платила неплохие по меркам нашего городка деньги, так еще жить мне полагалось в этом доме, а значит надобность в съемном жилье сама собой отпала и этими деньгами я планировала расплатиться с банком в ближайшие год-два. Честно говоря, за время работы здесь я очень привязалась к дому. Свежий воздух действовал на меня вполне благотворно. По утрам я каталась на велосипеде, вечерами просматривала вместе с бабкой многочисленные ток-шоу и сериалы, иногда валялась в гамаке в саду, наслаждаясь книгой и вином.

Такая спокойная и размеренная жизнь в корне отличалась от той, что я вела раньше. Мне не нужно вставать в шесть утра, чтобы навести марафет и мчаться на работу. Не надо надевать надоевшие туфли на шпильках и сводить дебаты с кредитами. Отпала надобность то и дело что-то решать, думать, креативить, выкручиваться. Короче, тишь да гладь.

Одно беспокоит в последнее время все сильнее. Христофоровна быстро сдает. Того и гляди помрет, а мне куда идти? Не хочется расставаться с этим домом. Кажется, что я

привязалась к нему не меньше, чем когда-то к мужу и коту. А это означает только одно – любовь моя сильная и безграничная.

– Сандра Христофоровна, вы дом-то кому завещаете? – спросила я бабушку, ставя поднос с полдником на стол возле кровати.

Бабушкина привычка есть в кровати меня жутко раздражала, но так как кровать все же была ее, то я не спешила высказываться по этому поводу.

– Да уж не тебе, всяко ясно, – мерзкая старуха противно захихикала, и постучала по голове.

– Кому стучите? Тараканам? Так сбежали поди, с вами даже они ужиться не могут, – припечатала я.

Старушка взглянула искоса и отвернулась, не желая больше разговаривать. Тут мне стало стыдно.

– Я пойду, пожалуй, – пропищала я, и мгновенно выбежала за дверь. Часа через два тихонько заглянула к бабушке – она как ни в чем не бывало спала. Я спустилась в кухню за вином, и уже наливала его в бокал, когда вдруг погас свет.

– Мамочки, – прошептала я, и принялась на ощупь искать шкафчик, где, помнится, лежали свечи. Кое-как нашла и зажгла толстую свечу, и тут услышала... тихий то ли стон, то ли плач. Доносился он явно не со стороны бабушкиной комнаты, находившейся на втором этаже, а снизу, из подвала.

– Ооо, – простонала я, и, спотыкаясь бросилась к бабушке.

Не стучась, ворвалась в ее комнату, кинулась к кровати,

и прошептала:

– Вы спите?

Но в ответ мне раздался вой снизу, и кожа покрылась мурашками. Из постели не доносилось ни звука. Я поднесла свечку к кровати и вскрикнула. Бабки на месте не оказалось.

2

Вот оно что... бабка-то моя – упыриха. Мамочки... я бросилась вон из комнаты, налетела на что-то мягкое, заорала и уронила блюдце со свечкой на пол.

– Не ори, дура! Ты мне еще пожар устрой! Хватит с меня пожаров-то.

Внезапно включился свет в коридоре, и передо мной предстала сама бабка, топчущая свечу на полу. В белой сорочке в рюшах и воланах, бледная как смерть, она сейчас больше всего походила на привидение.

– Ну, так и будешь у ног моих валяться?! – противно захихикала она, шагая к кровати.

– Вы где были? Я чуть с ума не сошла! Вы слышали, там внизу, вой какой-то? – честно говоря, я была ужасно рада видеть бабку живой и здоровой, и вообще, казалась самой себе ужасной трусихой в тот момент.

– Где была, там уж нет! В ватерклозет я ходила, малахольная. И не слыхала я ничего, приснилось тебе верно, надо тебя к доктору, к психиатрическому показать, может ты шизанутая вовсе!

Я закивала в ответ, неуклюже поднялась с пола, взяла протянутую бабкой свечку и, пожелав ей добрых снов, отправилась к себе. Придется, видимо, прощаться с Сандрой, ибо творящаяся здесь чертовщина явно плохо сказывается

на моей психике. Решено.

Завтра позвоню бабкиному доктору, самой бабке сообщу, что нам пора прощаться, и буду подыскивать другую работу. Бросить я ее, конечно, не смогу. Какая-никакая, а живой человек. Без меня она явно не справится. Придется ждать, пока старушка найдет новую сиделку "с высшим образованием и задатками домработницы".

Утром, как это обычно бывает, все произошедшее накануне показалось полным бредом. За окном приветливо светило солнце, где-то вдалеке протяжно мычали коровы, со стороны деревни слышался звонкий смех детей.

Посмеявшись над вчерашними страхами, решила сегодня всеми правдами и неправдами уговорить бабку погулять. Хотя я давно перестала удивляться ее закидонам, одним из которых было полное затворничество в доме, но погода стояла столь чудесна, а прошедшая ночь была так душераздирающа, что мне очень захотелось сделать что-то из ряда вон выходящее.

Бабка сердито постукивала ложкой по тумбочке возле кровати и дулась. Я поставила перед ней поднос и ласково спросила ее о самочувствии. Бабка подозрительно на меня посмотрела и гаркнула:

– Пока не сдохла!

– Ну вот и не надо, Сандрочка Христофоровна. Мы сейчас с вами покушаем и гулять пойдем. Погода-то какая? А?

Бабка скрипнула зубами и запустила в меня ложкой с на-

липшей на нее кашей.

– Поняла-поняла. Приятного аппетита.

Ну что ж... очередная попытка вытащить бабулю провалилась.

Весь оставшийся день я занималась домашними делами, благо их всегда хватало, учитывая размеры усадьбы. К вечеру, порядком устав, я уселась в кресло смотреть с бабушкой очередной сериал. Когда она уснула, я тихонько выскользнула за дверь, и вот тут снова услышала то ли плач, то ли вой, доносившийся из подвала. Любопытство – самый ужасный мой порок. И не надо говорить мне, что сумасшедшая, за каким-то чертом лезущая в пасть неприятностям. Сама знаю.

Так вот, памятуя о вчерашних перебоях со светом, в этот раз я сбегала за фонариком и только тогда пошла к подвалу. Плач, правда, больше не повторялся, но любопытство уже вгрызлось в душу и я, трясясь от страха, все же спустилась вниз.

Дверь, ведущая в подвал, оказалась заперта. Вот так. Раньше меня как-то совсем не интересовали тайны дома, и я и подумать не могла, что кто-то запирает двери в доме на замки. Разочарованная вернулась я на кухню, по дороге придумывая, куда бабушка могла деть ключ. А может Христофоровна Синяя Борода? А в подвале держит кости покойных мужей? Кстати... а была ли бабушка вообще замужем? Вот что я знаю о Сандре? Только то, что она поведала мне вскользь. То есть почти ничего.

Ключи от подвала не давали мне покоя. Где-то же они наверняка есть, раз дом по наследству перешел бабке. В последнее время, благодаря многочисленным кредитам, я плохо спала по ночам, и в запасе у меня всегда было снотворное. Придется видимо бабушке уснуть чуть крепче, чем обычно, главное не убить ненароком старушку. Без работы не больно-то охота оставаться, да и грех на душу брать желания нет.

Вечером, когда Христофоровна уснула, я немного выждала, и беззастенчиво принялась шарить по комнате в поисках ключей. Сказать, что мне просто повезло – значит значительно преуменьшить размах везения.

Когда я обшарила всю комнату и уже готова была сдаться и уйти, я вдруг споткнулась о ковер, неуклюже взмахнула руками и полетела на пол. В полете схватилась за картину на стене, и она с грохотом повалилась вместе со мной на пол.

Я вскочила, боясь, что бабке вздумается проснуться. Но та спала, как убитая. А на том месте, где только что висели "Мишки на дереве", зиял тайник. Я вскочила с пола, заглянула внутрь и... о счастье, в нем лежала связка ключей. Вне себя от радости я повесила картину на место, привела комнату в порядок, и немедленно бросилась в подвал.

Второй ключ из четырех в связке подошел к двери как родной, я повернула его трижды, прежде чем запор открылся. В подвале царил темнота. Густая, тяжелая. Я включила фонарь, осветила вглубь и... показалось что ли? Мне померещилось, будто кто-то, или что-то промелькнуло в углу.

А затем... затем я увидела Дуську – дворовую кошку... она юркнула мимо меня, на прощание истошно мяукнув и сверкнув желтыми глазами, и выбежала в дом.

Здорово! Это очень страшная находка – кошка. Так вот значит кто плакал в подвале. Вопрос только, каким таким образом она туда попала? То-то я ее уже два дня не вижу. Миска с едой, которую я еще позавчера заботливо поставила у входной двери, так и стояла не тронутой. Я-то, помнится мне, еще подумала, что Дуська с другом своим, соседским разбойником Тимофеем ухлестала, оттого и не всполошилась. Вдруг мне показалось, что наверху закашляла Христофоровна, и я, быстро заперев подвальную дверь, ринулась к бабке в комнату. Та все еще сладко спала, и мне удалось со спокойной душой вернуть ключи на место. Жаль, что подвал так и не удалось осмотреть. Зачем-то же Сандра прячет ключи от него?! Знать бы еще, что за тайны хранит он в себе.

Жаркий воскресный день сменился теплым вечером, погода стояла прекрасная, и я решила, что самое время немного прогуляться. По пути здоровалась с редкими прохожими. Вспомнила, что закончился кофе и пошла в сторону магазина. За прилавком Маринка скрупулезно отсчитывала десюнчики местному алкашу Витьку. Я поздоровалась, но продавщица даже не удостоила взглядом.

Обиделась, наверное. Возле магазина начал собираться народ. Все местные алкоголики скучковались вокруг лавки,

сообразив из нее незамысловатый стол. Я поприветствовала их, и пошла по тропинке. У соседнего дома, на лавке, дымила тетка Катя, отдыхая от трудов праведных.

– Что, тетя Катя, время перекура? – вместо приветствия крикнула я ей.

– Время собирать камни, – она меланхолично выпустила колечко дыма в воздух.

– Это вы к чему?

Тетка Катя в ответ помахала тоненькой книжкой и многозначительно ответила:

– Тут вот вычитала.

Я взглянула на книжку, где на обложке значилось «Китайская философия», и удивилась. Вот значит, какие в деревне книги читают. Тетя Катя пригласила меня на чай, и мы, уплетая свежие пирожки с мясом, вареньем и капустой, принялись болтать обо всем на свете.

Тетка Катя оказалась очень любознательной женщиной. Муж, давно покойный, оставил ей для проживания вот этот ладный двухэтажный домишко, и она, от нечего делать, принялась его обустроить. Да так увлеклась, что и не заметила, как дом превратился в настоящее произведение искусства, славясь на всю округу красотой неписанной.

Точнее, я бы как раз назвала вполне писаной, ведь тетка Катя, внезапно обнаружив в себе скрытый доселе талант художника, расписала весь дом узорами и пейзажами. Потом уже она увлеклась валянием декоративных игрушек, шитьем

подушек, вышиванием всевозможных салфеток и полотенец и прочими прикладными искусствами. Местным Катерина без сожаления раздаривала свои работы, но вскоре слава о Духовской чудо-рукодельнице пронеслась по всем округам и к ней потянулись, пусть и нечастые, но все же гости. Катерина вначале стеснялась брать плату за «блажь», как она сама называла поделки, но потом, увидев, каким спросом пользуются ее работы, стала брать небольшие презенты, или деньги.

В итоге все были довольны. Катерина стала иметь свой небольшой доход, которого вполне хватало на деревенскую жизнь, учитывая, что и огород был свой, и работа тоже была. Приезжие же за небольшую плату получали чай с пирогами и товар ручной работы. И все было бы хорошо, если бы не случилось прошлой весной несчастье. У Катерины начали отказывать руки. Артроз поражал сустав за суставом, и вот уже один из пальцев на левой руке вовсе перестал разгибаться, принося еще и нестерпимую боль своей хозяйке. Пришлось Катерине забросить рукоделие. Оставила она только живопись. И только для души, для себя. Иногда еще в подарок. Руки Катя теперь берегла.

Недавно она увлеклась философией, штудирруя многочисленные учения классиков. Но из них она особо ничего не поняла. А вот этот самый томик, с изречениями великих китайских умов ей был ясен и понятен. Особенно ценно было то, что все, что там было написано можно интерпретировать

на свой лад.

Я уже было собралась домой, как вдруг откуда-то раздался душераздирающий крик. А потом еще один, и еще. Кричали со стороны магазина. Мы с теткой Катей, не сговариваясь, бросились на крики. Бледнолицые мужики, еле держась на ногах, что-то мычали и указывали на дверь.

Тетя Катя вбежала первой, и когда я вошла за ней, успела увидеть только, как она аккуратно сползла по стеночке на пол, закатив глаза.

Маринка лежала на прилавке, сложив руки на груди, как покойник. Никаких повреждений на ней я не увидела, и, в два прыжка подскочив к прилавку, я дотронулась до ее руки. Теплая. Пощупала пульс – и выдохнула. Тут и сама Маринка открыла свой глаз, ошалело уставилась на меня и грязно выругалась. Надо же, сколько нового можно узнать о себе, не оправдав чьих-то надежд и чаяний.

– Скорую вызывайте, – крикнул кто-то из-за двери, в толпе, успевшей собраться возле магазина.

– Да какая скорая, тут уж труповозку только, – меланхолично зевнул вошедший дед Митяй, пожевывая травинку меж оставшихся зубов.

– Да какая скорая, какая труповозка?! Пьяная она просто, Маринка ваша, – я многозначительно посмотрела на мужиков, – а вот тете Кате точно помощь нужна.

Дед Митяй смачно сплюнул, матюкнулся и направился к своему дому, на ходу что-то бурча про пьяных идиотов. От-

части я была с ним согласна, потому что такие выверты кого хочешь до припадка доведут. С другой стороны, я порадовалась, что все живы-здоровы, а значит я могу со спокойной душой покинуть деревню.

– Дочка, поди сюда.

Я обернулась и увидела, как по дороге ко мне спешит дед Митяй.

– Дочка, а ты, часом не родня нашей Христофоровны? – спросил дед, странно меня разглядывая. Я бы даже сказала неприлично, но вряд ли старому Митяю такое в голову могло прийти, в его-то годы.

Насколько я помнила из разговоров с теткой Катей, деду было под восемьдесят, ну или около того. И мне, девушке во всех отношениях приличной, даже при большой фантазии сложно представить, что в таком возрасте люди могут думать о чем-то эдаком. Вроде как дед служил когда-то на флоте и в здешних краях не так давно, относительно своих лет.

– Нет-нет... я работаю у нее.

– А похожа, похожа, – дед развернулся и, хромя, пошел обратно.

И что это было?! В этот момент, я, кстати, даже немного расстроилась. Упаси господь на бабку быть похожей. С ее-то характером и вредными привычками, нет уж, увольте.

Мимо, обнимаясь, прошмыгнула парочка влюбленных. Инга Молчанова, учитель местной школы. А рядом, улыбаясь во всю ширь, гордо вышагивал фельдшер медпункта. Не

помню, как его зовут, да только не удивительно, что паренек так радуется. Внешне он совершенно не примечательный, я бы даже сказала неприятный какой-то. Нос длинный, острый, больше похожий на клюв. Бровей почти не видно, настолько они светлые. Настоящий альбинос. Волосы редкие, желтоватые. Губы тонкие, в придачу от нижней к подбородку тянется толстый шрам. Однако то ли улыбка, то ли влюбленность заметно его украшают. И на таком контрасте рядом настоящая красавица.

Что и говорить, а внешностью Ингу Бог не обидел. Выше среднего роста, с тонкой талией, почти осиной, и грудью четвертого размера она производила на местных мужчин магическое воздействие. При виде нее все мужики деревни вставали в охотничью стойку, а их жены злобно пускали ядовитую слюну вслед. Но кроме отличной фигуры у Инги было красивое личико: яркие голубые глаза, пухлые губы, почти всегда накрашенные красной помадой, высокие скулы и прямой идеальный нос. Пожалуй, с такой внешностью она вполне бы могла удачно устроиться в жизни, если бы не уехала из города.

Сейчас ее светлые локоны были уложены в затейливую прическу, высокую грудь обтягивала черная кожаная курточка, а на том месте, где должна быть юбка, выглядывало что-то больше похожее на кожаный пояс.

– Вот, полюбуйтесь, и эта шалава наших детей учит еще! –

возмущенно прошептала бабка Афанасия, притко обгоняя меня на повороте.

Я не нашлась что ответить. В конце концов это не моих детей учит Инга. А потому какое мне дело, в чем и как щеголяет местная учительница?!

Постояв некоторое время в раздумьях, я все же отправилась домой, ожидая от Христофоровны нагоняй за долгую прогулку. Честно говоря, мне и самой было немного стыдно, все же я деньги получаю за уход за старушкой, пусть она и называет меня секретарем, а не сиделкой.

Уже подходя к воротам, я заметила на участке машину. Красная иномарка аккуратно припаркована на бабкиной клумбе, и я даже представить себе не могла, что за самоубийца сделал такое. На кухне горел свет. На столе тарелка с остатками пищи. Интересно, что же это за гость такой к нам пожаловал?! И каким образом он сумел проникнуть в дом?

3

Из комнаты бабки доносились голоса. Говорил в основном мужчина, а Христофоровна лишь что-то мычала в ответ. В груди похолодело. Неужели грабитель? Проник в дом, обчистил холодильник и теперь выпытывает у моей бабули, где деньги хранятся? Я, схватив из холла выходную бабкину клюку с тяжелым набалдашником, и, стараясь не шуметь, на цыпочках подошла к двери.

– Где они могут быть? – мужчина явно выпытывал из Христофоровны места заначек.

Ну все! Я поняла, что просто не могу бросить бабулю на растерзание преступнику и, с криком «руки вверх», ввалилась в комнату.

– Ромочка, деточка, я же говорю тебе, сказки это все, – ласково ответила она, даже не взглянув в мою сторону.

– Это что? – спросил симпатичный брюнет, таращась на меня, так и застывшую посреди комнаты с клюшкой наперевес.

– Это? А-а-ах это... не обращай внимания. Взяла по доброте душевной малахольную в секретари, да вот думаю, что поспешила, – прошипела бабка, грозя мне кулаком.

– А-а-а... – парень явно потерял ко мне всякий интерес, – бабуль, я попозже зайду, вещи нужно разобрать.

– Иди-иди, Ромочка! Отдохни с дороги. Женька! Ну-ка

подавай на стол быстро, не вишь, гость приехал, внучек мой родненький.

– Не, бабуль, не надо. Я уже распробовал эту стряпню. Так себе, конечно, но чего с голодухи не съешь, – нагло ухмыльнулся этот хмырь, и, чмокнув бабу в щеку, вышел из комнаты.

Бабка довольно щурилась, а я хватала ртом воздух от возмущения. Нет, ну это надо же! Меня при мне же и обсуждают.

– Вы, Сандра Христофоровна, веселитесь-веселитесь. А я пока вещи пойду соберу, сколько ж можно уже издеваться-то!

– Да стой ты, шутим мы. Готовишь ты, конечно, неважно, но съедобно, и то ладно. Вот Людка, до тебя стряпала тут, так я два раза с отравлением в больницу попадала.

– Это вы типа так извиняетесь?

– Типа да. Садись, чего встала?! Что там эти плебеи? Рассказывай давай, что в мире творится, а то страсть как скучно. Хоть внучек приехал любимый, порадовал бабу.

Я устроилась в кресле напротив бабушкиной кровати и нагло закинула ноги на него. Христофоровна этого страсть как не любила, но сегодня я решила, что она в моих руках. Раз старушка извиняется, значит все-таки ей нужна. А раз нужна, так пусть потерпит некоторые неудобства. В конце концов не только ей надо мной измываться можно.

– В деревне одноглазая Маринка перепугала сегодня всех

до смерти.

– Нажралась что ли?

– А то! Тетка Катя из-за нее чувств лишилась.

– Единственный нормальный человек во всей преисподней.

Надо же... я-то думала, что бабка всех жителей за людей не считает, а вон тетка Катя чем-то угодила старушке моей. Кстати, преисподней бабка называла деревню не просто так. Говорила, что за свои грехи деревенские и живут как в аду. Во хмелю и без надежды на светлое будущее.

– Она ведь не здешняя. Сколько ж ей сейчас? Так... – бабка что-то высчитала в уме и продолжила, – Ага. Шестьдесят значит. Замуж она по дурусти за Виталика Поливайкина вышла в семьдесят девятом. Из соседней области сюда зачем-то прикатила, в глушь эту. Дура безмозглая. А Виталик-то что?

– А что он?

– Ух он и бил ее. Смертным боем. Я когда дом-то обжила, уж в девяносто втором дело было, как-то вышла до магазина. Смотрю, лежит Катя избитая вся. Нос поломал, козел! Ну я в дом ее, все дела. Разговор завела с ней. Помню, злилась сильно, что в полицию и скорую не хочет обращаться. Жалела она его, глупая. Хорошо хоть помер в девяносто пятом, изверг. Захлебнулся собственной рвотой, зараза.

– А что же сейчас-то Катерина не заходит? Вот бы вам общение было.

Бабка вдруг нахмурилась, сплюнула в сторону и замолчала.

ла.

Зная, что из Христофоровны и клещами не вытянешь того, что говорить сама не захочет, я сочла разговор завершенным, и пошла готовить ужин. Но про себя все же решила, что обязательно узнаю у тетки Кати, что за черная кошка пробежала между женщинами, и почему ни смотря ни на что, бабка по-прежнему считает ее единственным нормальным человеком в Духовке. Уже смешивая тесто для оладий, я вдруг вспомнила, что бабка так меня заболтала, что я и забыла совсем расспросить ее о внуке. За полгода, которые я здесь работаю, ни разу, ни полусловом Христофоровна не обмолвилась о Роме. Ну ничего, придет время, сама узнаю, чего бы мне это не стоило. Уж больно загадочный этот внучек. И подозрительный.

На следующий день, переделав все домашние дела, и накормив Христофоровну, я решила прогуляться в лесу. Погода с утра стояла чудесная. Живописные виды почти дикой природы в столь отдаленном от цивилизации месте располагали к умиротворению и молчаливому созерцанию.

Романа со вчерашней нашей первой и последней встречи я так и не видела, и слава богу.

До сих пор сердито вспоминала его язвительное замечание по поводу моей стряпни. Бабка сказала, что внук очень рано отправился на рыбалку, благо дело это с детства уважал. При этом насмешливо на меня поглядывала, а я гадала, что это обо мне подумала старушка. Надеюсь, не то, что ее

внучек мне понравился. Совсем нет. Точно нет. Никогда не любила напыщенных индюков, уверенных в своей неотразимости. Даже если это и правда было так. Да и старые раны до конца не срослись, и уж что-то, а романов в ближайшее время я точно не планировала.

Побродив по округе, и нарвав небольшой букетик цветов, я присела у березки, и принялась плести венок. Венок получался ярким, но кривым. Я вновь и вновь распускала его, и сама не заметила, как, в конце концов, заснула. Проснулась я от ощущения чьего-то взгляда. Открыла глаза и, отшатнувшись назад, ударилась головой о дерево.

– Больно? – насмешливо спросил Роман. Никакого сочувствия в голосе я не услышала и это еще больше разозлило.

– Приятно, блин! Я, знаешь ли, обожаю биться головой обо все подряд, – огрызнулась я, с кряхтением вставая. Он было протянул руку, чтобы помочь мне подняться, но я в негодовании отмахнулась.

– Оно и заметно, – засмеялся мой новый сосед. Гад!

– Что тебе заметно?!

– Заметно, что только такая красотуля как ты может одна гулять по лесу, не боясь злодеев.

– Ты про себя что ли? Так вот почему ты так смотрел на меня... может мне в полицию сообщить? – невинно поинтересовалась я.

– Ой, вэй... мне нравится, как ты мило сердисься. У тебя

сразу щечки краснеют, и правый глаз дергаться начинает.

– Да пошел ты! – огрызнулась я.

– Куда прикажет сердитая мадам? Ради вас хоть на край света, – он снова засмеялся и склонился в шутливом полупоклоне.

– Шут гороховый, – крикнула я ему и поспешила к дому.

Черт! Черт! Угораздило наткнуться на такого... такого... я, так и не придумав, как бы назвать нового знакомого, выругалась, надела купальник, и, прихватив полотенце, отправилась к озеру.

Вода в нашем озере чистая-пречистая, прозрачная до такой степени, что дно видно чуть ли не до середины.

Я обожаю встречать здесь закат, наслаждаясь красками вечерней природы. Солнце лениво сползает за деревья, оставляя на небе разноцветные полосы. Воздух, чистый и звонкий, как хрусталь, проникает внутрь, течет по венам и артериям, попадая прямоком в мозг. Мысли становятся чистые-чистые, ясные и прозрачные. Озеро находится далеко-далеко от деревни, и потому я почти всегда наслаждаюсь одиночеством в этом месте.

Деревенские облюбовали большой пруд, и даже оборудовали там что-то наподобие городского пляжа. Откуда-то приволокли полуразваленные лежаки, пару зонтиков, честно сташенные из какого-то кафе, доставляли на чьей-то газели. Каждый год старательно расчищают его, подвозят свежий песок. Если бы не отдыхающие из соседних деревень,

купались бы там два с половиной человека, хоть и в Духовке сто домов, а все же отдыхать людям особенно некогда. Работа, огород, да хозяйство.

Вообще, здесь хоть и пьют поголовно все мужчины, и частично женщины, а народ вполне трудолюбивый и крепкий. Сказать, что живут они бедно – не скажешь. Мужчины ездят работать на вахту, кто куда. Женщины одни справляются с животными, детьми и домашними делами, успевая ездить на ближайший к Духовке рынок, чтобы продавать мясо, яйца, огурцы. Небольшая школа, куда бегают ребята из трех соседних деревень, магазинчик со всем самым необходимым, фельдшерский пункт. Жить можно.

Занятая такими мыслями, я загорала на расстеленном полотенце, и не сразу заметила, что рядом кто-то есть. Да что ж это такое! Я открыла один глаз. Так и есть – соседка. Роман, ничуть не смущаясь, расстелил большое покрывало справа от меня, стянул шорты, оставшись в красных плавках. Потом долго копался в сумке, и, наконец, достал тубик и протянул мне.

– Намажь спину, а то обгореть недолго, – нагло улыбнулся он.

Я молча поднялась, и принялась одеваться.

– Ну ладно-ладно. Я дурак, извини.

В голосе его никакого раскаяния не угадывалось.

– Ну хоть спину-то намажь, – протянул наглец, на что я, девушка вполне воспитанная и интеллигентная, показала

ему средний палец, и, не прощаясь, потопала по тропинке к дому.

– Ну и вали! Сама же еще приползешь, – закричал Роман вслед.

Как мило! Придурок... нет, ну каков, а. Интересно, надолго он к бабке приехал? Мне от него что, прятаться теперь?

Дома я первым делом приняла душ, повесив полотенце и купальник сушиться на веревку во дворе. Хорошо Христовна не видит сие непотребство. Бабуля моя страсть как не любит это дело, считая, что я превращаю усадьбу в деревенскую хибару такими украшениями.

Внизу хлопнула дверь, когда я как раз досушивала волосы феном.

Спускаться вниз и встречаться с внучком не было никакого желания, но готовить обед нужно, а потому я навесила на лицо самую милую свою улыбку, накинула длинную рубашку до колен, заплела волосы в две косы и вышла в холл. Как жаль, что на кухню из моей комнаты нет прямого хода. Хотя, как я обнаружила спустя минуту, это бы мне сильно не помогло.

Роман, развалившись на диване, накладывал остатки оладий в тарелку. По телевизору шла очередная политическая передача, и Роман с интересом вслушивался в перепалку странных людей в зале.

– Вкусно! – отметил он, с интересом меня рассматривая.

– Вкусно?

– Да, я же говорю! Очень вкусно.

– Ну не подавись тогда, – припечатала я.

В этот самый момент внучек вдруг выпучил глаза, схватился обеими руками за горло, и открыл рот, из которого доносились страшные сипы и хрипы. Я в ужасе смотрела на Романа, не в силах поверить, что мое пожелание не подавиться, сказанное с издевкой, сработало. Господи, что же делать?! Он, конечно, тот еще придурок, но не бросать же его здесь умирать? Что делать-то?

Я в два прыжка подскочила к парню и принялась что есть силы долбить его по спине ребром ладони. Хотя я слышала, что вроде этого делать как раз нельзя, но что можно делать я знать не знала, а помочь хотела. Не хватало мне еще тут трупа. Внезапно Рома перестал задыхаться, перехватил мою руку и притянул меня к себе. Гад! Симулировал значит.

Я вывернулась кое-как и с силой вlepила ему пощечину. А он... он смотрел на меня, и громко ржал. Нет! Это невыносимо! Ну, внучек, войну значит объявил мне. Будет тебе война!

Самое интересное, что все наши действия походили на немое кино. Никто не произнес ни звука, и лишь настенные часы нарушали тишину в кухне. Все так же молча я отвернулась к плите, чтобы поставить кастрюлю с водой, и тут в кухне раздался голос бабки:

– Мы жрать сегодня будем?!

– О! Бабуля! – Роман вскочил с дивана, и протянул руку

Христофоровне. Надо же, какой джентльмен.

– Sandra Христофоровна? Вы почтили кухню своим вниманием? – удивилась я.

Кстати говоря, сейчас я не язвила. Просто бабка всегда считала место, где готовится стряпня, наделом прислуги, вроде меня. Обедать она предпочитала в столовой, когда выходила из комнаты, или в своей спальне.

– Тебя спросить забыла. Нет, Ромочка, ты представляешь, язвит и язвит, стерва малахольная!

– Ничего, бабуль, мы ее быстро отучим со старшими так разговаривать, – сладким голосом протянул внучек.

– Я вас не смущаю? Может вы сами тут? – я развела руками, показывая на кастрюли.

– Нет-нет, дорогая. Это твоя вотчина, – улыбался Роман.

– Да, Женя. Рома говорит дело. Ты это, в столовой накрывай, как готово будет. Да давай как-то пошустрее что ли. Все кишки уже свело, еще немного и помру.

– Ты уж помрешь, дождешься, ага... – прошептала я, когда они вышли из кухни.

Нет, ну ты посмотри, что делают изверги. Я им что, девочка на побегушках?! Уволюсь, вот завтра прям и уволюсь к чертовой матери. Нашли, видишь ли, себе грушу для битья.

Немного успокоившись, я принялась за готовку, одним ухом слушая новости. Готовка меня всегда успокаивала. Бабка хоть и доводит меня часто, но и поесть тоже любительница.

ца по пять раз на дню.

А потому приходилось вертеться, чтобы удивить Христову различными блюдами. Так что успокаивалась я часто, за что ей отдельное спасибо.

Сегодня решила покорить бабулю диетическим столом в отместку за издевательства, а заодно и проучить Романа. Будут вам, ироды, кабачки пареные, да каша перловая. А что, вкусно и полезно, злорадно посмеивалась я. В какой-то момент в голову закралась постыдная мысль испортить кашу солью, а еще лучше плюнуть в тарелку Ромке, но кое-как я справилась со своим желанием и понесла всю эту красоту, украшенную пучком петрушки, в столовую. Уже подходя к двери, услышала бабкин голос:

– Ты почто девку обижаешь?!

– Да, а чего тут еще делать-то, бабуль? Хоть секретаря твоего позлить. Смешная такая, когда злится. Щеки раздует, того и гляди взлетит.

– Ну-ну... ты мне смотри, до каления не доведи. Девка-то ладная, другой мне такой ввек не сыскать.

Я чуть не прослезилась от речей старушки. Но пришлось вернуться в кухню, чтобы все же бухнуть Роману ложку соли в кашу.

Я, ласково улыбаясь, накрыла на стол. Бабка с подозрением уставилась на то, что бог послал ей сегодня, но промолчала. Ромка тихонько подхихикивал. До тех пор, пока не попробовал кашки. Глаза его тут же поползи на лоб, и он бро-

сился вон из столовой. За водой видимо. Христофоровна погрозила мне кулаком, посмеиваясь в сторонку. А я была довольна. Маленькая месть свершилась, и теперь нужно готовиться к обороне. Я почти наверняка была уверена, что Роман будет мстить. Время, проведенное с внучком под одной крышей, обещало быть веселым.

4

Утром я, как всегда, первым делом проведала бабуку. Христофоровна сладко похрапывала, пришлось ее разбудить, так как давно пора было вставать, да и разогретый завтрак – это уже помои. Бабука, недовольно щурясь, спросила не вставал ли еще внучок, на что я огрызнулась, что следить за мальчиком тридцати лет не нанималась.

– Кстати, я все спросить хотела, – начала я, когда Христофоровна приступила к завершающей фазе завтрака – распитию кофе с коньяком.

– Ну не томи, спрашивай, – у старушки сегодня было на редкость хорошее настроение. Вообще я, заметила, что с приездом внука бабука стала как-то веселее и гораздо благодушнее.

– Какой же он вам внучек, если братьев-сестер у вас не было отродясь?

– Дура что ли? – покрутила бабука у виска, – а двоюродные на что? Веркин это внук, сестрицы моей, дальняя родня значит. Однако ж мне роднее и нет никого. Ты вот спрашивала кому наследство. А ему и останется все. С остальными как-то не заладилось, а этот терпеливый всегда был, да ласковый. Маленьким часто у меня гостил. В тех внуках хитрости да наглости хоть отбавляй, а в этом нет совсем. Святая простота, а не мальчик.

На этом месте я захлебнулась кофе. Это в Романе наглости нет? Это он святая простота? Насчет хитрости не скажу, конечно, но наглее парня еще поискать нужно. Но бабке я рассудительно ничего не сказала. Это мне он мужик противный, а ей почти единственный родной человек. Нечего старушку расстраивать. Да и разве послушает она меня.

– Ты, коли дела все переделала, иди-ка прогуляйся, – сказала Христофоровна.

А я удивилась. Обычно бабка терпеть не может, когда я выхожу из дома. А тут нате вам, сама выпроваживает. Может присутствие внука на нее так действует?

– Спасибо. Пройтись не помешает. Погода прекрасная. А, кстати, вы говорите Роман вчера на рыбалку ходил?

Бабка подозрительно на меня уставилась.

– Ну ходил.

– А рыба-то где? – невинно поинтересовалась я.

– А дык не поймал видать, – развела она руками, пряча взгляд.

Ох, чую не договаривает что-то бабуля моя. Что уж у них там за тайны не моего ума дело, конечно, но интересно-о-о...

В доме по-прежнему стояла тишина. То ли внучек все еще спал, то ли уже ускакал куда-то с утра пораньше. Где же он вчера был?

Идти до озера от дома всего ничего. Метров двести пря-

мо, затем с пригорка вниз спускаешься и вот оно, расстилается зеркальной гладью перед глазами. Я на ходу сняла футболку, и завязала волосы резинкой в пучок. На берегу растелила плед, придавив его бутылкой с водой. Легкий ветерок может унести лежак, пока я буду плавать.

Сбоку послышался слабый стук. Показалось?

Но стук повторился вновь. Как будто ладонью по воде шлепают. Справа камыши, именно оттуда доносилось шлепание. Я подошла поближе. В кустах что-то белело. Я раздвинула ветки и вскрикнула. В камышах, запутавшись волосами о корягу, лежала девушка. Мертвая, наверное. Раз вниз лицом, значит точно мертвая.

Тело изрядно распухло и выглядело очень жутко. Сине – багровое, оно от легкого ветерка качалось в воде, издавая этот негромкий звук.

Господи... я, не зная, как поступить, звонить ли из дома в полицию, или бежать за подмогой в деревню, просто бросилась по дороге. Бежала я до тех пор, пока не наткнулась на чью-то грудь.

– Помогите!

– Тихо-тихо... что случилось? – передо мной стоял Роман, такой живой и теплый, что я порадовалась даже ему.

– Там...там... – я указывала рукой в сторону пляжа, и громко стучала зубами.

– Что там? – странное дело, но оказывается Роман вполне умеет разговаривать человеческим голосом, без этих своих

ухмылок и издевок.

– Там, кажется, труп, – ответила я и разревелась.

– Я сейчас! – Роман оставил меня на дороге, а сам бросился к пляжу. Вернулся минут через пять, с кем-то разговаривая по телефону.

– В общем так. Иванычу я позвонил, ты пока в дом иди, водки что ли выпей, у бабули есть. А я его тут подожду.

Иван Иванович Резников – участковый, жил в поселке и там же, в отделении почты находился его кабинет. Впрочем, в нем, Иваныч, как привыкли за глаза называть его деревенские, почти никогда не находился, большую часть рабочего времени находясь в разъездах по вверенной ему территории. А это, ни много ни мало, четыре деревни и сам поселок. Да и рабочее время, честно говоря, нормировано было лишь формально. На деле же, Иваныча часто вызывали по ночам на пьяные драки, а то и убийства.

– Нет! Я тут. Мало ли... – зачем-то воспротивилась я.

Хотя в доме мне однозначно было бы уютней, чем здесь, но мне отчего-то хотелось проследить до приезда полиции, чтобы все было нормально на месте преступления. Хотя какой уж тут нормально, если в воде плавает чей-то труп. Бедная... как же это она так? Неужели утонула? Но платье... может пьяная была, в воду полезла... мысли о несчастной не давали мне покоя. Роман топтался рядом и снова начал меня раздражать. Я уже вообще пожалела о той своей минутной слабости, когда позволила себе разреветься в его при-

сутствии.

Вскоре о происшествии на озере откуда-то узнала вся деревня, и большинство ее жителей столпились возле кустов. Роман покрикивал на граждан, чтобы не затапывали место возможного преступления, но разве его кто слушал?! Гомон стоял такой, будто не в печальных событиях участвует народ, а на свадьбе во время выкупа невесты. Духовские строили предположения одно за другим, но посмотреть кто же лежит в воде никто почему-то не решался.

Ждать участкового пришлось долго. Оно и не мудрено, учитывая состояние проселочных дорог.

Наконец, к озеру подъехала новенькая Нива и из нее выбрались двое мужчин. Первый, седовласый и усатый Иваныч, не оглядываясь на окружающий пейзаж пошел к толпе.

Недавно участковому исполнилось шестьдесят, но вряд ли кто-либо смог бы усомниться, что он вполне еще может дать фору молодым коллегам. Всегда подтянутый и суровый, Иваныч производил на местную шпану неизгладимое впечатление. Ему иногда даже говорить ничего не нужно, одним взглядом Иваныч вызывал оторопь и страх у всех, кто хоть раз преступил черту закона. За Иванычем из машины выбрался молодой парень, на вид почти мальчишка. На безусом лице ярким пятном выделялся крупный нос, щеки и лоб были усыпаны яркими веснушками. Парень огляделся и поцокал языком. Видимо, остался в восхищении от здешних красот. Да, что ни говори, а у нас тут красота такая, что дух

захватывает.

Рома перехватил Иваныча по дороге, и что-то начал тому втолковывать. Участковый тут же недовольно посмотрел на меня, будто я в чем-то виновата, а Рома позвал меня к ним. Народ опасливо глядел на участкового, но подходить близко не рисковал. Жива еще в наших краях поговорка «от тюрьмы до сумы не зарекайся». Вот они видимо и предпочитали подальше быть от представителя этой тюрьмы.

В нашей жизни что главное? Главное вовремя слинять. Вот так и поступило большинство жителей Духовки, бочком-бочком покидая пляж.

Иваныч, видя такое безобразие, никого задерживать не стал, а лишь усмехнулся в свои пышные белые усы.

– Здравствуйте, Евгения Петровна, – козырнул он отличной памятью, хоть и встречались мы с ним всего один раз. И тот в магазине, ожидая привоза хлеба.

– Добрый день, Иван Иванович! Хотя какое уж оно доброе...

– Вот уж зрите в корень. Тело вы обнаружили?

Я вздохнув, кивнула.

Иван Иванович поцокал языком, покачал головой, скривил губы и недовольно покрутил правый ус. Мы, не спеша, направлялись к кустам.

– Я купаться как раз собралась. Вдруг слышу, плеск какой-то. Ну и пошла посмотреть. А там вот... – в этот момент

капитан как раз раздвинул кусты, и я показала на тело.

– Налицо утопление. Самоутопление в смысле. Уже опознали родные-то?

– Нет пока. Мы никому и не разрешили тело трогать до вашего приезда. А так как опознать-то? Вниз же лицом лежит, – развела я руками, стараясь не смотреть на раздутый труп.

– Иван Иванович, глядите-ка, – протянул спутник участкового.

Пока мы болтали, он уже успел перевернуть труп. Иван Иванович присел с ним рядом, присвистнул и вздохнул:

– Вот тебе и утопленница. Блин, вызывай Леха бригаду. Пусть работают.

Иваныч поднялся и пояснил:

– Алексей Горев, стажер мой. Прислали вот. Чую, на пенсию меня отправят в скором времени, отработал свое Иваныч, отпахал...

Леха достал телефон и принялся втолковывать что-то в трубку. Видимо собеседник ему попался на редкость непонятливый, или Леха плохо объяснял, потому что он то и дело срывался на мат, силясь объяснить тому, что случилось, и куда нужно ехать. Я всего на секунду бросила взгляд на труп, но тут же желудок протестующе поднялся к горлу, и я бросилась в соседние кусты.

– Эй, товарищи! Ну-ка кого-нибудь сюда мне для опознания дайте, – крикнул духовским Иваныч.

Народ, посоветовавшись, выдвинул бабку Афанасию. Расчет местных видимо был прост. Афанасия в свое время служила надзирательницей в тюрьме, характером обладала боевым и безжалостным. Таковую никакими трупами не испугать. Афанасии хватило одного взгляда, чтобы безоговорочно ответить, что в кустах лежит Инга Молчанова.

– Учительница? – уточнил Иваныч.

– Она самая. Учить-то она учит, – зашептала бабка, – да на разврат падкая, прости Господи мне язык мой грешный!

Афанасия принялась креститься и шептать молитву, а участковый терпеливо ждал, что она еще поведает.

– На какой-то такой разврат? Сами видели? Или слухи?

– Да кто ж за ней следить что ли будет? Рожа у нее блудливая. Была. Прости Господи грехи мои тяжкие, – снова закрестилась Афанасия.

– Ну да...рожа это аргумент, – фыркнул Иваныч и отпустил Афанасию с миром.

Я подошла к Роме в тот момент, когда на озере раздался многоголосый шепот «Иринка идет». Ирина – мать Инги, сломя голову неслась по тропинке и кричала. За ней бежала младшая дочь, а народ в ужасе смотрел на страшную картину.

– Ну, епрст! – выругался участковый. – Мать идет.

Когда Ирина подбежала к нам, он попытался удержать ее, да куда там. Ирина увидела дочь, закричала страшным голосом и упала на траву. Тут же подбежал народ. Иваныч мах-

нул Лехе, и тот помог донести женщину до машины.

– Ты в общем тут оставайся, вот с ними что ли, – указал он на нас с Ромой. – А я ее сейчас до дома что ли доведу, или до медпункта, к Юрке.

Я снова кивнула, и участковый при помощи жителей донес Ирину до машины. Младшую дочь, пятнадцатилетнюю Карину, тетка Катя ласково гладила по голове и вела за собой. Девочка молчала и выглядела отрешенной. Да уж... Карина наверняка сейчас в шоковом состоянии. Хорошо хоть она не стала глядеть на погибшую сестру.

Иваныч вернулся только часа через два, злой, как черт.

– Плохи дела, – сказал он, – поехали мы значит в медпункт, а там никого. Ну нашатырем ее кое-как в чувство привели. Тут мне дочь ее и говорит, мол убитая с Юркой – фельдшером этим самым, из медпункта ушла. И когда успели снюхаться-то? Почему я не знал?! Ну в общем мы к нему. А его и дома нет. Проверили – нигде нет. Такие дела.

– Ну это ж хорошо, – хлопнул в ладоши Леха.

– Чего хорошего-то?

– Так вот же у нас уже и подозреваемый в убийстве есть. Это же замечательно!

– Дурак ты, Лешка, – беззлобно ответил капитан. – Молись лучше, чтоб у нас трупа второго не было. Эх... пожрать бы сейчас... с утра ничего не ел.

Рома украдкой посмотрел на меня, и я предложила принести какой-нибудь снеди прямо сюда, многозначительно гля-

дя на кусты. От Иваныча не укрылся мой укоризненный взгляд, и он предложил, чтобы я накормила их после того, как на место приедет группа.

Наконец, Иваныч отправил нас домой, предварительно еще раз допросив и записав наши показания, и пообещал зайти попозже. Рома всю дорогу молчал, лишь дома ответив на мучивший меня вопрос, как же убили Ингу.

– На шее у нее следы от удушения. А уж чем душили, я знать не знаю.

– А как думаешь, фельдшер-то жив? Это он ее того?

– Да мне откуда знать? Чего ты пристала-то? – неожиданно выскрикнулся Рома.

Ну ладно, гад! Я-то было уж подумала, что ты человек нормальный, а ты так значит... интересно, что его так разозлило в моих вопросах? Прямо занервничал весь, как об убитой спросила. Неспроста это...

Христофоровна недовольно фыркала и кривила лицо. Ромка вкратце поведал бабуле о наших приключениях и предупредил, что в гости ожидаются представители власти.

– Снюхались? – старушка прищурила глаза, глядя то на меня, то на внучка.

– Да упаси Господь, – фыркнула я.

– С ней?! – в унисон мне воскликнул этот гад.

– Ну-ну, – мерзко захихикала Христофоровна, а я, пожав плечами, пошла готовить обед.

Полицейские объявились лишь часам к шести вечера. Уставшие и злые они молча поужинали и, поблагодарив за прием, и записав наши с Ромкой показания, отбыли восвояси. Но перед этим Ромка все же выпытал у них, что фельдшера они так и не нашли, и где он теперь обретается – одному Богу известно.

Следователь лет сорока, капитан Лютаев, записал наши контакты, взамен оставив свои, и просил звонить ему в случае чего. Что должно было случиться я уточнять не стала, надеясь, что все-таки подобные сегодняшнему приключения меня в дальнейшем минуют. Леха многозначительно улыбнулся мне, подмигнул, и, козырнув на прощание, уселся в машину. Ромка при этом немного скривился, но, заметив, что я за ним наблюдаю, недовольно покачал головой и отправился к дому.

Тело Инги увезли на экспертизу, ее мать забрала скорая помощь, чтобы доставить в городскую больницу. Карину приютила у себя тетка Катя.

Скорее всего, будь это несчастным случаем, через день-два, немного посудачив о происшествии, и перемыв погибшей косточки, все быстро забыли бы о случившемся. Если бы не два жирных «но». Во-первых, это не было несчастным случаем, а во-вторых, убийца все еще на свободе. И где он появится в следующий момент, никто не знал.

5

Ночью меня разбудил какой-то странный шорох у моей двери. Такое ощущение, что кто-то топтался около, не решаясь постучать и войти. Я, заинтригованная донельзя, включила ночник у кровати, накинула халатик и подошла к двери.

– Кто там? – почему-то шепотом спросила я.

– Свои, – так же шепотом ответил мне Рома.

– Свои в такое время в постели спят. В своей.

Я резко распахнула дверь и Роман, видимо, облокотившийся на нее, и не ожидавший такого вероломства с моей стороны, просто-напросто свалился на мой порог. Я противно захихикала, а он... надулся как мальчишка.

Сейчас, стоя на четвереньках у моего порога, сонный и надутый, он совсем не походил на того напыщенного индюка с нашей первой встречи. На какой-то момент мне даже стало его жаль, но я быстро погнала от себя эти мысли, решив, что парень все-таки крайне подозрительно отирался у моей двери поздней ночью. И еще неизвестно что бы он сделал, не проснись я так вовремя.

Рома, весь взъерошенный и красный от стыда и злости, резко встал, немного оттолкнув меня в сторону и не спрашивая разрешения закрыл дверь. Сам он при этом остался у меня в покоех, чем очень сильно меня нервировал.

– Эй! Ты чего удумал? Я сейчас кричать буду! Пусть ба-

бушке станет стыдно за внучка.

– Дура что ли? На кой ты мне сдалась? Я по делу.

– Сам дурак, – обиделась я.

В конце концов, не такая я уж и страшная, чтобы не хотеть меня... тут же мне стало смешно и стыдно от таких своих мыслей, и я решила не обращать на слова внучка никакого внимания. Кроме последних. Что за дело его привело ко мне в такое время, интересно.

– Ну говори, – я уселась на кровать и демонстративно зевнула.

Ромка скривился, но все же сказал:

– Я тут вот что подумал. А не прогуляться ли нам с тобой до деревни?

Я округлила глаза и молча покрутила пальцем у виска.

– Да не бойся ты, я ж не на свидание. Тем более ты не в моем вкусе, как оказалось. Слишком острая, как чили. А у меня изжога от острого и гастрит начинается.

Я чуть не подавилась от таких его слов, но про себя порадовалась. Приятно, что я могу доставлять мужскому полу такие болезненные ощущения. Так им, противным.

– К тому же ты явно феминистка, а они, как известно, конкретно чокнутые, – как ни в чем не бывало продолжил он.

Ну я и показала ему, что такое по-настоящему чокнутая, очень удачно треснув его под коленной чашечкой. Ромка ойкнул и схватился за ушибленную ногу.

– Зачем в деревню идти? Ты так и будешь мямлить? – прошипела я, не обращая внимания на его зверское выражение лица.

– Занадом! Достала ты меня. Что ты злая-то такая! Фельдшера выслеживать будем!

– Ого! Интересно, как?

– На месте разберемся. Но чую я, он в деревне. У кого-то прячется. Надо сеновалы проверить, где-то там он, наверняка.

– Как у тебя все просто, – хмыкнула я. – А почему ж ты думаешь, он в город не подался? Если это он Ингу убил, было бы логично смыться из деревни.

– Ну... – замялся Ромка, – может и подался. Если это он конечно убил. А что, если нет?!

– И как ты себе представляешь это все?

– Слушай, если ты трусишь, оставайся. Я могу и один пойти. Думал просто, что тебя заинтересовало это дело.

– Один-один... я прям вижу, как тебя за шкуру поймают и выгонят с позором. Ладно уж... выйди. Я переоденусь.

Ромка, стараясь не показывать своей радости, все-таки он милаха, сурово кивнул и вышел из комнаты.

Я, быстро выбрав подходящий случаю наряд, черные водолазку и спортивные штаны, заодно прихватила и рюкзак, куда уже на кухне кинула фонарик, бельевую веревку, бутылку воды и пару бутербродов.

Ромка, видя мои приготовления, тихонько посмеивался в

уголке, пока я не прикрикнула на него. И правильно сделала, потому что все это нам впоследствии очень даже пригодилось.

Выглядели мы с Ромкой как заправские грабители. Оба в черном, чулок только на головах не хватает.

– Как ты себе это представляешь? Мы что, все сеновалы обшаривать будем? И чем? Вилами? – шипела я всю дорогу, не видя никакой перспективы поймать предполагаемого убийцу.

– Зачем все? – удивился Ромка. – Мы только их с матерью сарай обшарим и все.

– Я не пойму, тебе-то какой интерес со всего этого?

– Как какой? – он округлил глаза, – Я выполняю свой гражданский долг!

Я немного зависла, размышляя, шутит он, или говорит всерьез, как вдруг в тишине раздался женский крик.

Ромка, украдкой взглянув на меня, бросился на шум. Я, естественно, припустилась за ним, и вскоре мы оказались возле дома Афанасии. В окнах загорался свет, люди выходили на улицу, в чем спали, чтобы узнать, что случилось. Виновница шума, Афанасия, торжествующе уставилась на окружающих.

– Что случилось? Это вы кричали? —спросил Ромка.

– Я, а кто ж еще?! Проверка связи, – мерзко захихикала старушка.

– Не понял...

– Ну чего ты тупой-то такой? Проверяла я народ на бдительность.

Духовские недовольно зароптали, но связываться с вредной бабулей никто не решился – себе дороже. Все в округе знают характер бывшей надзирательницы. Враждовать с ней – себе дороже, сожрет без соли и не подавится. Ромка громко матюкнулся, но тоже предпочел промолчать.

В конце концов, действительно, это разве запрещено законом – кричать среди ночи, если тебе девяносто, и разум давно покинул седую голову?!

Народ потихоньку разошелся, сквозь зубы шепча проклятия, а Афанасия, улыбаясь, как сделавший пакость ребенок, вернулась в дом, громко хлопнув дверью.

– Слушай, а это ничего, что мы тут засветились? – обеспокоенно спросила я Ромку.

– И кому какое дело? Мы же не преступление затеваем, – хмыкнул он.

– И то верно! Слушай, а что, если мы его найдем? Ну я имею ввиду, делать с ним что будем?

– Как что? – округлил Ромка глаза, – пытаться, конечно.

– Дурак!

– Сама такая. Чего ты вопросы глупые задаешь? Иванычу сдадим и всего делов.

Дождавшись, когда во всех домах погаснет свет, мы с Ромкой наконец вышли на дело. Дом фельдшера, Юрки Плото-

ва, находился в самом конце улицы. Сарай располагался в глубине двора, и нужно было очень тихо пройти мимо двери, ведущей в дом, так как располагались они очень близко друг к другу.

В доме, где Юрка жил с матерью, свет не горел и стояла тишина. Ромка приложил палец к губам и на цыпочках подошел к двери, ведущей в сарай. Я стояла ни жива ни мертва. Это же надо, как воры крадемся в чужую собственность. Ромка тихонько приоткрыл дверь, но она все равно еле слышно скрипнула.

В сарае стояла зловещая тишина, и я лично очень сомневалась, что там кто-то может прятаться.

Ромка посветил фонариком по-пустому, заваленному всяким старьем помещению, и указал рукой на лестницу, ведущую наверх. Туда, где Плотовы сваливали сено для скота. Все так же на цыпочках Ромка подкрался к лестнице и стал подниматься.

На мой взгляд, предосторожности излишние, учитывая, что предположительно находившийся наверху Юрка просто не мог нас не услышать, ну или хотя не увидеть свет от фонаря. Хоть мне и не улыбалось карабкаться вверх по довольно хлипкой на вид лестнице, но все же пришлось. Не хотелось показать себя перед Ромой трусихой. Как там гласит поговорка? Назвался груздем – полезай в кузов. Каково же было мое удивление, когда я, взобравшись наверх, в свете фонаря

увидела, лежащего без признаков жизни, Юрку.

Я уже было хотела закричать, но Ромка, заметив это, погрозил мне кулаком и приложил палец к губам. Он осторожно подошел к фельдшеру и прикоснулся к шее. Юрка неожиданно вздрогнул, ойкнул, вскочил и бросился бежать. Да только спросонья не сообразил, что люк, ведущий вниз, открыт, и полетел вниз.

– Разбился, – второй раз за пять минут я похоронила фельдшера.

– Твою мать! – ответил Ромка, в два прыжка преодолев лестницу.

– Живой? – крикнула я.

– Живой... еще тепленький.

Когда я спустилась в сарай, перед глазами моими предстал Юрка, корчившийся от боли. Он держался за ногу и тихо стонал. Ромка гладил его по голове, словно маленького ребенка и что-то ему тихо говорил. А я в этот момент подумала – вот так убийца у нас.

Неожиданно дверь в сарай отворилась, и перед нами предстала поистине дивная картина. Юркина мать, Ольга Сергеевна, с вилами наперевес, встала в проходе. Силуэт освещался полной луной и весь ее облик напоминал какого-нибудь маньяка из фильма ужасов.

– Не отдам, – прорычала Ольга Сергеевна, грозно наступая на нас.

– Мама, не надо, – простонал Юра.

– Да уж, Ольга Сергеевна, не стоит, – пропищала я.

Тут женщина заметила меня, как-то совсем горько вздохнула, так, будто из нее выпустили весь воздух, и опустила вилы.

– Ну что, сами все расскажете, или Иванычу звонить? – посуровел Ромка.

– Не надо никому звонить. Что с сыном? – прошептала Ольга Сергеевна.

– Да что ему сделается?! Убегал ваш Юрка, да недалеко. Дай посмотрю, – это уже Юрке.

Плотов поморщился, но согласно кивнул. Я тоже наклонилась, чтобы взглянуть, что там у несчастного беглеца с ногой, но в сарае было довольно темно. Ночь все же на улице. И даже полная луна не давала достаточно света. Пришлось нам тащить Юрку в дом. Нога опухла и немного посинела.

– Наверняка всего лишь ушиб, – утешил Ромка, и приподняв Юрку, быстро от него отстранился. На удивление, тот с трудом, но смог устоять на ногах, а значит Ромка скорее всего прав. С переломом не больно-то получится встать.

Юрка, хоть и охнул при этом, но вполне мужественно захромал дальше сам. Мать заваривала чай, а мы уселись за столом. Странно, но и мне, и видимо Ромке было очевидно, что перед нами никакой не убийца.

– Когда ты последний раз видел Ингу? – Ромка уселся поудобнее, и как ни в чем не бывало, принялся уплетать пирожки, заботливо выставленные хозяйкой на стол.

– Да мы...я...это я виноват. Понимаете, если б я не опоздал тогда. Мы с Ингой договорились встретиться у озера, в девять. Но у меня Витька Кузьмин отлеживался.

– В смысле отлеживался?

– Да плохо ему было, перепил на работе. А чтоб Ленка, жена евонная не узрела сие непотребство, он меня попросил капельницу поставить. Ну я и ждал, когда докапает.

Юрка страдальчески поморщился, вытер рукавом лоб и продолжил.

– Я Инге позвонил, сказал так мол и так, опоздаю. Она кричала, чтоб я с Витькой тогда и спал...эх... да если б я знал, да я бы к чертям его послал, – разошелся он.

– Ты дальше давай. Дальше-то что было?

– Ну она хоть и накричала, но сказала, мол подождет. Погода хорошая была, говорит искупаюсь. Я когда прибежал туда, уже полдесятого было. Смотрю, а Инги нет нигде. Ну думаю, точно обиделась, ушла. И тут мне так в кусты понадобилось, мочи прям не было терпеть. Я туда сунулся как раз, а там Инга, – тут Юрка всхлипнул и горько зарыдал.

Мать подбежала к сыну и принялась гладить его по голове, что-то тихонько нашептывая. Мы с Ромкой переглянулись, и я заметила, что он с нескрываемым злорадством смотрит на Юру. Интересно, с чего бы это? Что этот фельдшер успел ему такого сделать, чтобы даже в такой ситуации он вместо сочувствия испытывал к парню неприязнь?! Ромка увидел мой взгляд и отвел глаза в сторону.

Минут через пять Юрка продолжил свою исповедь.

– Я ее уже на руки взял когда, понял сразу, что она того. Все значит. Она вся такая обмякшая, тяжелая. И пульса уже не было. Я вначале хотел ее в деревню нести, скорую там, полицию вызвать... растерялся весь. В голове-то куча мыслей сразу. И страх, и жалость, и вообще. Вам не понять, – вздохнул он.

– Ну почему же? – тихо сказал Ромка, – я как-то мать схоронил. Давно еще. Тоже на руках умерла.

Ромка отвернулся и замолчал. Я тоже не знала, что сказать. И Ромку и Юрку было очень жаль, но больше всего меня тревожило другое. Получается, что если это не Юрка убил Ингу, то значит это сделал кто-то другой. И этот кто-то сейчас ходит на свободе.

– Я... мне пришлось ее там оставить. Я испугался, что менты на меня подумают. И разбираться же не будут. Не будут же? – наивно уставился он на меня.

– Теперь-то уж точно на тебя думают. Дурак ты, Юр. Что делать планируешь?

– Я... вы что, меня не сдадите?

Я в сомнении уставилась на Ромку, но тот лишь пожал плечами.

– Вы мне верите, да? Верите, что это не я ее? – казалось, Юрка поверить не мог своему счастью.

– Мы-то тебе положим верим. А вдруг мы ошибаемся? –

прищурился Ромка.

– Но это же не я!

– Я не могу так рисковать! Тебе придется все рассказать следователям. В свою очередь обещаю, что сделаю все возможное, чтобы тебя там не били. Про ногу твою расскажу.

– Вы издеваетесь, да? – Ольга Сергеевна зло смотрела на Ромку, а Юрка сразу весь поник как-то и будто съезжился.

– Нет, зачем?! Я даже с адвокатом толковым помочь могу. Пока суд да дело, мы с Евгенией убийцу ловить будем.

Тут уж я на него уставилась недоуменно, не понимая, как реагировать на его слова. Хотя его доводы теперь уже казались мне вполне логичными. Я могу сколько угодно верить Юрке на слово, но где гарантия, что он не врет? Что, если он сейчас попросту пытается нас одурачить в надежде, что мы уйдем, а он в это время скроется из деревни? Я просто не имею право так рисковать.

Пока Ромка звонил участковому, Ольга Сергеевна в молчании собирала Юркины вещи. С собой значит. Юрка все это время смотрел в одну точку, изредка вытирая рукавом выступающие слезы.

– Вы правда найдете его? – сипло спросил он вдруг.

– Кого? – не поняла я.

– Убийцу.

Я не нашлась что ответить и отвернулась.

Через час приехал Иваныч, и теперь Юрка уже ему поведал все, что знал. Иваныч в свою очередь позвонил следова-

телям, чтобы те, несмотря на ранее утро, обрадованно примчались уже через полчаса. Конечно...неизвестно сколько бы им еще пришлось ловить предполагаемого убийцу. А тут вот он. На блюдечке с голубой каемочкой.

Домой шли в молчании. Каждый думал о своем. Уже поднимаясь в свою комнату, поняла, что меня безумно терзает вопрос, почему Ромка с таким злорадством смотрел на Юрку, когда тот рассказывал об Инге. Что я вообще про Ромку знаю, кроме того, что он бабкин внук? Надо бы разузнать о нем хоть что-то, странный он какой-то. С этими мыслями я и уснула, ворочаясь с боку на бок почти час.

6

На следующий, вернее в тот же самый день, так как уснула я только в шесть утра, проснулась я поздно, и в панике побежала к Христофоровне. Тайны тайнами, а работу-то никто не отменял.

На мое удивление Сандры в комнате не было. Постель оказалась аккуратно заправлена. Я в полном смятении спустилась вниз, где и обнаружила на кухонном столе короткую записку: «Пока лентяйка спит, уехали в город. Будем к ужину со шницелем и люлей-кебаб.»

Не передать словами, как мне стало стыдно за свое поведение. Того и гляди, бабка вовсе уволит меня, и правильно, между прочим, сделает. Где это видано, чтобы работник не приходил на службу вовремя без уважительной причины?! А наше маленькое с Ромкой расследование вряд ли можно считать таковой.

Тут меня пронзила еще более ужасающая мысль. А не за новой ли сиделкой они укатили? А что если Ромка специально подбил меня на ночное приключение?! Ну гад! Будет ему шницель! Будут ему и люли с кебабом. Ишь ты... избавиться от меня захотел. Не на ту напал.

На самом деле было довольно непривычно находиться в доме совсем одной. Хоть обыкновенно Сандра и проводила в своей постели большую часть времени, все же ее незри-

мое присутствие всегда ощущалось мною вполне. Оно давало некое чувство нужности что ли, и я понимала, что мне будет крайне обидно уезжать отсюда. Не сейчас, не сегодня...

Присутствие Христофоровны спасало от одиночества и дурных мыслей. Трудно представить, но, если бы не бабка, для меня все могло закончиться довольно скверно. Сейчас я вспоминаю некоторые трудности своей жизни со скепсисом и ухмылкой, а тогда, после тяжелого развода, повязанная неподъемным кредитом и потерей работы, я почти серьезно подумывала о прекращении своего брэнного существования на грешной земле. Только мысли о родителях и спасали. Но кто знает, надолго ли хватило этих мыслей, если бы не устройство на эту работу. Бабуля, крайне вредная и ехидная особа, скучать мне точно не давала. Подозреваю, что любовь наша все же была взаимной, иначе она бы давно турнула меня за мои выкрутасы.

Тут я снова вспомнила об их отъезде, и в груди неприятно защемило.

Весь день я провела в огороде, пропалывая грядки с клубникой и высаживая новые ряды кустовых роз и тюльпанов. Нынешние мне не очень нравились, ввиду их мелкого размера и невзрачной расцветки.

Совсем недавно я заказала в интернете всевозможные их виды, надеясь, что хоть какие-то да приживутся. Еще, мне казалось, теперь, что цветы – это то, что меня связало с этим

домом до тех пор, пока они будут цвести. Глупость, конечно, но очень уж хотелось остаться здесь. Умаявшись, я, наконец, решила немного отдохнуть перед тем, как приступить непосредственно к готовке. Легкий ветерок трепал кроны деревьев, на ветке заливисто распевал соловей, принося успокоение бунтующей душе. Моей, естественно.

Я пила кофе на веранде, когда в голову мне пришло вдруг озарение. А дома-то никого нет. И тогда, спрашивается, что мне мешает спокойно залезть в подвал, ключи от которого так яростно охраняет Христофоровна?!

Как только данная, не слишком умная мысль, пришла мне в голову, я тут же подорвалась с места и поскакала в комнату Сандры. Надо бы сделать слепок ключа – на будущее. Для этого я по пути наведальась в ванную, и схватила с полки мыло. Но в комнате меня ждало разочарование. Ключей в том месте, где я взяла их в прошлый раз, не оказалось, и я чуть не выругалась от досады.

Выходит, Христофоровна что-то заподозрила? Или просто, уезжая из дома, прихватила их с собой? Черт поймет эту старушку. Крайне раздосадованная на свою невезучесть, я забрала с веранды кружку с недопитым кофе, и принялась за готовку.

Музыкальный канал орал на полную мощность, оттого я не сразу услышала звонок в дверь. Чертыхнувшись, вымыла руки, и поспешила к выходу. А там меня ждал сюрприз в виде симпатичного голубоглазого блондина с ведром. Блондин

молча смотрел на меня, чуть приоткрыв рот, и я решила, что не такое уж и везение иметь такую внешность, если ты слегка придурковат.

– Вы что-то хотели? – я решила все-таки проявить некое подобие вежливости.

– Я...эм... Денис, – представился парень и протянул мне руку.

Честно говоря, я даже не поняла, как нужно реагировать в такой ситуации – послать парня сразу, или все-таки дождаться внятных объяснений? Интересно же.

– Здорово. И что? – для вида я насупила брови и грозно взглянула на непрошеного визитера.

– Да, глупо как-то. Вы извините.

Он вдруг развернулся и быстро зашагал прочь. Тут мне отчего-то стало стыдно и я, за каким-то лешим в тапочках припустила за ним.

– Ты чего хотел-то? – крикнула я, почти догнав беглеца уже у ворот.

Денис повернулся, удивленно и чуть смущенно улыбаясь и ответил:

– Да мне вода нужна. Чистая. Питьевая. Вот, – он протянул ведро, как бы показывая, что не врет.

– Хм... ну мне воду-то не жалко, конечно. Но можно вопрос, а почему бы в магазине не купить? Тут рядом деревня.

– Да закрыто там. А ехать в соседнюю сейчас не сподручно. Завтра думал туда наведаться.

Пока он говорил, я забрала у него ведро, и мы направлялись обратно к дому. И хоть бы на секунду меня посетила мысль, что нехорошо водить незнакомых мужчин домой. Во-первых опасно, во-вторых, что люди добрые подумают. Еще и бабке настучат. Хотя какие тут люди. Тем более добрые. На полкилометра вокруг ни одной живой души.

– А ты как тут оказался? И почему без воды?

– Да я археолог, – снова смутился он. Такое ощущение, что признался в том, что стриптизер как минимум.

– Да ты что?! – восхищенно ахнула я. – Здорово! Я в детстве тоже мечтала археологом стать. Это так романтично.

– Да нет, – засмеялся он, – чем-чем, а романтикой тут совсем не пахнет. Это такой нудный и муторный труд, который не факт, что успехом увенчается. Точнее, почти факт, что не увенчается. Что-то я совсем запутался. Короче, блажь это все. Хорошо, что не стала.

Все это мы обсуждали, пока я набирала ему воду, оставив парня на пороге дома. Вернувшись к двери, я с облегчением обнаружила археолога, так я его окрестила, там же, где его и оставила. Заодно принесла литровую банку свежесваренного вишневого компота, и он тут же принялся активно благодарить. Даже деньги пытался всучить, на что теперь уже я расмеялась. Не хватало еще плату со страждущего брать. Компот, кстати, Денис выпил сразу. До дна. Я хотела принести еще, но наткнулась не категоричный отказ. Ну нет, так нет.

– И где ты расположился? А ты один там? А что ищешь? – засыпала я его вопросами.

– Да тут, недалеко. Хочешь покажу?

Признаться, от такого вопроса я смутилась. С одной стороны интересно, конечно, как там археологи работают, а с другой, мало ли зачем он меня непонятно куда тащит? Вот так приедет моя бабулечка домой, а меня и след простыл. И найдут мои косточки по весне, или и вовсе не найдут. Как тут Сандра без меня?! Пропадет же. Пока я все это думала, чуть не заплакала от жалости к бабке и к себе.

– Нет, что ты. Спасибо, конечно, но я на работе. И вообще...

– Ок, – только и ответил он.

Нет, ну вообще. Ок, блин. Вот так. Я тут навывдумывала себе всякого, будто красота моя неземная человека с ума свела, да так, что тут же воспользоваться хочет ею, а он «ок».

– Ну пока, – сухо сказала я.

А этот археолог, мать его, рассмеялся.

– Увидимся. И... спасибо тебе.

И пошел. А ведь хитрый какой. Так ничего и не рассказал. Ни где копает, ни что ищет. Ничего. Знал ведь наверняка, что с ним не пойду. Ну и ладно. Чего я в самом деле так разволновалась. Ну да, парень красавчик. Из породистых, так сказать. Высокий, светловолосый, не блондин прям, а скорее светло русый. Волосы слегка вьются, прям Есенин. А губы-то какие. Когда улыбается, на правой щеке ямочка такая. И рес-

ницы пушистые-пушистые. Мда... размечталась. Археолога мне только не хватало. Я погнала вредные мысли прочь, и тогда вспомнила про мясо.

Все-таки придется бабулю с Ромкой яичницей кормить. Да уж. Выбросив угольки в мусорное ведро, я быстро замесила тесто и нажарила блинов, нафаршировав их с солеными грибами, рисом и луком. Настрогала свежий салат, зажарила омлет из десятка яиц с помидорами, и сервировала стол на веранде. Христофоровна как раз подъезжала к дому, о чем удосужилась заблаговременно сообщить, позвонив на стационарный телефон.

Ромка приехал злой, бабка еще свирепее. Ужин их видимо тоже не порадовал, но я, едва только завидев хмурые лица, поспешила скрыться в своей комнате. В конце концов подавальщицей я им не нанималась, и господа сами в состоянии обслужить себя за столом.

Я завалилась на кровать и, закрыв глаза, сама не заметила, как уснула. Проснулась от тихого шороха в комнате. На улице уже стемнело, лишь кровать освещала луна. Я приподняла голову, и обнаружила возле двери Дуську. Та тихо скреблась, пытаясь выйти наружу. Я нехотя поднялась, открыла Дуське проход, и тут услышала голоса. На цыпочках я шла на звуки, пытаясь делать это максимально беззвучно. Говорили в бабкиной комнате. Я подошла почти к самой двери и приложила ухо к неплотно закрытой створке, стараясь не пропустить ни слова.

Да! Я понимаю, что мне должно быть крайне стыдно. Я также осознаю, что такое поведение недостойно приличной девушки вроде меня. И весь этот поступок можно расценивать как весьма и весьма неллицеприятный с моей стороны. Но куда деть неумемное любопытство, вы мне скажите?! Как быть с темной стороной моей, в общем-то довольно милой, души?! Научил бы меня кто справляться со своими пороками, я бы век ему благодарна была. Короче говоря, в тот знаменательный вечер я таки услышала таинственный разговор Христофоровны с Ромкой, который для моих ушей явно не предназначался.

– Да говорю тебе, там дневник был, там! – в голосе Христофоровны явно слышалось недоумение.

– Но если он был в тех документах, то куда мог деться? – Ромка явно злился.

– Я не знаю. В прошлый раз все было на месте. Да ты сам подумай, куда он мог деться из ячейки?!

– Вот это мне и интересно! А ты не могла кому-то его давать? Ну может посмотреть просто?

– С ума сошел?! – бабка повысила голос и в нем послышались металлические нотки.

– Ну что ты, бабуль, я ничего такого не имею ввиду. Ну может другие документы давала кому, а вместе с ними там дневник был?

– Не было такого, – в голосе бабули вдруг появилась неуверенность.

Ромка видимо тоже это уловил, и спросил Сандру уже совсем по-другому. Мне показалось, что голос его звучал довольно угрожающе.

– Бабушка, ты понимаешь, что дело идет не о какой-то там ерунде?! В этом дневнике миллионы! Десятки, а может и сотни миллионов, учитывая ценность клада?! Без дневника этого проклятого его не найти. Я уже всю территорию облазил, но это как иголку в стогу сена искать! Те координаты, что ты дала, вообще не канают.

– Не ори! Не дура. Юристу на сохранение дневник отдала, когда наследство оформляла. Чтоб наследнику передал.

В комнате наступила тишина. Через некоторое время Ромка спросил, как звали юриста. Христофоровна конечно же помнила, но оказалось, что тот недавно умер. Все свои дела он передал племяннику, с которым бабка так и не удостожилась встретиться. Некогда. То поясница, то инсульт.

– А почему ты мне сразу не сказала?!

– Я забыла, – голос прозвучал так жалобно, что мне тут же стало жалко Христофоровну. За свои же документы еще оправдываться должна.

– Офигеть, – протянул Ромка. – Забыла она. Промотались как идиоты весь день. А она забыла.

Тут Христофоровна вроде как всхлипнула, и Ромка тут же сбавил обороты.

– Ну ладно, ладно тебе, бабуль. Извини что ли. Но и ты меня пойми. Я уже даже думать начал, что ты меня вокруг паль-

да обвести решила. Вот и вспылил. Найдем мы этого племянника и душу из него вытрясем.

Христофоровна, видно, хотела что-то сказать, да только хмыкнула в ответ. Послышался скрип отодвигаемого стула, и я поняла, что разговор окончен. Дабы не быть застигнутой на месте преступления, я поспешила к себе. Свет включать не стала. Сплю я и сплю. Нечего вызывать ненужные подозрения.

Я лежала в темноте и размышляла. Надо же, оказывается у бабки где-то запрятаны несметные сокровища. Видимо поэтому Ромка тут и объявился. На рыбалку он значит ходил, ага... то-то я у него никакой рыбы не видела в прошлый раз.

Надо бы проследить за ним, поглядеть куда он ходит. Ага... ну и увижу я, и дальше-то что? Сама копать начну? У бабки законное наследство из-под носа уведу? Нет уж. До такой степени я еще не обнаглела. Это же, во-первых, преступление, а во-вторых, свинство. С другой стороны, я же просто посмотрю. Интересно же, вдруг Ромка найдет клад, и мне удастся хоть одним глазком увидеть сокровища. Мысли о сокровищах не давали мне уснуть, и спустя то ли час, то ли два, я все же спустилась на кухню, чтобы выпить чаю и успокоиться. На кухне, подперев кулаком подбородок, сидел хмурый Ромка.

– Чего не спишь? – глухо спросил он, даже не стараясь отвести взгляд от меня. Оно и понятно.

Вниз я спускалась, рассчитывая на то, что там никого не будет. Была свято уверена, что домочадцы спят сладким сном, а тут на тебе. Естественно, накинуть хотя бы халат я и не подумала, и теперь сверкала всеми прелестями в полупрозрачной короткой сорочке. Вопреки ситуации я решила вести себя как ни в чем не бывало, а потому, ничуть не смущаясь, прошлепала мимо него и включила чайник.

– Не спится, – лаконично ответила я.

– Слушай, я помню, что мы с тобой собирались кровопийцу ловить, но потом подумал, пусть уж этим делом менты занимаются.

– Отчего же? Мне кажется, ты Юрке обещал, что найдешь, ну, по крайней мере, попытаешься найти убийцу Инги?!

– Мало ли что я там обещал, – Ромка резко отодвинул стул, встал, и подошел к окну.

Я хмыкнула в ответ, на что он тут же вспыхнул:

– Да ладно тебе, ну чего он тебе сдался? Юрка-то? Понравился что ли?

– Идиот! – только и ответила я.

– Да понимаю я все. И что обещал помню. Но меня прям корежит, как подумаю... – он, так и не закончив, резко обернулся и в два прыжка приблизился ко мне.

– О чем подумаешь? – он стоял так близко, что во рту у меня тут же пересохло. То ли от ощущения некой опасности, исходившей в этот момент от него, то ли от резко нахлынувшего желания его поцеловать вдруг. Мда уж... дожила. Уже

на каждого встречного готова запрыгнуть.

– Подумаю о том, что Инга тогда мне другого предпочла... а ему другого. И так далее. И вот, не поверишь, я когда смотрел тогда на него, такого жалкого, мне прям радостно стало, что это не я на Юркином месте. Хотя он-то мне ведь ничего не сделал...

Я не знала, что ответить ему на это все. Что тут вообще можно сказать?!

Пока я размышляла, как реагировать на его откровенность, Ромка резко наклонился и коснулся губами моих губ. Коснулся потому, что я успела отпрянуть в самый последний момент. Ромка как-то затравленно посмотрел на меня и вышел из кухни. Чудесаа... что же я за существо такое?! Еще минуту назад я сама хотела, чтобы он меня поцеловал, а тут, как током ударило. Не хочу. Ничего я такого не хочу. Не с Ромкой уж точно. А что я хочу-то? Спать. Видимо пора ложиться спать. Утро вечера не зря мудренее. Вот и пойду лягу.

Утром и впрямь голова очистилась от всякой ненужной ерунды. Встала я с ясными мыслями и вдохновляющими планами на день.

Первым делом проведала Христофоровну, которая и сообщила мне, что внучек уехал по делам и вернется лишь к вечеру, а потому придется ей терпеть мое общество, раз другого все равно нет. Я хмыкнула и поинтересовалась, что мадам предпочтет вкушать на завтрак. Мадам решила сегодня ограничить себя овсянкой с малиновым вареньем, и я порадовалась, что вкусы наши вполне совпадают. А значит мне не придется ломать голову, как удивлять мою старушку.

Устроив Сандру поудобнее в кровати, и включив ей выпуск новостей, я, напевая незамысловатую песенку, отправилась на кухню. Настроение мое еще больше поднялось от осознания, что не придется сегодня лицезреть плотоядные взгляды внучка. Можно спокойно заниматься своими делами, не боясь, что Ромка будет крутиться под ногами. К тому же, мне очень хотелось провести с Христофоровной познавательную для меня беседу.

За окном погода все так же радовала солнцем и голубым безоблачным небом, что в наших краях удивительная редкость. На березках, густо посаженных возле дома, радостно щебетали птицы, тоже видимо наслаждаясь солнечными

деньками. Я включила негромко музыку, и принялась при-танцовывать, пока булькала кофеварка, расточая приятный аромат на весь дом. Христофоровна тоже пребывала в благодушном настроении и, видно, была не прочь поболтать.

Начали мы с обсуждения мировых новостей. Поругали растущий доллар, а вместе с ним и евро. Поохали над очередной забастовкой французских железнодорожников. Пару раз я даже удостоилась от бабули похвалы, что было еще большей редкостью, чем отличная погода в начале июня. Воодушевленная таким приемом, я решила, что настала пора брать, что говорится, бабулю за кудельки.

– Сандра Христофоровна, а что же внучек ваш, раньше-то бывал в наших краях? – невинно хлопая ресницами, поинтересовалась я.

Христофоровна с грохотом поставила кружку с недопитым кофе на тумбочку возле кровати, и грозно сверкнула глазами.

– Ну бывал, а твое какое дело?!

– Да, собственно, никакого. Я, знаете ли, беседу светскую поддерживаю.

– Поддерживает она. Ишь ты. Умная больно стала. От меня что ль нахваталась?! Оно и понятно – с кем поведешься...

– А чего же он раньше-то не приезжал? По хозяйству ведь помочь не мешало бы...

Христофоровна, поняв, что отвязаться от меня не получится, махнула рукой, и вздохнула:

– Да поругались мы. Давно еще. Из-за этой простигосподи. Ну как ее там? – она сделала вид, что вспоминает, хотя было очевидно, что прекрасно помнит, о ком ведет разговор.

– Из-за женщины что ли? – округлила я глаза.

– Да какая она женщина! – вспыхнула бабка, и тут же осеклась. Поняла, что выдала себя.

– Хм... из-за мужчины?

– Дура! Много ты понимаешь! Вертихвостка она! О покойниках вообще-то не хорошо такое говорить. Да доброго слова я и не придумаю для нее.

– Вы про убитую учительницу что ли? – еще больше «удивилась» я.

– Про нее, а то, про кого еще. Уж и намучила она его. Я, когда узнала, что ее того, убили значит, первым делом, грешным конечно, на Ромку подумала. А ну как увидел с другим Ингу-то, ну и вспыхнул. Но он божился, что нет, не он, мол. Ну и пришлось верить дураку. Внук ведь. Теперь вот маюсь, сердце болит, а ну как он все же? Ромочка же мужик горячий...

Бабуля снова тяжело вздохнула и сложила руки на груди. В этот момент мне до того стало жаль Сандру, что появилось острое желание как-то ее утешить. И я было метнулась к ней в порыве обнять, но Христофоровна чутко уловила мое настроение, и погрозила пальцем.

Ну да... что я, Сандру не знаю, что ли?! Ее пожалеешь, как же. Она сама кого хочешь так пожалеет – надолго жалел-

ка сломается. В общем, на этой грустной ноте мы и закончили наш душевный разговор. Напоследок я поинтересовалась, чего моя подопечная изволит к обеду, полднику и ужину, и все запомнив, отправилась прибираться. А прибравшись, решила, что есть часок, чтобы искупаться.

До озера идти недалеко, народу поблизости никого, и я, облачившись в купальник и шорты, майку предпочла не надевать. На улице уже пекло немилосердно, и страсть как не хотелось напяливать что-то еще.

Уже на полпути к озеру, я все же вспомнила, что на этом самом озере позавчера убили человека, и настроение быстро испортилось. Во-первых, теперь меня туда и метлой поганой не загнать, а жаль. Место одно из самых чудесных, виданных мною когда-либо. Еще одно хорошее озеро находится значительно дальше. И для этого придётся идти через всю деревню. А во-вторых, мысли снова потекли в сторону гуляющего на свободе убийцы. В том, что это не Юрка, я почти на сто процентов уверена. Точнее на девяносто девять, оставив все же один процент на всякий случай.

Интуиция у меня обычно отменная, и в людях я тоже неплохо разбираюсь. Во всех, кроме мужа. Да и то, давний брак можно вполне списать на молодость и неопытность, кто не ошибается в двадцать лет? В общем, с купанием пришлось проститься. По крайней мере сегодня. Вместо этого я решила наведаться после обеда в деревню, когда там наступит настоящее сонное царство, и все жители будут разморе-

ны и благосклонны, чтобы хоть что-то узнать об Инге.

Пока варился суп, позвонила мама. Чтобы понять, какое это испытание, нужно знать мою матушку лично. Иначе представить это почти невозможно, и если я кому-то пытаюсь объяснить, люди обычно думают, что это шутка, и вообще карикатурный образ моей разыгравшейся фантазии. Впрочем, многим бы наверняка стало чуть яснее, если бы они вспомнили матушку Бриджит Джонс из одноименного романа. Ну или фильма, если кто-то не читал книгу. Да-да. Именно ее. Я думаю, это однозначно объяснило бы почему я, собственно, не тороплюсь ехать домой. Ни на выходные, ни на праздники, ни вообще. Даже когда совсем припекает. И даже когда хуже, чем «совсем».

Нет, маму я искренне люблю, но исключительно на расстоянии. И чем дальше это расстояние, тем лучше. Оттого я когда-то и выбрала именно тот вуз, в котором и проучилась благополучно пять лет, руководствуясь не специальностью, а дальностью расстояния от дома. В этом же городе и задержалась по сию пору. С матушкой мы обычно созваниваемся раз в неделю, но в последнее время она стала напоминать о себе почти каждый день.

– Доча, до-очь! Ты куда пропала-то? Мы с дядей Васей волнуемся, – кричала мама в трубку. В телефоне что-то шуршало, пищало и кряхтело, заглушая мамин звонкий голос (видимо дядя Вася).

Дядя Вася – новый мамин друг. По-моему, их отношениям нет еще и двух месяцев, и почему этот неведомый мне дядька так обо мне печется и переживает, мне искренне непонятно. Впрочем, запоминать очередного мамино жениха все равно не обязательно, не думаю, что с моей матушкой он задержится надолго. Нет, только не подумайте, что она какая-то стерва, или еще чего похуже.

Напротив, мама слишком всех опекает. Особенно тех, кто находится рядом. Вы можете сколько угодно клясться, что не голодны, наелись, вас тошнит от переедания, только вот моей матушке это будет побоку, пока все, ею так любовно приготовленное, не окажется в вашем желудке. И не важно, будет ли это килограмм булочек с мясом, или три литра супа, можно и не мечтать сбежать из-за стола. Маме плевать, январь ли месяц за окном, или жаркий май, вы обязаны надеть «хлопковые трусики, маечку, колготочки, кофту с длинным рукавом и головной убор».

Мама все время наглаживает, настирывает, надраивает, совершенно не считаясь с мнением окружающих, которые хотели бы управляться со своими делами самостоятельно, и совсем не обязательно гладить мои трусы, разбирать вещи в шкафу, фильтровать моих друзей и знакомых и прочее-прочее... возможно кому-то бы могло показаться, что я тварь неблагодарная и вместо того, чтобы сказать матушке спасибо, бросила ее одну, сбежав в другой город, но такая жизнь насекомого-паразита точно не для меня.

Даже самые заядлые ленивцы, не способные заварить себе чай, сбегали от маминого контроля, который выражается абсолютно во всех сферах жизни. Хорошо с мамой будет только младенцу, да и то недолго. Если бы хоть кто-то знал, скольких усилий мне стоило сбежать учиться в другой город, а потом еще и остаться там, он, несомненно, зауважал бы меня только лишь за это.

– Мамуль, так ведь нечего волноваться. Я жива-здоровая, ем пять раз в день, каждый вечер гуляю в парке не менее двух часов, ношу хлопковое белье и абсолютно довольна своей жизнью.

– За компьютером долго не сиди!

– Нет-нет, я совсем его не открываю, только по работе и только по острой необходимости, – тут, кстати, я почти не лукавила. Немножко если только, про работу. Но мама не переживет, если узнает, что проучившись пять лет в институте, я работаю то ли сиделкой, то ли личным секретарем, то ли поваром у почти выжившей из ума старушки.

– Поздно спать не ложишься, и пришли уже мне свои фотографии с коллективом.

– Мама!

– А что такого? Вон у Людки из третьего подъезда дочка в фирму крутую устроилась – директором по общественности, так она каждый день на работе фотографируется. И в сеть выкладывает. И правильно, между прочим, пусть все знают, что она вон как высоко взлетела.

– Мама!!!

– Ну а что такого? Тебе что, трудно? Я тоже хочу этой жабе показать, что у меня дочка не секретаршей какой-то там работает, или еще хуже, сиделкой, а главным бухгалтером. Вася, Вась, ну хоть ты ей скажи!

– Мама! Все, я не могу говорить. У меня тут начальство идет, потом перезвоню.

– Фотографии пришли, чтоб этот, как его, бежик был на груди.

– Бейджик, мам. Ладно-ладно. Все, пока. Целую.

– И мы тебя. Дядя Вася просит обнять тебя и...

Я, к своему стыду, так и не дослушав, что еще там просит сделать неведомый мне дядя Вася, отключилась. Суп практически приготовился, осталось забросить лавровый лист, и через пять минут можно отключать. Я сходила в огород, нарвала зеленого лука – мою гордость. Все же я, человек городской, быстро приспособилась к деревенской жизни. И хоть картошку пока еще не сажала, но зелень – моя слабость, на столе у нас всегда. Свежая и натуральная. Без всяких там химикатов и прочей гадости. Заодно аккуратно срезала несколько желтых роз, и, поставив их в любимую вазочку Христовой, украсила стол.

Сегодня бабуля, против обыкновения, решила спуститься в толовую, чему я была несказанно рада. Видимо помирать бабка решила погодить, раз уже не в первый раз покидает комнату без крайней на то необходимости. Как ни странно,

борщ Христофоровна похвалила. И попросила добавки. А еще попросила срезать и для нее букет, чтобы поставить в ее спальне.

Перебив посуду, я отпросилась у бабули погулять, на что получила напутствие не торопиться домой, и гулять хоть до ужина. Такая покладистость меня сильно удивила, но, с другой стороны, это мне было только на руку. Я быстренько напекла блинов, открыла банку вишневого варенья, и сказала Христофоровне что и где лежит. Надеюсь, чай она сама заварит, если я вдруг не вернусь к полднику.

Быстро заскочив в свою комнату, я нацепила шорты с футболкой, зачесала волосы в конский хвост и надела кепку, вспомнив мамин совет беречь голову. Сегодня он был как никогда актуален, учитывая жаркое солнце. С собой прихватила бутылку воды, и припустилась в сторону деревни.

Начать решила с тетки Кати. Женщина она совершенно беззлобная, и вряд ли будет почем зря поливать Ингу сплетнями. То есть от нее я могла получить более-менее объективную оценку человека. Заодно узнаю, как она себя чувствует после того обморока в магазине. К своему стыду, за всеми этими событиями последних дней, я совсем забыла, что не худо было бы проведать ее, справиться о здоровье. В этот раз Катерина дремала на качелях, подвешенных к двум березкам во дворе дома.

Жалко было будить человека, но, с другой стороны, зная тетю Катю, я нисколько не сомневалась, что она была бы не

прочь поболтать о том о сем, а поспать здесь можно в любое время. Каждый день. Круглый год. Развлечений в деревне, понятное дело, почти нет. Магазин, огород, да чаепитие с соседскими кумушками.

Я тихонько постучалась в ворота, и тетя Катя сразу открыла глаза. Немного похлопав ими, пытаюсь снять с себя дремоту, она, наконец, заметила меня, и вскочила с качелей, чтобы открыть мне ворота.

– Женечка, милая, здравствуй моя хорошая. Ты какими судьбами?

– Да вот решила проведать, узнать, как ваше самочувствие?

– Ай, да не бери в голову. Чего с перепугу-то не случится. Хорошо все. Вчера только доктор, Анна Петровна, из поселка приезжала. Давление померила, микстуру успокоительную выписала. Даже с собой привезла и за так оставить хотела. Да я что, разве купить сама не могу?! Еле-еле деньги ей за лекарство отдала.

– Ну и слава богу!

– Да ты проходи в дом-то. А хочешь на веранде чаю попьем? Ты погоди, я сейчас мигом.

– Нет-нет. Ну что вы в самом деле? Не надо чай, отдохайте. Но поболтать не откажусь. Только лучше бы в доме, а то на улице очень уж жарко.

– И то верно. Пойдем в дом, я сейчас чайник поставлю.

– Уговорили, – улыбнулась я, – чай так чай.

В доме у тети Кати, как всегда, был образцовый порядок и чистота. На кухне, напротив окна, во всю стену красовался чудесный пейзаж. По заверениям хозяйки, его она увидела на какой-то открытке. На столе кружевная салфетница с необыкновенными, вышитыми руками Катерины, салфетки. В хрустальной розетке гора конфет для гостей. Сама Катерина давно отказалась от сладкого из-за многолетнего диабета. И, таким образом, по ее словам, она воспитывала в себе силу воли. Я уселась возле открытого окна, на котором слегка колыхались от слабого ветерка занавески.

– Как там Сандра Христофоровна? Полегчало? – Катерина суетилась возле плиты, где, прикрытые крышкой, томились в сковороде жареные пирожки с повидлом. О том, что они именно жареные и именно с повидлом, я узнала чуть погодя, когда она поставила их, немного разогретые, передо мной на стол.

– Да, вот как раз сегодня заметила, что бабулю отпустило. Надеюсь. Хоть из комнаты своей выходить стала. Попробую сегодня уговорить на прогулку перед сном, глядишь и послушается.

– Ну и слава богу! Я-то уж переживать начала, думала даже навеститься, помириться. Вдруг так и не увидимся с ней больше.

– А вы ссорились? – невинно спросила я.

– Да дело давнее. Не хочу и вспоминать. Глупость несущу-

светная. Решено! Завтра же приду и прощения просить буду. Авось не прогонит.

– Конечно не прогонит! Христофоровна хоть и строгая, но справедливая, – в сомнении протянула я.

– Только ты ей не говори ничего. А то еще ускачет куда, чтоб не свидеться со мной. Я-то Христофоровну как свои пять пальцев знаю. Ежели чего не захочет, так и не бывать тому, – вздохнула Катерина, присаживаясь напротив меня.

– А вообще, что тут у вас? Как настроения в массах?

– Ты, Женя, не юли! Ты про Ингу что ли спросить хочешь? Вся Духовка уж судачит, будто ты Юрку лично словила и в милицию отправила.

Признаться, при этих ее словах я даже смутилась. Звучит так, будто я, совершенно посторонний человек, невиновного парня в тюрьму уpekла. По крайней мере мне показался в голосе Катерины упрек.

– Да нет... ну в смысле да. Но не совсем. Мы с Ромой, внуком Христофоровны его нашли. Но Юрка божился, что он тут не причем. Мы и в полиции так сказали.

– Да вот то-то и оно. Я Юрку как облупленного, с детства знаю. Он хоть и дурак, и шалопай редкостный, но не убийца. И все местные так же считают. Так что тебе тут никто ничего теперь не расскажет. Да. Такие дела, Женя.

Сказать, что я была расстроена, значит ничего не сказать. Ведь и правда, так выходит, что я виновата, что невиновного задержали. Хотя почему сразу невиновного? А вдруг это все

же он убил Ингу? Мало ли преступников, отрицающих свою вину? Конечно, кому приятно думать, что он столько лет жил с убийцей бок о бок?! Проще меня в дурном обвинить. Я человек пришлый, чужой. А с другой стороны, мне-то что за дело до их осуждения? Теперь, конечно, придется как-то самой крутиться в расследовании, без помощи деревенских, но и ладно.

В конце концов, в полиции тоже не дураки работают. Разберутся, кто тут виновен, а кто нет!

Решив не заострять внимание на теме моего участия в задержании Юрки, я настойчиво попыталась выведать хоть что-то об Инге. Катерина упорно избегала этой темы, и тогда я, даже немного разозлилась на нее. И на себя заодно. Такие хорошие отношения с этой милой женщиной рушились на глазах. Но я решила не сдаваться. В конце концов, разве она не хочет, чтобы Юрку выпустили из полиции, найдя настоящего убийцу? Об этом я и спросила тетку Катю, когда она упорно делала вид, что не замечает все мои вопросы касавшиеся этого дела.

– А ты правда найдешь его? – наивно так, почти по-детски спросила она меня.

– Теть Кать, я обещать-то не могу. Но я же стараюсь по крайней мере. Мне очень нужна хоть какая-то информация об Инге и Юрке. Не могу же я к их родителям пойти. Они же меня и на порог не пустят.

– И то верно, – снова вздохнула Катерина. – Ну да ладно,

спрашивай. Чем смогу – помогу.

Я обрадовалась, что, наконец, разговор сдвинулся с мертвой точки, и принялась расспрашивать ее вначале про Юрку Плотова, а затем уж и про Ингу. Сама записывала за ней, чтобы ничего не забыть и не упустить. Ну прям заправский сыщик. Хотя сыщики сейчас поди диктофонами пользуются. Ну и ладно. Я вот по старинке буду. Диктофон дело тонкое, может и из строя выйти в самый неподходящий момент. В итоге понаписала аж на половину тетрадки в двенадцать листов. Потом мы еще немного посидели с тетей Катей во дворе, попивая из чашек холодный морс, и тут я вспомнила, о чем еще хотела спросить:

– Теть Кать, а что, есть у вас тут что интересное, ну для археологов-то?

– У нас-то? – удивилась она, – Да, пожалуй, что и нет. Не припомню, чтобы наши места кого-то интересовали в этом плане. А там ведь кто его знает, сама понимаешь, сейчас везде копают. А что?

– Да нет-нет... я так. Показалось.

Я лениво наблюдала за местными, пробуждающимися после обеденного сна. Меня они избегали взглядами, только бабка Афанасия, как всегда куда-то бегущая, перекрестилась, заметив меня, и плюнула в нашу сторону. Ведьма. Я взглянула на часы, время близилось к шести.

Сердечно поблагодарив Катерину за пирожки и информа-

цию, я распрощалась с ней и поспешила к дому. Там, на кухне, у меня как раз уже должно разморозиться мясо, а значит я его сейчас быстренько потушу с овощами и будет у Христовой сытный и полезный ужин. Сама я была вполне сыта пирогами, и ужинать вовсе не собиралась сегодня. Фигуру все-таки надо хоть иногда блюсти, иначе с этими угощениями я скоро в Колобка превращусь. И пусть в дальнейшем в моих планах нет романов и свадеб, все-таки гораздо приятнее осознавать себя красоткой с девичьей фигурой, чем пышнотелой дамой.

Христовой скучала у себя в спальне, лениво перелистывая откуда-то взявшийся здесь глянецовый журнал. Я такие не читаю, да и на бабулю раньше не грешила. Увидев мой удивленный взгляд, Христовой кратко пояснила:

– Ромка оставил.

Я неопределенно хмыкнула, давая понять, что была о внучке лучшего мнения, но ничего не сказала. Пока тушилось мясо, я успела настрогать овощной салат, испечь овсяные печенья и сварить малиновый компот, который бабуля моя уважает безмерно. Малина, как и вишня, кстати, у нас тоже свои. Ухаживать за деревьями и кустарниками к нам приходит Филиппыч из соседней с Духовкой деревушки раз в неделю. Приходит он вместе с женой, тихой и скромной Мартой, и она помогает мне в наведении генеральной уборки, так как дом большой и моих рук просто не хватает.

8

Вечером Ромка так и не приехал, и я поинтересовалась у Христофоровны, стоит ли оставлять ему ужин. На что бабуля огрызнулась, что, мол, будет он завтра, и чтобы я не доставала ее глупыми вопросами. Уж не знаю, чем она была так раздражена, но я и впрямь посчитала, что лучше не лезть к ней сегодня. А потому, когда Христофоровна отправилась к себе, я лишь поинтересовалась, нужна ли еще буду ей сегодня. Бабка ответила, чтобы я занималась своими делами и на том мы с ней распрощались.

Довольная тем, что весь вечер могу быть предоставлена сама себе, я решила перечитать все, что удалось выведать у тетки Кати и отправилась наверх. Комната моя нагрелась за день, и я открыла окно, чтобы хоть немного проветрить и насладиться вечерним воздухом, лежа в уютной постели. День выдался хлопотным, от разговоров даже язык зачесался. Быстро сбегав в душ, я переоделась в легкую шелковую пижаму, и завалилась на постель.

По заверениям тетки Кати выходило, что Юрка родился и вырос в Духовке в семье доярки и плотника. В юности Юрка увлекался резьбой по дереву, и отец надеялся, что сын пойдет по его стопам. Но, после смерти отца, неожиданно для всех парень решил стать хирургом, и, когда подрос, поехал поступать в медицинский институт.

Конечно, паренька с поселковым образованием и отсутствием достаточной материальной базы, ни в какой ВУЗ не приняли. И пришлось ему поступать в медицинский колледж, куда ребят отрывали с руками и ногами. Четыре года Пловтов постигал науку оказания первой помощи, и, выпустившись, остался работать на машине скорой помощи.

И вот не так давно, поговаривают, Юрке спешно пришлось бежать в родную хату, чтобы избежать карточного долга. Так уж это на самом деле или нет, тетка Катя достоверно конечно утверждать не могла, но зная Юркину личность, склонную к авантюрам, когда еще в детстве его не раз ловили на воровстве, вполне могла допустить и такое.

Вот оно! Первая зацепка и очень даже достоверная. Что если это именно за Пловтовым велась охота? Или, наоборот, убийца решил наказать должника таким вот изощренным способом, лишив жизни его любимую девушку? Нужно срочно ехать в город, найти место работы парня не составит особого труда, так как больница скорой медицинской помощи в городе всего одна, и поговорить с его коллегами.

Наверняка они знают про парня намного больше, чем тетка Катя. Воодушевленная такими мыслями я перешла к записям об Инге Молчановой.

Инга – коренная духовская жительница. И оба родителя, и бабушка с дедом, тоже все духовские. Мать работает в совхозе в соседнем селе, отец давно умер от болезни почек. Родная сестра, Карина Молчанова, а ей недавно исполнилось пятна-

дцать, в следующем году заканчивает школу. Инга в деревне личность известная. И не только в этой. Да поговаривают, что и в городе, где она некоторое время училась и работала, девушка тоже успела покуролесить. Когда Инга приехала устраиваться на работу в деревенскую школу, куда ходят учиться только малыши, директор взял ее лишь из-за нехватки кадров. Точнее, на тот момент в школе вовсе не было учителей, и директору самой приходилось выполнять эти обязанности.

До недавних пор в школе оставались всего два учителя – сама Инга, преподающая русский язык и литературу, и учитель математики, и по совместительству обществоведения, Анна Петровна Мзык. И вот у нее-то и стоило бы поспрашивать, что она думает об Инге, так как Анна Петровна сама не из Духовки, а из соседней Ивановки, что мне было как раз на руку. Понятно, что в Духовке к Инге относятся довольно предвзято, и объективности, что из себя представляет Молчанова, кроме того, что она не прочь загулять с очередным ухажером, ждать не приходится. Возможно, Мзык рассказала бы мне что-то, что показало бы Ингу совсем с другой стороны, да вот беда... Буквально две недели назад женщина уволилась с работы и уехала к дочке в Германию на ПМЖ.

Подруг, по словам Катерины, в деревне у Молчановой нет, общалась она только с сестрой, и то, не слишком хорошо. Карина сестру стеснялась и всячески стыдила, несмотря на то что была на тринадцать лет младше.

Вот, собственно, и вся скудная информация, которую мне пока что удалось узнать. С другой стороны, и этого с лихвой хватает, чтобы развить еще как минимум две версии, почему могли убить Ингу Молчанову. И это если не рассматривать некую случайность, или вовсе наличие маньяка.

Короче говоря, я вспомнила, что следователь из города просил звонить, если что-то покажется ему странным или подозрительным и очень обрадовалась, когда обнаружила его визитку в тумбочке под телевизором. Убей, не помню, когда я туда ее положила, но после долгих поисков, я крайне обрадовалась ее нахождению.

На следующий день с третьей попытки я все-таки дозволилась до следователя и попросила об аудиенции. Мужчина с трудом вспомнил кто я такая и по какому вопросу звоню, но потом, видимо сообразив, вздохнул печально, и попросил приехать в течение дня. Рабочего разумеется. А лучше до двух, потому что потом у него куча дел, и ему попросту будет не до меня. Ромка как раз подъехал к завтраку, злой как черт, и бабуле ничего не стоило отпустить меня на несколько часов в город.

К счастью, она даже спрашивать не стала, зачем мне нужно отлучиться, и я помчалась на утренний десятичасовой автобус.

Ровно в двенадцать пополудни я сидела в кабинете капитана Лютаева и, злясь на все и вся, безуспешно пыталась донести до него свои ночные догадки и размышления. Бестол-

ковость капитана, вначале даже немного позабавившие меня, сейчас, полчаса спустя, начали изрядно раздражать.

Наконец, Лютаев в очередной раз очень тяжело и протяжно вздохнул, и ласково произнес:

– Евгения Петровна, поверьте, я очень ценю ваши содействие и старание. Вся полиция страны, и нашего города, а в частности железнодорожного отдела выражаем вам искреннюю благодарность за помощь в поимке подозреваемого...

– Но...

– Но скажите, уважаемая Евгения Петровна, кем вы считаете человека, сидящего перед вами?

Я немного смутилась от данной постановки вопроса, но все же тихо пробормотала:

– Полицейским? Следователем?

– Вот именно, дорогая Евгения Петровна. Я, капитан Лютаев, Аркадий Степанович, я – следователь. Не вы, Евгения Петровна. А я. Вот он я – капитан Лютаев. А вот вы – гражданка Белоусова. Неужели вы всерьез думаете, что мы не разрабатываем различные версии убийства гражданки Молчановой? Ну?

– Не думаю, – я опустила голову.

– Ну вот, видите. Я рад, что мы с вами поняли друг друга. Спасибо вам за информацию, мы ее обязательно проверим и всех-всех поймаем и посадим! – В этот момент он встал, и подал мне руку. Пришлось протянуть свою в ответ, и Лютаев

аккуратно, но довольно крепко пожал мне ее и потянул меня со стула.

– До свидания, Евгения Петровна. Всего вам доброго. Я обещаю вам, что мы обязательно во всем разберемся, обязательно, – приговаривал он с улыбкой, закрывая за мной дверь.

Я попыталась было открыть дверь снова, но капитан Лютаев с той стороны крепко держал ее, и в ответ на мои попытки войти внутрь, громко закричал, что он лично всех покарает. Пришлось мне уйти не солоно хлебавши.

Что ж... будет мне впредь наука, как связываться с родной полицией. Нет чтобы мне сразу понять, что никто и не собирается разбираться в этом деле. А и правда, зачем, когда вот он преступник – пойман и даже уже в руках. И самое обидное и горькое то, что я сама лично поспособствовала этому. Надо Юрку теперь вызволять, я же спать спокойно не смогу, если его посадят за то, чего он почти наверняка не совершал. Правда это еще нужно доказать, ведь вполне возможно, что я все же ошибаюсь, и Ингу убил все-таки Юрка?

От всех этих мыслей голова разболелась нещадно, и я присела на ближайшую скамейку.

– Вам нехорошо? – услышала я, и подняла голову.

Надо же... передом ной стоял мой недавний знакомый, археолог.

– Здравствуйте, – глупо ответила я.

– Привет. Ты так и не ответила, что-то случилось? Ты как-

то неважно выглядишь.

– Нет, с чего ты взял? – я-то же решила перейти на «ты», раз уж новый знакомец не видел в этом ничего такого.

– Ну смотри сама. Ты вышла из отдела полиции, прошлась немного, ничего не замечая вокруг, затем села на скамейку и уныло повесила голову. Вот я и подумал, что у тебя что-то случилось, и подошел спросить не нужна ли моя помощь?

– Ух ты... и впрямь выглядит так, будто что-то не так. Спасибо за заботу, но у меня все в порядке. Только...

– Что только?

– Только у знакомого одного крупные неприятности.

– Расскажешь? – спросил он, при этом вид у него был настолько участливый, что я зачем-то взяла и вывалила на человека всю историю с убийством Инги от начала и до конца.

Денис очень внимательно слушал, а затем подал мне руку и сказал «пошли». На вопрос куда, он указал на автобусную остановку и, увидев приближающуюся маршрутку, потянул меня за собой. Все так же, не говоря толком ни слова, Денис попросил водителя остановить у торгового центра, на открытой веранде которого мы и присели за столик в кафе.

Наконец, я смогла перевести дух от этого странного бега, и вытянув ноги, спросила:

– Слушай, глупая какая-то ситуация вышла. Взяла и вывалила тебе ворох ненужной информации, а сама даже не поинтересовалась, что ты делал у отдела полиции. У тебя тоже что-то случилось?

– Ну, во-первых, я сам завалил тебя расспросами, так что нечего переживать, будто ты насильно меня заставила слушать, – улыбнулся Денис.

А я, некстати совсем, подумала, что у него совершенно замечательная ямочка на щеке, когда он улыбается. Но не успела я как следует насладиться романтическими мыслями, как подошел официант с меню, и мы ненадолго прервали наш разговор. Денис заказал себе салат, а я ограничилась капучино с плиткой шоколада.

– А, во-вторых, – продолжил он, – я заявление подал на угон машины. Вчера, представляешь, на пять минут буквально оставил ее у дома, а когда вышел, ее и след простыл. Так что, видишь, у меня тоже некоторые сложности возникли. Теперь вот гадаю, они там со всеми заявлениями так работают, как с твоим, или мне повезет нарваться на более радиальных полицейских?!

– Ой как жаль. Как же ты теперь без колес? Кстати, а что там с раскопками? Есть какие-то успехи?

Денис отрицательно покачал головой и загрустил.

– Тут тоже успехов никаких. Пока что, по крайней мере. Теперь вот пока с машиной разберусь, то да се. Без нее, сама понимаешь, к вам не больно-то наездишься.

– Это да. А что там хоть найти-то хочешь? Я у местных спрашивала, вроде бы там ничего интересного не должно быть.

– У местных? – мне показалось, или его голос был очень

недовольным?

– Ну да, мне интересно стало, что ты там ищешь, вот и поинтересовалась. Что-то не так?

– Да нет, что ты. Просто я не очень хотел бы, чтобы кто-то еще узнал о моем открытии. Понимаешь, я до этого работал в одном архиве и наткнулся на одну любопытную записку. Очень старую. Ну и решил проверить, только никому об этом не говорил. Ты пойми, если кто-то узнает, что я там накопал, туда мигом слетятся ястребами другие археологии, и все заслуги себе присвоят. Меня же даже спрашивать никто не будет – попрут вон.

– Ой. Ну я же не знала. Тебе бы сразу мне сказать...

– Да ничего, что уж теперь. Откуда бы тебе знать, действительно. Да и как ты представляешь, зашел за водой и тут же все разболтал? – он улыбнулся. – Ты только больше никому не говори, ладно?

– По рукам, – я протянула ему свою ладонь, и он слишком нежно взял ее в свою руку.

– По рукам, – Денис разбил наши руки и нехотя выпустил мою.

По крайней мере мне показалось, что сделал он это с некоторым сожалением, и я даже немного размечталась. Руки у него были теплые и мягкие. Длинные аккуратные пальцы, больше подошли бы пианисту, чем археологу. И я в очередной раз подумала, что никак эта профессия ему не подходит. А интересно, что он все-таки ищет в лесу? Но задавать во-

прос все же не стала, если бы Денис хотел, то давно бы рассказал, а пока он сам завернул эту тему. В итоге, слегка перекусив, мы еще немного поболтали и Денис, спросил какие у меня планы еще в городе.

– Думаю, – я посмотрела на часы, – что у меня еще есть время, чтобы посетить последнее место работы Плотова. Больница как раз находится недалеко, сейчас там должен уже закончиться тихий час, и можно попробовать поговорить с его коллегами.

Денис вопросительно взглянул на меня, но промолчал.

– А ты куда сейчас? – спросила я его, когда мы уже расплатились и направлялись в сторону главной площади города, через которую как раз был самый короткий путь к больнице.

– Да мне теперь особо нечего делать, – он развел руками, и я подумала, что неплохо было бы предложить ему отправиться со мной. О чем я ему тут же и сообщила. Денис улыбнулся, ох уж эта его ямочка, и принялся убеждать меня, что это именно то, чего он хотел, но боялся спросить, так как не был уверен, что мне эта идея понравится.

Мы подошли к старому зданию больницы скорой помощи, где обшарпанные стены вот-вот грозили уронить на случайного прохожего пару кусков штукатурки. Денис присвистнул удивленно, и я спросила:

– Не приходилось тут бывать?

– Нет. Я вообще-то из другого города. Здесь не так давно.

– Повезло тебе. Это ты еще внутри не был. Я тут в прошлом году со сломанной рукой лежала и могу тебе сказать, что режиссеры много потеряли в плане декораций для съемок фильмов ужасов.

– Да уж, охотно верю. И все больницы у вас такие?

– Да нет, вроде. По-моему, это одна из самых убогих. Но врачи, по крайней мере, вполне сносные. И это конечно намного важнее неработающих туалетов и спящих в полках тумбочек тараканов, – усмехнулась я.

Денис снова хмыкнул и устремился вперед, чтобы открыть передо мной тяжелую дверь. В проходной стояла будка охранника, но сколько мы ни звали, никто так и не появился. Мы прошли через вертушку на входе, в автомате купили две пары бахил. В приемном покое царил хаос. Туда-сюда сновали врачи и медсестры, больные стонали и терпеливо ждали своей очереди. В прилегающем коридоре несколько каталок с теми, кто самостоятельно стоять или сидеть был не в силах.

В общем, ад крошечный.

Собственно, я поняла главное – приставать к несчастным медикам в таких условиях явно не стоит, да и вряд ли кто-то, даже если бы я была столь наглой особой, станет отвечать на мои вопросы, учитывая количество страждущих на оказание помощи. Денис, видимо тоже осознавший этот прискорбный факт, кивнул наверх. Я поняла это так, что возможно там, в другом отделении, будет поспокойнее и пошла вслед за ним

по лестнице. На входе значилось «травматология». Туда мы и направились.

– Плотов? – задумалась медсестричка на посту, когда я спросила ее, где найти Юру.

– Да. Он работает здесь. На станции скорой помощи, фельдшер.

– А-а... так это вам туда и надо. Я-то откуда его знать могу? – медсестра тут же потеряла к нам интерес, и принялась что-то записывать в журнале.

– А где найти эту станцию? – я не оставляла попыток узнать что-то о Юрке.

– В приемном спросите. Там рядом, комната.

– Спасибо.

Мы с Денисом вновь спустились вниз, прошли по всему коридору до конца, но так нужной нам комнаты и не увидели. Мимо пробежал какой-то запыхавшийся паренек в медицинской форме, и я решила попытать счастья у него.

– Станция? А вам зачем? – удивился он, на ходу застегивая халат.

– Мы ищем одного человека. Он должен работать здесь. Плотов. Юрий Плотов.

Парень вдруг притормозил, удивленно посмотрел на нас и спросил:

– Юрка? Да ведь он давно уволился.

– Так вы его знаете?

– Ну знаю. Вместе учились, вместе сюда устроились. Но

только его тут нет.

– Нам бы поговорить, – неожиданно встрял Денис, и достал кошелек.

Паренек внимательно посмотрел на Дениса, затем на тысячу, которую тот демонстративно крутил в пальцах и ответил:

– У меня пересменок через полчаса. Ждите у центрального входа. Только я задержаться могу, если что.

– Ничего-ничего, мы подождем, – радостно закивала я, а парень вдруг нахмурился.

Видимо решил, что зря он ввязался в неизвестную авантюру. А я отругала себя за демонстративное проявление чувств. Слава богу, парень все же отбросил сомнения и вновь повторил, чтобы мы его дождались.

Полчаса растянулись на полтора, и я уже было подумала, что парень все-таки сбежал через черный ход. Но он появился. Вид у паренька был весьма замученный и усталый. Мы предложили пройти в кафе рядом с больницей, но он сказал, что не прочь просто прогуляться. Желательно подальше от большого скопления людей.

– А чего он опять натворил-то? – спросил Виктор, так представился парень, когда мы познакомились.

Деньги Денис отдал ему почти сразу, пообещав еще столько же, если информация окажется полезной.

– А что, он и раньше куда-то влипал? – ушла я от вопроса.

– А то! Юрке дай волю – он такого наворотит – век не

расхлебает. Он и отсюда-то сбежал поэтому.

– Ты поконкретнее рассказывай, – попросил Денис.

– А чего тут рассказывать?! Юрка за каким-то лешим с бывшим зеком связался. То ли в школе они учились вместе, то ли еще где. Но суть в том, что он ему в карты проиграл. А должок возвращать-о и нечем. Такие дела. Юрка он всегда такой был. Сначала сделает, а потом думает. Мы еще когда в колледже учились, он Юльке Рябининой ребенка заделал. Ну и бежать. А Юлькин брат, царствие ему небесное, ему чуть шею тогда не свернул. Шутка ли – два перелома, и весь в гематомах месяц ходил. Дочка вот его теперь без отца растет, а ему хоть бы хны.

– А что с братом-то стало?

– С чьим?

– С Юлькиным, – пояснила я.

– А... да голову ему проломили по пьяной лавочке. Пове- рите ли, прям в Юркину смену и проломили. Плотов сам на вызов приехал, а там Мишка весь в крови. Он еще в созна- нии был, и все Юрку матом крыл. Тот даже, грешным делом, оставить его там хотел, да он хоть и дурак, а все ж, не злопа- мятный. Тем более сам с Юлькой виноват. Да и сердоболь- ный всегда был. Потому и в медики пошел.

– Мда уж... – крикнул Денис.

– Он ведь врачом стать мечтал. Да куда там. Денег у ма- тери особых не было, он из деревни ведь. Отца его еще, ко-

гда Юрка маленьким был, по пьяной лавочке зарезали. Умом его, кстати, господь не обидел, да усидчивости никакой во все. Он как егоза вечно. Все куда то бежит, торопится, бросает на полпути.

– А Юлька-то что? – спросила я.

– А что она? – Витя непонимающе уставился на меня.

– Ну как она теперь?

– А чего ей будет-то? У нее уж то ли пятеро, то ли шестеро, поди запомни. Как брата схоронила, так и совсем вразнос пошла. Она ведь тогда так и не доучилась.

– Имя зека того знаешь?

– Знаю. Довелось познакомиться, блин. Приходил сюда, когда Юрка свалил. Имя у него еще такое чудное. Парафен вроде.

Денис хмыкнул и пояснил:

– Это кликуха такая. Его по-другому зовут.

– А откуда ты знаешь? – удивилась я.

– Довелось общаться, – ответил он неопределенно и уклончиво, из чего я сделала вывод, что общение это было не самым приятным.

– Значит искал он его... а угрозы были?

– А то ж... сказал, как найдет – хана Юрке.

– Ты Плотову передавал это?

– Нет. Он просил ему не звонить. Только я все же попытался тогда – номер у Юрки был заблокирован. Видать симку выкинул.

– Ладно. Спасибо тебе. Помог, – Денис достал еще одну купюру и протянул довольному парню.

Потом Витя все же опомнился и спросил:

– А что случилось-то? С Юркой что?

– Все нормально. Не переживай и забудь наш разговор, – вместо меня ответил Денис.

Витя неуверенно помялся, но все же сказал «ладно».

На том мы и расстались. Витя пошел домой отсыпаться после суток, а мы поспешили на мой автобус, благо отходил он с автовокзала через полчаса. А до него еще добратся нужно. По пути я спросила Дениса, что он знает об этом Парафене, и где мы можем его найти.

– Да так, – уклончиво ответил он, – дело давнее. Обычный мелкий воришка, среди своих шестерка обыкновенная, среди нормальных жителей – крутого из себя корчит. Я попытаюсь узнать, где он сейчас.

– Надо как-то отпуск что ли взять. Ладно, что-нибудь придумаю.

Когда мы уже прощались на остановке, Денис взял мой номер телефона. Сделал прозвон, и я занесла его в список контактов.

– Спасибо, – сказала я, залезая в автобус.

– За что? – улыбнулся он.

– Ну... за помощь, наверное, – я в ответ улыбнулась и протянула руку.

– Увидимся, – только и ответил он, отвечая на мое руко-

пожатие.

Всю дорогу до дома я мечтательно разглядывала пейзаж за окном и вспоминала его горячие пальцы в своей руке.

Дома меня, видимо, никто уже не ждал. Христофоровна сладко спала в своей постели. Ромки и вовсе дома не было. Во всяком случае я заглянула во все комнаты, и нигде не обнаружила присутствия внучка. Клад, наверное, искать пошел. Время было еще не позднее, всего семь вечера, а значит я успею по-быстрому сварганить что-то легкое на ужин. Ручку на отсечение даю, что Ромыч кормил бабулю яичницей, которая в ее возрасте крайне не рекомендуется. Печень, все дела...

В итоге, напевая известную песенку про любовь, я нажала драников, настрогала овощной салат, и пошла будить Христофоровну. Бабка была очень недовольна, но поесть все же согласилась. За то, что она теперь не уснет, о чем она ворчала всю дорогу до столовой, я не переживала. Зная Сандру, я была на сто процентов уверена, что уснет бабка как младенец, как только голова ее коснется подушки. Даже лучше младенца. Тот еще повозится, да покричит для порядка, а бабуля уже через минуту будет наслаждаться красочными сновидениями в объятиях Морфея.

– Нагулялась? – ехидно спросила бабка, когда мы с ней уселись ужинать.

– А то! Всех мужиков собрала, – в тон ей ответила я.

А сама подумала, что может и не всех, но одного интерес-

ного точно заполучила. Хотя бы и на время.

– А что Ромка мой? Неужто негож стал? – от такого вопроса я чуть не подавилась.

Интересно, с чего это она взяла, что с Ромкой у нас что-то было?

– Чего икаешь?! Думаешь я не вижу, как он тебя глазами ест. А ты морду воротишь, дура, прости Господи.

– Ну знаете – тоже мне жених нашелся. Чего в нем хорошего-то, кроме того, что он ваш внук?!

– Ну а чего нет? Парень он красивый, не дурак у ж точно. Глядишь и с наследством в недалекой перспективе, – лукаво глядя на меня, заявила она.

– Я предпочитаю мужчин, способных самих заработать себе на хлебушек.

– Ну уж на него я точно заработал! – Ромка неслышно подошел сзади, и я поняла, что бабка-зараза прекрасно его видела все это время. – Весьма польщен вашим вниманием к своей персоне, но право, не стоит.

Бабка мерзко хихикала в кулачок, а я почувствовал себя полной дурой. Вот зараза. Видела же, что он тут, и нарочно провоцировала.

– Ну хоть пожрать приговорила, и то толк, – насмешливо произнес Ромка и уселся за столом.

– Я сейчас, – пискнула я и выбежала на кухню.

Что и говорить, перед Ромкой было ужасно неудобно. Одно дело ехидничать в тон Христофоровне, в шутку даже

больше, чем всерьез. Да я даже значения этому разговору не придавала. А теперь выходит, что я почему зря обидела человека. Который, к том уже, мне симпатизирует. Вот засада!

Тише мыши я накрыла для Ромки ужин, а сама предпочла на этом трапезу закончить. У меня теперь кусок в горло не полезет. В итоге я так распереживалась, что чуть не забыла, что хотела поговорить с бабушкой об отгуле на пару-тройку дней. В конце концов, я полгода работаю без выходных и праздников, а законодательством это запрещено. Буду давать на жалость и сознательность.

Я еле дождалась, когда бабуля с внучком закончат ужинать и разойдутся по своим комнатам. Если бабуля меня отпустит, я уже даже придумала, где остановлюсь в городе. Пока ехала в автобусе набрала номер бывшей коллеги. Ленка как раз недавно купила квартиру, в которую неделю назад и переехала. Старую решила сдавать, но пока жильцов не нашла.

В итоге договорились с ней, что я, если получится отпросится у бабушки, въеду на несколько дней пожить туда. Ленка категорически отказывалась брать с меня плату, но пришлось настоять хотя бы на символической сумме. Сама же я вспомнила, что подруга давно мечтает об одной ужасно дорогой вазе, которую самой купить нет никакой возможности – жаба душист. От подарка уж она точно отказаться не сможет. Заявлюсь с этой вазой в субботу, когда она планирует справлять новоселье – идеальное решение.

Короче говоря, осталось только с Христовой решить это дело, и если выгорит, я буду свободна. И смогу встретиться с Денисом. По правде говоря, меня теперь больше всего волновал именно он, а не какие-то там убийства и расследования. Хотя на них у меня уже тоже вполне были планы.

Христовна, как всегда, смотрела очередное шоу по центральному каналу. Когда я вошла, она слегка повернула голову, и сказав «а, это ты», снова уставилась в экран.

– Сандра Христовна, я хотела с вами поговорить, – проблеяла я, ожидая самого худшего.

Вдруг бабка заартачится и откажется давать мне отгулы. Христовна вздохнула тяжело, впрочем, как всегда, и поставила передачу на паузу.

– Увольняешься что ли?

– Да нет, что вы. Уползу, когда прогоните, – съехидничала я тут же.

И сразу же об этом пожалела. Ну не дура ли?! Пришла с просьбой, а сама настраиваю бабулю против себя.

– Ну а чего тогда приперлась на ночь глядя?

– Да мне отгул нужен. Пять, – смело заявила я.

Была-не была.

– Пять не дам. Три хватит. Хватит же?

– Да-да, – тут же закивала я головой.

– Когда?

– Завтра бы, если возможно. Я подумала, пока Рома тут...

– Хорошо, – покладисто ответила она, а я запоздало удивилась.

Хотя, если они с внучком и впрямь клад ищут, избавиться от меня на время им должно быть на руку.

– Ой спасибо! Даже и не знаю, как благодарить.

– Чаю принеси. С конфетами, – Христофронва снова включила свое шоу и перестала обращать на меня всякое внимание.

– Но вам нельзя, – попыталась возразить я.

– Два дня! – отрезала бабка.

– Несу-несу, – пришлось соглашаться на вредные для нее конфеты.

Вот зараза! Знает же, что нельзя ей, доктор мне строго-на-строго запретил конфеты выдавать старухе, но я, на всякий случай, всегда держу немного ее любимых «мишек на севере» в тайнике. Конфеты для бабки – лучшее средство от тоски. Тот же доктор посоветовал выдавать ей немного, если ее совсем накрывает. Бабка о нычке знает, и оттого иногда всю разыгрывает представления. Обычно я не ведусь на такие провокации, если вижу, что Христофоровна затеяла спектакль, но сейчас совсем другое дело. Придется пойти у нее на поводу, иначе не выйдет.

– Это ты Катерине прийти велела? – неожиданно спросила Христофоровна, когда я уже собиралась уходить.

– Сама она хотела. Я-то тут при чем? – пожала я плечами.

– Ну-ну... Знаю я тебя, заразу. Вечно лезешь куда не просят.

Я решила не обижаться на заразу, сама же недавно про себя называла бабулю точно так же.

– Таки приходила Катерина?

– Как пришла – так и ушла, – припечатала вредная старуха.

– Неужто выгнали? – я всплеснула руками и погрозила Христофоровне пальцем.

– Не твое собачье дело. Иди уже отсюда.

Я снова погрозила ей, на этот раз уже кулаком, и быстро выбежала за дверь. Вовремя. С той стороны послышался глухой удар – это моя бабуля запульнула в дверь пультом. Ну что ж... выходит приходила тетка Катя к бабке, а та, что же, даже на порог не пустила? Зная Христофоровну, я ничуть не удивилась этому ее поступку. Нужно будет навеститься к Катерине, узнать, как все прошло, сразу, как закончу дела в городе.

Уже перед сном позвонила Ленке, договорилась о ключах. Денису решила написать утром, в столь позднее время связываться с ним мне показалось неудобным, еще подумает, что я к нему липну и нарочно пишу в такое время. Однако, когда я уже засыпала, он сам написал мне сообщение, где поблагодарил за совместно проведенное время. Засыпала я счастливая, и все вспоминала его горячие пальцы в своих руках.

Сонная Ленка слепо шурилась от солнечного света. Время было уже прилично, часы показывали одиннадцать утра.

– Бли-ин, совсем про тебя забыла. Вчера Егорушкин день рождения отмечали. Бывший приперся, сволочь.

Егорушка – наш общий знакомый, рубаха-парень и вообще хороший человек. На день рождения я тоже была приглашена аж за месяц до самого торжества, но добираться до города, а потом обратно, мне было неудобно, и потому я отказалась.

Ленкин бывший муж, а развелись они всего две недели назад, Димка, подругу мою страсть как любит. Но и других девушек он тоже любит. Димке очень сложно бороться со своим естеством, когда он готов любить половину мира, исключительно женскую, и при этом обожать свою жену.

Иногда мне даже становится его искренне жаль. Во всех отношениях хороший парень, Ленку он носит на руках, сдувая с нее пылинки, но никак не может совладать со своими скоротечными чувствами к другим дамам. Димка – истинный Казанова. Всех своих девушек, и не только своих, он любит яростно и безоговорочно. Но Лену он любит постоянно, а их временно. Однажды Димка даже чуть было не ушел в монастырь, чтобы доказать себе и жене, что сможет побороть эту свою страсть. Но пока он туда шел, по пути познакомился с очередной дамой своего большого сердца, и остался у нее на неделю.

Именно после этого Ленка, до того еще лелеявшая надежду, что муж исправится, поняла, что это конец. Развод грянул для Димки как гром среди ясного неба. Парень свято был уверен, что жена от него никуда не денется, потому что он сокровище и любит ее. Каково же было его удивление, когда ему пришло оповещение, что он благополучно разведен и свободен от уз семейной жизни.

Неделю Дима пил. Еще неделю обивал пороги Лениного нового дома и всех общих друзей. Ленка же пошла вразнос. Полностью сменила гардероб, записалась на сальсу, и заблокировала мужа во всех соцсетях. Теперь Ленка красит губы исключительно красной помадой, носит угрожающее мини, и ковыляет по жизни на высоченных шпильках, которые она тут же мне и продемонстрировала.

Все это я узнала только сейчас и тихо офигевала, пока подруга варила кофе и рассказывала новые подробности своей жизни. Нет, что ребята развелись, я, конечно, уже знала, но что все происходит именно таким образом, стало прямо-таки откровением.

– А если он исправится? – я допила кофе, и собралась уходить.

– Кто? – Ленка вытаращила глаза и покрутила пальцем у виска. – Димка? Да я тебя умоляю...

– Не надо меня умолять. Поняла. Ключи где?

– А, – она махнула рукой в сторону комнаты. – Там, где-то, поищи сама. Я в ванную.

Я хмыкнула и пошла в спальню, где за двухнедельную холостяцкую жизнь Ленка успела устроить феерический бардак. Вещи валялись где ни попадя: на кресле, на кровати, на полу, на столе, даже на подоконнике одиноко лежал красный бюстгальтер четвертого размера. Повсюду остатки засохшей еды, пара бутылок из-под шампанского, две пепельницы на полу, в которые я чуть не наступила. Вонь страшная. Я открыла окно и принялась в этом хламе искать ключи. На комоде, где им было самое место, ключей, конечно же, не оказалось, зато нашлась тоненькая книжка с интригующим названием «Я женщина. Мужики идут лесом». Автор – Изольда Штейн. Мда... ради интереса открыла первую страничку.

«Если ты держишь в руках эту книгу, значит ты наконец-то поняла, кто ты и чего ты по-настоящему стоишь. Пришло время осознать, что ты не безмозглая курица и не бесплатная домработница. Ты Женщина! В этой книге я научу тебя, как стать самой лучшей представительницей женского рода. Я научу тебя пользоваться своими привилегиями, данными тебе по праву рождения. Бери ручку, тетрадку и записывай.»

Ручки и тетради у меня под рукой не оказалось, и поэтому я, подивившись данному потоку сознания, просто захлопнула книгу. Бедна Ленка, до чего докатилась. Я посмотрела на фотографию автора, где наверху крупными буквами было написано: «Самый лучший психолог современности, которая понимает как важно женщине найти свое место в жиз-

ни». С фотографии на меня смотрела грозная дама лет сорока со старомодной прической и свекольного цвета помадой на тонких, суровых губах. Дама ужасно смахивала на мою учительницу химии, и может поэтому, а может в силу других причин, впечатление она на меня произвела отталкивающее. Я была на сто процентов уверена, что данная психологиня пять раз разведена и, вконец разочарованная в мужчинах, избрала своей религией феминистические лозунги.

Занятая такими мыслями, я обыскала всю комнату, попутно сама того не замечая, разгребла завалы хлама. Выкинула бутылки, заодно и содержимое пепельниц. Вещи тупо сгребла в кучу и бросила в коридор – чтобы потом забросить их в машинку. В общем сделал все, чтобы облегчить себе поиски, но ключи я так и не нашла.

– Ого! – присвистнула Ленка, входя в комнату после душа.

– Ключи где?! – чуть не зарычала я, глядя на то, как она беспечно тащит обратно пепельницу, и закуривает прямо в комнате.

– Ключи...ключи... – пробормотала она и вдруг хлопнула себя ладонью по лбу. – Точно же. Я квартиру Сереге давала. Неделю назад. А ключи он так и не вернул. Сейчас позвоню ему.

Вот честно слово! Я даже не нашлась, что ответить ей на это. Мне просто хотелось придушить подруженьку на месте.

В итоге мне пришлось потратить еще час, чтобы добрать-

ся к неизвестному Сереге на работу, находившуюся, конечно же, в самом конце города, и столько же, чтобы добраться до квартиры. Хвала богам, Серега, в отличие от Ленки, оказался парнем чисто плотным и за собой все убрал после своего проживания. Мне осталось лишь проветрить, протереть пыль и вымыть пол. Полдня ушли впустую, и я была очень зла. Да еще и Денис никак не объявлялся, и я решила, что сегодня сама поеду на бывшую работу Инги. И только я так подумала, как он позвонил. Договорились встретиться у фонтана на главной площади города через час. За это время я как раз успею привести себя в порядок.

Особый марафет наводить мне не хотелось, чтобы он, не дай бог, не подумал, что я стараюсь ему понравиться. Сделаю легкий, соответствующий времени макияж, заплету косу и надену джинсы с топом. В конце концов, у нас не свидание, а деловые отношения. Правда не совсем понятно, какого резона Денису это все нужно? Но тут же моя корона подсказала, что он это делает ради меня. Я старались гнать эти мысли прочь, пока добиралась до места встречи, но они все равно неустанно стучались в мою пустую голову.

Денис выглядел просто потрясающе. Голубая рубашка, светлые брюки, элегантные темно-бежевые лоферы. Лицо чисто выбрито, это тоже в плюс. Я терпеть не могу небритых мужчин, а так как сейчас прямо-таки «бородатая революция» во всем мире, шансы встретить чистое, нетронутое щетиной лицо, сводятся практически к нулю.

– Куда пойдём? – спросил Денис, когда мы обменялись приветствиями.

– Я думала начать с этого твоего Парафена. Если ты, конечно, знаешь, как его найти.

– С моего... – Денис хохотнул и лукаво на меня посмотрел. – Ну положим я его нашёл. И даже договорился о встрече. Но! Услуга на услугу.

Я в сомнении и даже в некоторой тревоге взглядела в его хитрые глаза. Блин... что же он попросит взамен? А вдруг я не смогу, или не захочу ему этого дать?

– Какую? – сухо спросила я, уже жалея, что ввязала его в это расследование.

– Та-да-да-дам... – насмешливо пропел он, и тут же продолжил, – Тебе придется меня поцеловать.

Его слова были настолько неожиданными, что я громко выдохнула, да так, что он это явно услышал.

– Дай-ка подумать, – протянула я.

– Даже не думай думать!

– Ну не зна-аю...

– Вот и помогай красивым девушкам после этого, – патетично воскликнул Денис, и я, не выдержав, громко засмеялась. Несколько прохожих обернулись на нас, и от этого мне стало еще смешнее.

– Ладно. Уговорил.

– Вот и отлично. Тогда бери меня под локоток, я поведу тебя навстречу приключениям.

Парафен обитал в обычной серой блочной пятиэтажке. Небольшой благоустроенный двор, где сейчас как раз гуляли мамы с детьми. Совсем уж маленькая парковка, на которой не было ни одной машины. Понятное дело – время рабочее, и все автовладельцы наверняка укатили на своих транспортных средствах на службу.

Денис набрал номер квартиры на домофоне, раздался писк и дверь почти сразу открылась.

Мы поднялись на третий этаж, на площадке стояла молоденькая девушка, на вид лет двадцати. Она испуганно посмотрела на нас, подумала немного, но все же, кивнув, молча провела в квартиру. Там стоял такой резкий запах лекарств, что у меня тут же закружилась голова. Девушка, все так же молча, провела нас в темную комнату, куда почти не проникал солнечный свет, скрытый плотными темными шторами.

В углу комнаты стояла кровать, на которой кто-то лежал, накрытый одеялом с головы до ног.

– Миша... – тихо позвала девушка, – Миш... тут к тебе пришли.

Человек, лежащий на кровати, зашевелился, откинул одеяло и посмотрел на нас мутными глазами. Затем он рукой указал девушке на дверь и прошипел «сгинь». То, что голос его был похож на самое настоящее шипение не преувеличение. Голос был неприятным. Тот, кого называли Мишей, посмотрел на меня, затем на Дениса, и кивнул ему:

– Спрашивай. Только быстро. Сил нет.

– Плотова знаешь?

– Ну. И че?

– Много он тебе должен?

– Много-немного, а отдать обязан.

– Ты его бабу шлепнул? – нисколько не церемонясь, в лоб, спросил Денис.

– На хрена? – вроде бы он даже удивился.

– Напугать хотел?

– Слушай... я его бы самого скорее шлепнул, чем девку какую-то. Не та сумма. Да я б ему кости поломал и все. На мокруху я не подписываюсь – запомни.

Потом он немного подумал, видно было, как напряглись и вздулись вены на лбу, покрытом испариной.

– Когда это случилось?

– Что именно? – спросил Денис.

– Бабу шлепнули когда?

– В субботу.

– Меня в четверг скрутило. Дрянь одну попробовал, Глюк, сука, дал. Говорит – попробуй, все остальное туфтой после этого покажется. Ну я и попробовал. Днем выпил, а вечером вот, – Парафен указал на ноги, – парализовало.

Из-за двери послышался всхлип, а Парафен отвернул голову к стене, давая понять, что аудиенция на этом закончена.

Денис поманил меня пальцем и мы, наконец, вышли из комнаты–лазарета.

Уже в дверях к нам подошла та девушка и прошептала:

– У нас справка есть. В четверг скорую вызвали. И в больнице он был до вчерашнего дня. Не приходите больше, плохо ему. Слышите?!

Денис кивнул, и мы буквально выбежали на лестничную площадку.

На улице я полной грудью вдохнула грязный городской воздух, который в тот момент казался свежайшим альпийским.

– Куда теперь? – только и спросил Денис, когда мы покинули тихий дворик.

– К бывшей девушке Юры? – вопросом на вопрос ответила я.

– К Рябининой? Ты адрес ее знаешь?

– Телефон вчера мне Витя дал. Пойдем куда-нибудь присядем. На ходу разговаривать неудобно, – предложила я, доставая телефон из сумки.

Денис послушно пошел за мной, и вскоре мы уже прята-

лись от солнца под развесистым дубом, на одной из скамеек ближайшего парка. Пока я звонила, Денис успел купить нам по мороженому, и сейчас оно нетерпеливо плавилось в стаканчиках в его руках.

– Ну что? – спросил он, когда я закончила разговор.

– Мадам будет ждать нас сегодня после шести. В это время она заканчивает работу и по пути в детский сад у нее будет свободных десять минут. Так она сказала, по крайней мере.

– А что ты ей сказала-то? Ну чем объяснила интерес?

– Сказал, что отец ее первого ребенка хотел бы передать ей небольшую сумму денег.

– Даже так? А она не удивилась?

– Удивилась, конечно. Но деньги, по-видимому, ей очень нужны, а потому она, после недолгого раздумья, все же согласилась встретиться.

– И много ты ей посулила? – усмехнулся Денис.

– Ну, все чем я могу пожертвовать ради детей, это пара тысяч рублей, – скромно ответила я.

– Отлично. Тогда и я пожертвую тем же. В конце концов, при виде неожиданных денег, дама наверняка будет значительно разговорчивее.

Я внимательно посмотрела на Дениса и, подумав, спросила:

– Зачем?

– Что зачем?

– Ну почему ты мне помогаешь? Тебе вовсе не ну...

– У меня есть несколько причин тебе помогать, – перебил он.

– Интересно, и какие же?

Денис не торопился отвечать. Лишь доев мороженное, он облизнулся, словно сытый кот, улыбнулся и ответил:

– Во-первых, ты мне нравишься.

Я не нашлась, что ответить на это, и сочла, что лучше всего промолчать. Но именно в этот момент где-то в груди затрепетали, расправив некогда обожженные крылышки, бабочки.

– Продолжать? Или этого достаточно? – сейчас он был серьезен, но в уголках глаз застыли смешинки.

Я пожала плечами, напуская на себя равнодушный вид, тем не менее уверенная, что при этом выгляжу совсем душой.

– Во-вторых, я за справедливость.

– Но ведь мы наверняка не знаем, может это Юрка и убил Ингу.

– А мы чем занимаемся? – вроде бы удивился он, – заодно и пойдем, причастен твой Юрка к этому, или нет. И еще... я бы на слово Парафену не верил. Он хоть и весьма убедительно говорил, а проверить информацию не мешало бы. Надо узнать, поступал ли он в больницу по скорой, и когда это было.

– Согласна. Этим сейчас и займемся.

Но Денис убедил меня, что это может и подождать, а сей-

час нам не мешало бы перекусить. До шести еще целый час и можно провести его с пользой для здоровья. В принципе, возражать у меня причин не было, так как кроме утреннего кофе у Ленки и пресловутого мороженого, я сегодня ничего так и не съела.

Кафе с громким названием «Ресторань» выбрали поближе к месту встречи с Рябиной. В «Ресторань» были два зала. Один внутри здания, второй – пристройка, где располагалась летняя веранда. Так как на улице стояла немилосердная жара, решено было устроиться в крытом зале с кондиционером.

Денис заказал себе окрошку на квасе, что было вполне логично, учитывая нынешнюю погоду, грибной жульен и блинчики с творогом. Я решила ограничиться легким салатом и холодным чаем с лимоном. Ели молча, каждый думая о своем. О чем думал Денис, мне, естественно, не известно, а вот мои мысли плавно текли в направлении нашего несанкционированного расследования. Неожиданно подумалось, что зря мы ищем убийцу среди Юркиного окружения. Вполне возможно, что целью как раз была Инга. И Юрка здесь совершенно не при чем. Просто парень оказался в ненужном месте в ненужное время. Утолив голод, мы, расплатившись по счету, направились в сторону кондитерской фабрики, где трудилась Юлия Рябина.

Возле ворот стояла только одна женщина. Она нетерпе-

ливо озирались по сторонам, выискивая кого-то глазами. На вид ей было лет тридцать пять, хотя я прекрасно помнила, что Юрке двадцать четыре года и учились они на одном потоке.

Даже если предположить, что женщина поступала в колледж не сразу после школы, все-равно выходило, что выглядит она сильно старше своего возраста. Возможно, что лет ей прибавлял весьма откровенный наряд, состоящий из короткого леопардового платья и открытых красных босоножек на высоченных шпильках. Выжженные светлой краской волосы неопытно свисали патлами на открытые плечи. Добавьте сюда ярко-красную помаду и густо подведенные черным карандашом глаза, и образ тетки из сельпо сложится окончательно. В руках Юля теребила фиолетовую сумочку, которая так же подходила к наряду, как и бретелька красного бюстгалтера, смело торчащая из-под платья.

– Атас! – сдавленно прохрипел Денис.

– Мне кажется, что разговор лучше тебе с ней вести, – съехидничала я.

Денис, вроде бы несколько не обидевшись, лишь кивнул и решительно направился к дамочке.

Юля стояла нахмурившись, но увидев Дениса, ее взгляд резко потеплел и на лице даже появилось что-то наподобие улыбки. Лучше бы ей этого было не делать, так как во рту не хватало одного переднего зуба. Но женщину это несколько не смущало, и она томным голосом поздоровалась. С Дени-

сом. На меня Юля не обратила никакого внимания. В принципе я была этому даже рада, поскольку не очень понимала, как вести с девушкой подобного типа диалог.

Разговаривать пришлось на ходу, так как Юля, хоть и усиленно флиртowała с Денисом, все же о своих материнских заботах не забывала. В саду ее ждали двое детей, о чем она успела поведать нам, пока мы шли, еще двое уже были дома, самостоятельно добравшись из школы еще в обед. Наконец, мы перешли к сути нашей встречи, и Юля прямо спросила, где деньги, которые ей передал Юрка. Как ни странно, о нем дама говорила с большой теплотой, сетуя лишь на вмешательство покойного брата Мишки.

– Если бы не он, может я бы его и приструнила тогда дурака. У нас же любовь была! А это что? Эх... мужики. Все-то вы понимаете, да выводы не те делаете! – глубокомысленно воскликнула она, кокетливо поправляя челку.

– Неужто до сих пор любите? – вполне искренне удивилась я.

– Ну может и не люблю, конечно, – бросила она взгляд на Дениса, – только зла ему не желаю. Так Юрке и передайте. Коли с дочкой увидеться надумает – мешать не стану.

– А нынешний-то как муж, не заругает?

– А кто он нынешний-то? Нету его. Одна тяну лямку.

Мы еще поспрашивали Юлю о том о сем, но так ничего интересного и не узнав, попрощались, на прощание вручив ей деньги. Юля, нисколько не стесняясь нас, посчитала их

и явно огорчилась. Тогда Денис обаятельно ей улыбнулся, да так, что у нас обеих произошло временное помутнение рассудка, и томным голосом сказал:

– Я позвоню.

Всю следующую ночь я ломала голову над тем, нравлюсь я Денису, или ему просто нечем заняться. Машину его угнали, а без нее, по его же словам, заняться раскопками никак не получится. Я не археолог – не знаю, но догадываюсь, что для Дениса машина является и местом ночлега и столовой, и кладовкой для хранения снаряжения. Вот и гадала я на кофейной гуще, валяет ли парень дурака, связавшись со мной, или ему и правда интересно.

Ну да... интересно – как раз емкое слово для такой дуры, как я. С чего это я решила, что интерес этот вызван мной персоной? Почему не убийством? И тут меня неприятно пронзила догадка. А что, если Денис как-то причастен к этому преступлению? Ведь в это самое время, буквально на следующий день после преступления, он, возможно, был в деревне, и вполне мог совершить нападение на девушку, которая ждала парня на берегу озера. И это вполне объясняет его интерес к расследованию. Он просто хочет быть в курсе, что я могу накопать на него.

При этих мыслях я вскочила с кровати и принялась бегать туда-сюда, в ужас хватаясь то за сердце, то за голову. Где-то в недрах старого буфета нашла едва початую бутылку вина.

Плеснула себе целый стакан, вино оказалось терпкое и кисловатое – я такое не люблю. Но сейчас мне впору был любой алкоголь, так горько стало на душе после собственного открытия. Ну вот что, что я знаю об этом парне, кроме того, что он какой-то там археолог, разыскивающий невесту что в нашей глуши? А еще я знаю, что он ужасно красивый... Да-а-а... впечатляющие сведения, однако. Дура ты, Женя! Как есть, дура.

Допив бутылку, зачем-то полезла в душ, и чуть не упала на скользком кафеле. Ох и хороша бы я была, если бы треснулась башкой о пол. Представляю лицо Ленки, обнаружившей меня здесь спустя неделю – раньше она сто процентов не забеспокоилась бы. Такой подарок в виде трупа подруги – ужасное свинство. Да я бы еще десяток лет в гробу переворачивалась от ее проклятий. Уж я-то Ленку знаю. И никакая смерть не избавила бы меня от вины перед ней. В ванной меня расквасило еще больше, и я, едва плетясь, доковыляла-таки до своей постели. Хвала богам, дурные мысли меня больше не посещали, подозреваю, что они вместе со всеми остальными мыслями и вовсе покинули мою буйную головушку, и я заснула тут же, решив, что непременно подумаю обо всем завтра.

Как ни странно, голова с утра почти не болела. Все ночные кошмары показались бредом сивой кобылы. Ну какой из такого славного парня, как Денис, может быть убийца? Да и

зачем ему все это? Девушка, насколько мне известно, изнасилована не была. Деньги в сумочке остались лежать, как и украшения на теле. Вряд ли целью был грабеж. Значит тут что-то другое. Больше похоже на месть, или... или на месть. И с чего бы Денису мстить какой-то сельской учительнице? Есть еще правда вариант – девушка оказалась не в том месте и не в то время. Может она стала ненужной свидетельницей? А что, вполне складно выходит. Например, вот так могло быть: Инга пришла на встречу с Юркой и тихонько присела возле кустов, на пригорке, любуясь видом вечернего озера. В это время кто-то выбросил труп в воду, и Инга вскрикнула, возможно, она даже узнала бросавшего. Преступник увидел, что его обнаружили, в два прыжка нагнал девушку и задушил несчастную.

По-моему, все прям очень складно выходит. Осталось только найти этого самого убийцу и дело с концом. А если еще и взять за основу, что убитая знала преступника, то все еще больше упрощается. Этот кто-то – житель деревни.

Очень довольная собой, я записала свои домыслы в блокнот, и даже немного помечтала, как получу благодарность от полиции. На награждение я непременно надену самое лучшее платье. Хотя нет, лучше брючный костюм оливкового цвета. Он как раз давно пылится в шкафу, купленный по случаю грандиозной распродажи, но так ни разу и не надеванный, потому что некуда. Так вот, надену я оливковый костюм, шпильки естественно лимонные. Но, с другой сторо-

ны, все вместе это будет слишком гламурно. Не пойдет. Черные лодочки будут смотреться вполне строго и официально, и не будут перетягивать на себя внимания с костюма. Часы надены с золотым браслетом, или лучше, наверное, с черным. А волосы заплету в косу. Хотя нет. Слишком по-детски. Лучше сделать высокий хвост. Макияжа будет минимум, но можно поиграть с маникюром. Ах да... сумочку забыла. Сумка пусть будет черная. С металлической пряжкой и длинным ремешком. Пусть все видят, какая я строгая и одновременно сексуальная.

В зале, естественно, будут сидеть Христофоровна, и Ромка. И Денис, естественно. Ах, как он будет смотреть на меня, гордый, что это я, его девушка, такая умная и красивая, всех разоблачила. Полицейские будут хлопать в ладоши и кричать мое имя. Апогеем станет раскачивание меня на руках и присвоение какого-нибудь полицейского звания. Хотя нет... это вряд ли. Тут я немного переборщила. Хватит и благодарности, и приглашения вступить в ряды доблестной полиции.

В общем, к окончанию всей этой мечтательной церемонии, я даже чуть не расплакалась. Причем вполне естественно. И подумала, что в вино было что-то добавлено. Что-то, что разжижает мозг. Тут уж мне и вовсе стало весело, и я порадовалась, что в нашем мире нет людей, читающих чужие мысли. По крайней мере за это можно быть спокойной.

Часов в двенадцать позвонила Ленка, напомнила про новоселье. Я заверила подругу, что, конечно же, приду, а сама

в панике принялась собираться за подарком. Не факт, что та ваза еще в магазине, и тогда придется придумывать что-то другое. А это время. Черт бы меня побрал, ну почему я вчера не купила эту вазу?! Тут я вспомнила, что вчера вообще-то прекрасно проводила время с Денисом и в груди снова что-то затрепетало. Видимо бабочки.

На улице стояло что-то невообразимое. Погода в нашем городе явно сошла с ума, и решила доконать бедных жителей массовым тепловым ударом. Термометр на городских часах показывал плюс тридцать в тени. Повезло, наверное, отдыхающим за городом, там жара ощущается не так сильно. Да еще тем, кто может позволить себе отдых в будний день, плескаясь в городских водоемах. Тем же, кто вынужден работать в такую жару, можно только посочувствовать. Я порадовалась, что нацепила максимально легкий хлопковый сарафан без бретелей и сандалии без каблука. Волосы уложила в пучок, чтобы не липли к шее.

Завидев возле уличного лотка девушку, продающую горячие пирожки, я только удивилась ее начальству и пожалела бедняжку, вынужденную ими торговать. Возле девушки ожидаемо никого не было, зато у ее товарки, продающей лимонады и мороженое, толпилась очередь. В это момент мне до того стало жаль несчастную, которая, почти наверняка, останется без зарплаты сегодня, что я, не выдержав, купила у нее несколько булок.

Метрах в ста отсюда я как раз видела парочку бездомных, прячущихся от жары в подворотне. Им-то им отнесла еду. В конце концов пирожки остынут, и тогда их можно будет смело употреблять в пищу. А еще, в порыве щедрости, взяла три

стаканчика мороженных и два из них неуверенно протянула мужчинам. Кто его знает, когда они в последний раз пробовали подобную лакомость. Сказать, что те обомлели, значит ничего не сказать. Виданное ли дело, девка им не хлеб, или колбасу сует, не медную мелочь, или червонец, а мороженое. Посмотрели удивленно, кивнули в знак благодарности, и принялись за дело. А я, с чувством выполненного долга, отправилась по своим делам. Вазу я купила сразу, повезло.

На первом этаже торгового центра мне красиво ее упаковали и предложили к подарку взять букет цветов. Я ограничилась пятью желтыми розами, и довольная собой решила пообедать. Кафе нашлось быстро. Оно располагалось тут же, в здании. Свободных столиков хоть отбавляй, и я уселась в самом конце зала, скрытая от посторонних глаз, обвитой искусственной зеленью перегородкой.

Пока я ждала заказанные блюда, позвонила Христофоровна. Спросила, как я устроилась, хватает ли средств, все ли у меня в порядке. Я искренне поблагодарила мою старушку, уверив, что у меня все лучше некуда. И в свою очередь поинтересовалась ее делами. Про себя, конечно, испугалась, что бабуле нужна моя помощь, и мне придется прервать свой отпуск. Но Христофоровна заверила, что с внучком у них все "тип-топ" и мне не о чем беспокоиться. На этой мажорной ноте мы и расстались, довольные друг другом. День выдался просто замечательный, и я очень надеялась, что его ничто уже сегодня не испортит. Зря.

Я как раз доедала мясо по-французски, когда поняла, что соседний столик за перегородкой кто-то занял. Мужской голос озвучил заказ, а я замерла. Голос принадлежал Денису. Конечно, я могла бы предположить, что ошиблась, но его собеседник назвал археолога по имени, и мои сомнения рассеялись. Я затихла и прислушалась, надеясь услышать разговор. Это ужасно, что я вновь занимаюсь подслушиванием, но мне никак не удастся побороть эту свою страсть к чужим делам и тайнам. Просто ужас что творится. Да и вообще... если бы речь шла о чем-то, не касающемся лично меня, наверняка я бы и слушать не стала, но тут...

Разговаривали двое, Денис и незнакомый мне мужчина, которого археолог называл Саней.

– Что там? Подвижки есть какие? – спросил Саня.

– Да они там вечно ошиваются. Надо их деть куда-то, чтобы спокойно делом заняться.

– С девкой что?

– А что с ней?

Тут Саня произнес непечатное слово, и продолжил:

– Ну используй ее по назначению, ты чо, мальчик что ли?

Всему тебя учить надо.

– Слушай ты... я, если соберусь кого использовать, твоих советов слушать не стану, и рассказывать тебе об этом тем более не буду. Нормально с ней все. Хорошая девка.

Я тут чуть не захлебнулась чаем. Девка значит?! Хорошая девка?! Ну сукин сын, ну мы еще посмотрим, хорошая я дев-

ка, или так себе! В этот момент Саня сказал «пока» и Денис видимо остался один за столиком. Не передать словами, как мне хотелось подойти и врезать по его самодовольной морде. Но я почему-то тихо сидела над своим чаем, и собиралась заплакать от такой несправедливости, а заодно и от того, что принц оказался очередным козлом, которому что-то от меня нужно. А может и не от меня. А может и вообще ничего не нужно, а это еще обиднее.

В общем собиралась я сокрушаться о своей нелегкой бабьей доле и на всякий случай позаимствовать у Ленки ту самую книжку с "химичкой" на фотографии, как на моем столе зазвонил телефон. Он звонил и звонил, а я все никак не могла разблокировать графический пароль, и готова была разбить телефон об пол. Внезапно телефон звонить перестал, и над моим ухом раздался знакомый смешок. Вся красная от смущения, стыда и злости, я подняла голову. Денис скрестил руки на груди и насмешливо смотрел на меня.

– Подслушивала?

– Нет. У вас голоса громкие, – съехидничала я.

Денис отодвинул стул рядом со мной, и, не спросив разрешения, плюхнулся на него так, что тот затрещал.

– Выводы ты кончено уже сделала, да?

Я промолчала и надулась еще сильнее.

– Слушай, ну я понимаю, что вы – дамы, все на свой счет принимаете, но не до такой же степени.

– То есть я не хорошая? – внезапно мне стало весело, и я

решила поддержать игру.

– Хорошая, – тут же с готовностью ответил Денис.

– То есть я девка, да?! – не преминула я подколоть его.

– О-о-о женщины! С чего ты вообще взяла, что речь о тебе? Ну? Мы с коллегой разговаривали о работе. Только и всего. Кроме археологии, я в строительном бизнесе задействован. Ну и фря одна нам вечно мешает. Третий месяц от нее справку ждем одну, без нее начинать не имеем право, а эта... овца... себя пупом земли возомнила. Издевается прям.

– И ты решил ее не мытьем, так катанием? – зло спросила я.

– О-о...это что, ревность? – засмеялся он и подвинулся чуть ближе ко мне.

– С чего это? Да мы вообще с тобой почти незнакомы. С чего это мне тебя ревновать? – я снова смутилась, как школьница и почувствовала себя откровенной душой. Действительно, чего это я ревную полужнакомого мужика к какой-то бабе? Явный повод задуматься, что в жизни что-то снова идет не так.

– А я вот тебя ревную, – тихо и серьезно произнес он, а я растерялась. Так искренне это прозвучало.

Я не нашлась, что на это ответить, а он быстро чмокнул меня в нос, и, извинившись, вышел из зала. Вернулся он минут через пять, когда я совсем извелась, что происходит и как с этим бороться. Денис поставил перед фактом, что счет

оплачен, а значит мы можем со спокойной душой покинуть это заведение. Возражать причин не было. Снова позвонила Ленка, и напомнила о вечеринке. Оставался еще целый час. Всего час. Мне ужасно не хотелось отпускать Дениса, но я не была уверена, что он будет свободен сегодня вечером и вообще захочет пойти со мной к незнакомым ему людям. Ленка-то точно будет не против, тем более что и звала она меня с парой, если таковая имеется. Спустя полчаса маеты я прямо спросила Дениса, не хочет ли он составить мне компанию, и тот, как ни странно, тут же с радостью согласился. От нежданно свалившегося счастья я просто парила, мигом позабыв про все свои подозрения. На этот раз мы вместе выбрали подарок – красивый столовый набор, и когда время подошло к шести, отправились на такси к подруге.

Народу в новую квартиру набилось видимо-невидимо. Казалось, что Ленка пригласила всех своих знакомых и родственников. Некоторых из них я знала лично, кого-то видела мельком. Подивившись, что на новоселье так же пришли двое бывших МЧ Ленки, решила, впрочем, ничему более не удивляться, зная закидоны подруги. Праздник получился шумным и веселым. Уже к девяти большинство гостей изрядно напились, и кто-то начал потихоньку расползаться по домам. К десяти остались самые близкие. А к одиннадцати только мы вчетвером. Я с Денисом, и подруга с новым ухажером. Она всю липла к парню, и я решила, что пора уже сваливать из квартиры, дабы не мешать голубкам ворковать

наедине.

Денис вызвался меня проводить на такси, но я настояла пройтись пешком, благо идти было не так уж далеко. Да если бы и далеко, наверняка, так было бы еще лучше. По дороге домой мы разговаривали обо всем на свете. Хотя говорила больше я, отвечая на его вопросы.

Денис спрашивал с кем я живу, и кем мне приходится бабка. Сказал, что видел Ромку, заходящего в дом, интересовался кем он мне приходится. Скрывать, что он бабкин внук и мы живем в одном доме, я не посчитала нужным, и мне показалось, что Денис при этом даже нахмурился, а голос стал сухим и раздраженным. После этого он перестал задавать вопросы, я же не знала о чем его спросить.

А потому дальше уже шли мы почти в полном молчании, и мне казалось, что он слышит каждый стук моего сердца. Я боялась что-либо говорить, чтобы не нарушить эту идиллию, и стараясь игнорировать только что пробежавший холодок между нами, когда речь зашла о Ромке. Ревность я лично терпеть никогда не могла, считая, что она способна разрушить даже самые крепкие отношения. Сама я человек совершенно не ревнивый, хотя кто знает, возможно я по-настоящему никого так и не любила, а вся моя мнимая любовь к мужу заключалась сначала в страсти, а потом уже и в привязанности?

Может я ошибаюсь, но мне казалось, что Денису я так же симпатична, как и он мне? Вот и ревнует, дурачок... Хотя,

вполне возможно, что это лишь мои фантазии, а на самом деле и нет ничего вовсе. Может я себе придумала взаимность, а парню просто неудобно отказывать меня провожать. Денис тоже молчал, и я решила, что все-таки не стоит лезть ему в голову со своими предположениями. Пусть все идет как идет, и будь что будет. В конце концов девушка я взрослая, переживу и отказ, если что.

Однако возле подъезда Денис, без всяких предисловий и заглядываний в глаза, как это обычно бывает у влюбленных, вдруг меня поцеловал. Было ощущение, что время остановилось, как бы банально это ни звучало. А еще учитывая, что все происходило в полном молчании, вся эта спонтанность сразу накатила романтической волной. Взрывной и опасной. В тот момент я готова была на все, ну или по крайней мере на многое. Горячее желание захватило с головой, отключив все мысли и страхи напрочь. Боже, дай мне устоять...

Только боги знают, чем бы могла закончиться эта ночь, если бы Денис не совершил роковую ошибку. В какой-то момент он задрал на мне футболку, прямо там, у подъезда, и по-хозяйски засунул руку в мои, между прочим, джинсы, попутно потянув меня к двери. А я.. я будто со стороны посмотрела на всю ситуацию, и, вместо того чтобы наслаждаться ею, почему-то ощутила себя немного обманутой. Ну не настраивалось я на такие быстрые шаги. Вернее настраивалась, но не так ведь все должно быть... До этого все казалось таким романтичным, что мне безумно хотелось продлить это

как можно дольше.

Возможно, это покажется ужасно глупым, мне ведь не шестнадцать лет, когда ходить с парнем за ручку – верх блаженства. Целоваться у дверей – кайф. Обнимать и ласкать нежно – счастье. Ага... а кто только что был готов на многое?! Эх... Если б не его эта напористость вкупе с хозяйскими жестами, вряд ли бы я так резко отморозилась.

Я мягко отстранилась, и он кажется все понял и без слов. Поцеловал в нос и попрощавшись, пошел из двора.

А меня вдруг накрыла ужасная тоска. Захотелось разрешиться, и я вбежала в подъезд, чтобы поскорее очутиться дома, под холодным душем. Забыть, забыть последние минуты навсегда. Так глупо... неужели я все разрушила?!

Очередная ночь прошла в смятении и маете. А наутро Денис не позвонил. Впрочем, и в обед тоже. Прождав его звонка до четырех, я, плюнув на гордость, набрала номер сама, решив, что дело важнее. Мы ведь договаривались сегодня вместе пройтись до бывшей работы Инги Молчановой.

Механический голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети, и чертыхнувшись, я так разозлилась на Дениса, что даже выругалась вслух. Нет, ну нормально это? А еще я порадовалась, что вчера послушала себя. Хороша же я была бы, если бы, проведя с ним ночь, была вот так же продинамлена. Хотя может как раз и не продинамил бы. Эх, жизнь моя жестянка! Ну что я за человек такой? Переспала

бы с ним – жалела бы. Не переспала, тоже жалею.

Выяснить, где работала девушка год назад не составило особого труда. В ее профиле «вконтакте» до сих пор местом работы числилась городская школа номер десять. То ли сменила забыла, то ли не придавала этому большому значения.

Уже подходя к школе, где раньше работала Инга, я вдруг запоздало подумала, что ведь с Денисом могло что-то произойти. Мало ли какие проблемы случаются в жизни? Эгоистично утешая себя подобным образом, я открыла тяжелую дверь. Только вот дальше дело совсем не заладилось. В холле меня встретила недоброжелательно настроенная женщина-охранник лет пятидесяти.

– Вам чего? – нелюбезно спросила она.

– Мне бы в школу пройти, – промямлила я в ответ.

– За ребенком? Класс какой? Встречайте у школы. Скоро звонок – сами выйдут, правила для кого висят? Или пропуск оформляйте. Что за люди?! Говоришь вам из года в год, из года в год – все без толку! – затараторила она, не давая мне вставить и слова.

– Да мне не ребенок нужен, – наконец смогла ответить я, – мне учителя нужны.

– Пропуск!

– Да нет у меня его, – вскипела я, – у вас тут тюрьма что ли? Ну хотите паспорт покажу?

– Не положено. Пропуск!

– Да тьфу! Как с директором связаться?

Дама отошла в сторону и указала пальцем на листок со «списком контактов ответственных за учреждение лиц». Я быстро сфотографировала его и, под неодобрительный взгляд охранницы, покинула школу.

Надо же, проход как на секретный объект. С другой стороны, оно и понятно, учитывая обстановку в стране. Хотя... что вот эта конкретно женщина сможет сделать против понастоящему опасных людей лично мне совсем непонятно. Придется что-то придумывать и звонить директору лично. Прикинуться чьей-то родительницей? Так надо знать фамилию и класс ребенка.

Идея пришла сама собой, и я в надежде принялась звонить Ленке. У нее с ее энергией свои люди есть везде. Слава богу, подруга занята не была, зато поболтать очень хотела. Пришлось еще полчаса выслушивать ее стенания по поводу нелегкой нашей бабьей доли, и о том, что Казанова оказался совсем не Казановой в постели, и оставшиеся до утра часы она была вынуждена спать на кухне, так как кавалер изрядно храпел, а разбудить его не представлялось возможным.

Вдобавок с утра ухажер заблевал весь пол в туалете, и Ленке, преодолевая брезгливость и раскаяние в совершенном, пришлось все это еще и отмывать. А потому она сейчас находится в прямо-таки зверским настроении и ей срочно нужна психологическая помощь подруги. Так что я оказалась весьма вовремя.

Знакомых, работающих в десятой школе, у нее не оказалось, зато соседка по этажу водила туда двенадцатилетнего сынишку. А так как мама мальчика часто жаловалась Ленке на сына, а заодно и на учителей, то Ленка была в курсе и в каком именно классе учится пацан, и даже как зовут его классного руководителя. Я чуть не запрыгала от свалившейся на меня удачи и едва не бросила трубку тут же. Но быстро взяла себя в руки, памятуя о том, то Ленка находится в таком плачевном настроении и ей нужно выговориться до конца. В итоге мы проболтали еще полчаса и распрощались вполне довольные друг другом. Когда я, наконец, набрала номер кабинета директора, оказалось, что та уже ушла, но мне снова сказочно повезло.

Секретарь спросила мои данные, пришлось представляться Савельевой Анной, мамой Димки Савельева, и назначила мне прийти завтра к девяти. Обещала, что пропуск будет у охранника, нужно лишь захватить с собою паспорт. Услышав про документ, я тут же сникла. Такая отличная идея летела к чертям. Оставалось надеяться лишь на волю случая и на пресловутое везение. Но об этом я решила подумать завтра, решив, что все, что я могла здесь сделать, я сделала.

Денис, кстати, так и не позвонил, и я, весьма расстроенная, заснула лишь ближе к часу ночи, под мерное бормотание телевизора.

Снился мне Юрка Плотов. Будто-бы сидит он в подвале и мяукает. Жалобно так, надрывно. А я пытаюсь открыть дверь, в руках у меня много-много ключей, но все они не подходят. И вот, когда я уже отыскала тот, нужный ключ, ко мне вдруг подбегает какой-то мужчина, и выхватывает его из рук. Лица его не видно, но мне почему-то кажется, что это Денис. Или Ромка? И вот он снимает колпак, прикрывающий лицо и передо мной стоит... Парафен? Держите его, кричу я, но вдруг его лицо сползает вниз, как клякса, и вот уже передо мной Иваныч, духовский участковый. Но потом он вдруг превращается в моего бывшего мужа, а тот в свою очередь в Христофоровну, которая кричит мне прямо в ухо «Не догонишь. Не найдешь. Не догонишь. Не найдешь. Не догонишь. Не найдешь». Она кричит все громче и зачем-то достает большой колокольчик. Видимо для того, что им звонить мне в другое ухо.

Я открыла глаза. Утро. Хочу спать и есть. Но лучше спать. Посмотрела на часы – полвосьмого. Пора вставать, если я хочу успеть к директору к девяти. После душа я быстро выпила кофе, уложила волосы феном и нацепила не себя белую

футболку с джинсами. Учитывая жару мне бы больше, конечно, хотелось надеть шорты, но вряд ли пристало матери ученика являться в таком виде к директору школы.

Без десяти девять я стояла в холле школы, и ерзала под пристальным взглядом охранника. Сегодня это был седовласый усатый мужчина, который в строгости ничуть не уступал вчерашней напарнице.

– Паспорт с собой? – грозно спросил он и погладил усы.

– Сейчас-сейчас... секундочку, – я принялась делать вид, что ищу паспорт в сумке. На стойку охранной будки легли: косметичка, ключница, ключи, визитница, блокнот, три шариковых ручки, носовые платки, влажные салфетки, духи, еще одни, расческа, две заколки для волос, лак для них же, футляр от очков, калькулятор, кошелек и почему-то корм для кошки.

На все это безобразие охранник взирал с нескрываемым любопытством и даже некоторым, как мне показалось, злорадством.

– Ох, женщины! – пафосно воскликнул он, привлекая к нам всеобщее внимание, – разве в таком бардаке можно хоть что-то найти?!

– Я найду. Сейчас, – я принялась складывать свои вещи обратно, чтобы затем вновь начать выкладывать их на столешницу.

– Боже мой, женщина! Идите уже со своим барахлом. Уберите немедленно все обратно, развели мне тут понима-

ешь... – охранник, уже не скрывая своего презрения ко всему женскому роду, и, в частности, ко мне, безгласно стряхнул косметичку в мою сторону, и я еле успела ее поймать. В другое время я высказала бы наглещу все, что думаю о нем конкретно, и о мужчинах подобного рода в общем, но сейчас этого делать было никак нельзя. Сейчас мне это было даже на руку.

– Можно, да? – натянув на лицо идиотскую улыбку переспросила я.

– Да иди уж отсюда. Зоя Тимофеевна не любит, когда опаздывают... и эти детей еще воспитывают, – донеслось мне в спину.

Эх, сказала бы я тебе дядя, да нельзя. Не сегодня, как говорится. Я двинулась в сторону, лестницы, поднялась на второй этаж и без труда нашла кабинет Зои Тимофеевны. В приемной сидела секретарь, девушка лет двадцати пяти на вид, может чуть больше. Взгляд затравленный и пугливый. Видать, не сильно сладко живется ей при начальстве.

– Вам назначено? – прошептала она.

– Да...на девять утра.

Девушка подняла трубку красного дискового телефона и передала, что посетитель прибыл. Затем она указала мне на дверь, ведущую в кабинет директорши, и тихо произнесла, опустив глаза в стол:

– Проходите. Только она сегодня не в духе.

Я постучалась и вошла сразу после короткого «да». Зоя

Тимофеевна Криворукова расплзлась в огромном кожаном кресле. Дама с кем-то разговаривала по телефону. Заметив меня, она махнула рукой на стул и, как ни в чем не бывало, продолжила разговор. Глубоко личного, между прочим, характера. Я сделала вид, что не слушаю, а сама между тем украдкой рассматривала директоршу. Дородная баба, с жуткой, прошловековой химией на голове красного цвета. Ярко-красные губы, накрашенные довольно криво. Зеленые тени, тушь, налипшая как грязь на ресницы. Жуткие острые ногти, с претензией на дизайн. На вид даме было лет пятьдесят пять. Грузное лицо, грудь размера шестого, усталый, злобный взгляд.

Мама дорогая... я тут же вспомнила свою школу, где начальником ходила такая же Зоя Тимофеевна. Внешне они были как близняшки, хотя, понятное дело, таковыми точно не являлись. Моя директор давно уже разменяла седьмой десяток и покинула свой пост. Прошло пятнадцать лет со дня окончания мною школы, но эту даму я не могу забыть до сих пор. И уже сейчас я поняла, что разговора у нас с ней точно не получится.

– Вы, собственно, кто?! – резко спросила она, закончив разговор.

– Я записана. На девять. Я мама... – но не успела я договорить, как директриса хлопнула ладонью по столу и гаркнула:

– Чья вы мать? Тут Савельева написано, только вот вы, дорогуша, не она.

Надо признаться, после этого ее выпада я чуть заикаться не начала. И почему-то только сейчас пришла дикая мысль, что я ничего не придумала на такой случай. Ну кто же знал, что директриса всех родителей в лицо знает. Или это только Савельевой выпала такая честь?

– Я... я... я по делу, – тихо промямлила я.

– Вот что, дорогуша. Я сейчас вызову охранника, и он вас в полицию сдаст. Там и расскажете о своем деле, и почему вы представились чужим именем.

Она уже потянулась к телефону, и я взмолилась:

– Не надо, пожалуйста. Я вам сейчас все расскажу, и тогда вы решите, что со мной делать. Позвольте мне рассказать...

Зоя Тимофеевна в нерешительности замерла над телефоном, затем нахмурила брови, сжала губы ниточкой, немного пожевала их, так, как это могла бы сделать глубоко старенькая бабушка, и, наконец, молча кивнула.

Рассказ мой занял от силы минут десять. Надо отдать должное директрисе – она слушала очень внимательно и не перебивала до самого конца. Когда я закончила, Зоя Тимофеевна снова кивнула, задумчиво посмотрела в окно, которое выходило на школьный стадион, снова пожевала губами, будто раздумывая о чем-то и, наконец, заговорила.

Из ее довольно сердитого монолога я поняла лишь то, что Инга в школе слыла «редкой вертихвосткой и занозой в известном месте у самой Зои Тимофеевны». Проблем достав-

ляла много, жалобы от мамаш учеников начальной школы сыпались охапками, и та предпочла уволить доморощенную учительницу от греха подальше. Причем жалобы касались не столько ее профессиональных качеств, хотя и к ним были претензии, сколько в вызывающего поведения молодой учительницы.

– Если говорить конкретно и без прикрас, Инга эта, проработав здесь всего год, умудрилась с двумя папашами из второго «А» романы закрутить. Ну и как бы вы поступили на моем месте?

– Уволила? – спросила я.

– Точно. Такой позор в стенах школы мало какой директор потерпит. Уволила и ничуть не пожалела об этом. К тому же заносчива сверх меры была. Амбиции, между прочим, ничем не обоснованные, так и перли. Это ж надо, только вчера из колледжа выпорхнула, а все туда же, учить вздумала.

– Неужто вас? – удивленно воскликнула я.

– И меня тоже, – важно кивнула директриса. – В общем и целом, мое мнение такое – врагов у Инги по пальцам не пересчитать. Искать замучаетесь!

Уже собираясь уходить, я не выдержала и спросила директрису, почему она все же мне все это рассказала.

– Да вы же вон какая настырная! Все равно узнаете. Будете рыскать тут, пока не вынюхаете. А так хоть я вам рассказала. И теперь я очень надеюсь на вашу сознательность. Обещайте, что больше вы здесь выяснять ничего не станете,

иначе мало вам не покажется!

– Да, конечно! Можете не сомневаться. Все что нужно, я узнала. Спасибо вам.

Директриса постучала костяшками пальцев по столу, вздохнула печально и о чем-то задумалась, явно давая понять, что аудиенция закончилась. Я, попрощавшись, вышла из кабинета и плотно прикрыла дверь, краем глаза успев заметить, как секретарша что-то усиленно застрочила на листке бумаги.

– Подождите, – пропищала она мне вслед, когда я выходила из приемной.

Я удивленно обернулась, и девчонка сунула мне записку в руку. Уже выйдя из школы, я прочитала содержимое бумажки.

«В 16.00 сквер возле школы, вторая скамейка с конца».

Ого, какие оказывается «штирлицы» работают под прикрытием. Я усмехнулась, надо же, вторая скамейка. Интересно, почему не первая, не третья, не десятая в конце концов? Очень любопытно, что же мне собирается поведать девушка?

На улице неожиданно потемнело, небо заволокли тучи, и вот-вот обещал начаться дождь. До четырех еще вагон времени, а потому я решила зайти в торговый центр, чтобы пообедать, а заодно немного развеяться. Можно сходить в кино, или просто погулять по магазинам.

Если честно, я совсем не знала, что делать дальше. Пока рядом был Денис, все казалось как-то проще и понятнее. А сейчас я ума не могла приложить, куда податься со своим расследованием. Неожиданно нестерпимо захотелось вернуться домой, к родной Христовой. А как же Денис?! При мыслях о нем вдруг заныло в груди. Как же он так? Почему? Обидно стало ужасно. Вывалила человеку столько всего, и он, видимо, решил, что я слишком замороченная девушка. Или устал бегать со мной по городу. Или я просто ему не нравлюсь и никогда не нравилась, а занимался сыском он со мной от нечего делать.

С такими мыслями я и просидела в кафе до половины четвертого. Дождь на улице давно прошел, от него не осталось и следа. Снова весело светило солнце, и сквер заполнился гуляющими мамочками с детьми. Вторая лавочка в самом конце сквера была удачно спрятана в тени, но, к сожалению, была конкретно занята. Упс... не ожидали такого поворота? Мне вдруг стало смешно. Секретарша эта в роли шпиона не учла такого развития событий. Ну делать нечего, встану недалеко от скамейки. Я посмотрела на часы, которые показывали уже десять минут пятого, но девушки поблизости не наблюдалось.

Вдруг мое внимание привлекла странная особа. Передвигалась дама как-то бочком, все время озираясь по сторонам. На теле ее болтался старый синий халат, больше похожий на униформу уборщицы. Глаза прикрывали черные круглые оч-

ки, на голове платок, повязанный наподобие банданы. Швабры только в руках не хватает. Я уже хотела уходить, когда женщина в два прыжка настигла меня и, больно схватив за руку, потянула за собой в кусты.

– Эй, вы чего? – воскликнула я.

– Тсс... это я вас сюда звала.

Тут только я удивленно узнала голос моей визави.

– Почему вы так странно одеты, простите за вопрос?

– Так надо.

– Да куда мы идем-то? – я попыталась высвободиться из рук ненормальной девицы, но она неожиданно оказалась сильной и продолжала тащить меня куда-то вглубь посадки.

– Тут недалеко есть укромное местечко. Потерпите же. Это в ваших интересах.

Наконец, пробежав черт знает сколько времени и попав черт знает куда, мы остановились и перевели дух. Девушка стащила с себя маскарадный костюм, выдохнула и прошептала:

– С Зоей по-другому нельзя. Она всегда все видит и слышит.

– Шутите?! Она что, следит за вами? Похоже на бред, если честно...

– Если бы... Я не знаю, откуда она всегда в курсе всего, но предполагаю, что у нее везде свои доносчики и соглядатаи. А я боюсь.

– Быть уволенной? Охота вам работать там, если все вре-

меня бояться чего-то?

– Ха! Уволенной за милую душу охота быть. Только кто же меня отпустит?! Я ей почему-то нравлюсь, видимо, молчу потому что. А если я уволиться захочу, она мне такое напишет в трудовой, уж поверьте. Но меня даже и это уже не пугает. Я другого боюсь...

– Чего же?

– Она меня убьет. Потому что знает, что я знаю, – тихо произнесла девушка и замолчала.

– Да что вы хоть знаете?! Что за детский сад! Прекратите уже этот цирк, – воскликнула я. – идиотизм какой-то, право слово. Вы можете нормально говорить?

В этот момент девушка достала сигареты и зажигалку и прикурила. О-па... а такая тихоня с виду.

– Тебя как зовут? – перешла она на «ты».

– Женя.

– А меня Света. Так вот Женя, прикинь до чего мегеру боюсь, что даже курить снова начала. Ты, кстати будешь?

– Не курю.

– Это правильно. Я вот тоже три года не курила. После колледжа бросила. Не хухры-мухры! Пока, блин, сюда не устроилась.

– Ну так уволься, в чем проблема? – пожала я плечами.

– Да в том-то и дело, что не могу я вот так просто взять и уйти. Зойка мне всю карму и трудовую попортит. Эх, знала

бы я тогда, с кем работать придется – еще полгода работу искала бы, чем так.

Мы шли по тропинке, скрытой со всех глаз деревьями. Наконец, когда Свете надоело валять дурака, остановились на какой-то полянке, и присели на пеньки.

– Ну рассказывай, зачем звала, – не стала я ходить вокруг да около, надеясь уже получить какие-то ценные сведения.

– Ты только не подумай чего, – Света достала еще сигарету и прикурила. – Я мимо двери проходила... а она не плотно так закрыта была... и... ну слышала короче все, что тебе Зойка наплела. Так вот знай, врет она все.

Я удивленно посмотрела на девушку. Но не потому, что она подслушивала под дверью, чего уж там – сама грешна. Просто мне показалось, директриса была вполне искренна со мной.

– Короче, ни с какими папашами Инга не спала. Вернее, может и спала с кем, да только об этом я лично не в курсе. А вот Зойкиного любовника Инга знатно потрепала, – тут Света, не выдержав, хихикнула, и тут же закашлялась, глотнув дым.

– Откуда ты знаешь?

– Ну я все-таки секретарь при Зойке. Все слышу и вижу, – при этих словах Света скривилась, но продолжила, – она меня не стесняется. Думает я убогая и ничего не понимаю. Ух, если б ты видела, как она Ингу за волосы таскала, вот это силаща в бабе. Даром, что директор, – снова захихикала сплет-

ница.

– Ну и что с того, дело-то житейское, – подзадорила я де-вушку. – Мало ли мужиков гуляют от жен, потаскала за во-лосы и пусть живет.

– Ага, – тут же встрепенулась Света, – другая может так и рассудила бы, только не Зойка! Ты бы слышала, как она орала на Ингу. Обещала, что убьет ее.

– Когда это было?

– Да уж полгода почти как.

– Неет... стала бы она столько ждать, чтобы с соперницей по квитаться. Она ведь уехала из города, так чего Зое ее до-гонять и убивать спустя столько времени?!

– Ну может и так... Слушай...

– Что? – подбодрила я ее.

– Так небось Юрка ее и убил за шашни...

– А про него ты откуда знаешь? – прищурилась я.

Светка замялась немного, отвела взгляд в сторону и толь-ко потом ответила:

– Да мы с Ингой так-то общались раньше близко. Потом правда она на меня обиделась, – Света опустила глаза и за-молчала. И тут мне в голову пришла неожиданная, но такая логичная мысль и я тут же поспешила ее озвучить.

– Так это ты Зое про ее шашни доложила?

Света мне ничего не ответила, но и так было понятно, кто кашу заварил. Подругу с потрохами сдала. Теперь началь-ство сдает. А строит из себя святую простоту. В принципе

мне все было ясно, и продолжать разговор с секретаршей
страсть как не хотелось. А потому из парка мы выходили
молча. Лишь на самом выходе девушка тихо спросила:

– А ее правда убили, да?

Я кивнула, и Света кивнула в ответ. Резко отвернулась, и
выбежала из ворот.

А я выругалась про себя и заспешила домой. Нужно еще
вещи собрать и отвезти ключи Ленке.

Домой я приехала поздно, уже давно стемнело. Последняя электричка приветливо помахала мне уходящим вдаль вагоном, унося городскую суету и переживания вместе с собой. Я с наслаждением втянула носом свежий деревенский воздух и даже зажмурилась от удовольствия. Нет, однозначно я хочу провести остаток своей жизни здесь, в Духовке. Ну или в подобной этой деревне. Вот выйду замуж, нарожаю деток, заведу корову с поросятами и заживу... о том, что потенциальный жених канул в лету, я в тот момент старалась не думать, и даже немного гордилась собой. По крайней мере тем, что мне удалось не залипнуть мыслями на этом парне, несмотря даже на то, что он мне безумно нравился и прочую девичью блажь.

Я лишь поздравила себя, что удалось выйти из этой истории без каких-либо видимых потерь, и утешилась тем, что Денис не единственный такой прекрасный и особенный – будет в моей жизни еще хороший мужик. А не будет, и черт с ним, сам виноват.

Свет в доме не горел, из чего я сделала логичный вывод, что домашние спят и меня не ждут. Ну верно же, я, кажется, в последний разговор с бабкой обещалась приехать завтра. Посидела немного на веранде, слушая стрекот кузнечиков и

отдаленные голоса деревенских. За спиной что-то зашуршало, я встрепенулась, подумав, что это Дуська крадется с ночной охоты, но в темноте разглядела Ромку.

– Приехала значит, – почему-то грустно вздохнул он.

Хотя может и показалось, что грустно. С чего бы ему грустить?!

– Ну да, – в тон ему ответила я. – Гуляешь?

– Развлекаюсь как могу, – съязвил Ромка, – Как отдохнула?

– Нормально.

– А чего так рано приехала? Бабуля сказала раньше завтра тебя не ждать.

– Соскучилась, – я пожала плечами и стала подниматься, но Ромка не дал мне такой возможности. Он приблизился очень быстро. Так быстро, что я даже понять ничего не успела. Наклонился и принялся жадно меня целовать. Я попыталась отстранить его, но он крепко схватил меня за руки, и прижал к стене. Не учел Ромка только одного. Ноги мои были вполне свободны, а потому уже через секунду он взвыл, резко схватившись за причинное место, а я опрометью бросилась к двери.

– Сучка! – прошипел он, но за мной не пошел.

Выдохнула я только в своей комнате. Заперла дверь на защелку, на всякий случай, и разревелась. Ну почему мужики такие козлы?! Один пропал черт знает куда. И главное причины никакой не было исчезать. Второй, несмотря на мою

холодность, цепляется все время и еще вон целоваться лезет. Ну что это такое, а?! Хоть в лес беги, ей богу. Вот не было Ромки, как хорошо-то жили, а! И Денис еще этот... работу все-таки придется видимо менять. Ну их на фиг, эти нервы. Не хочу, не буду, впору ножкой топнуть. Спать я ложилась в полном раздрае, и ничего хорошего от утра не ждала. И не зря.

Нас утро встречает прохладой... вспомнились мне эти строки неспроста, когда вся окоченевшая, я проснулась ни свет ни заря. За окном зарядил неслабый такой дождь, порядком напрудивший лужу на полу возле открытого окна. Я, закутавшись в одеяло, подбежала к нему и закрыла створки наглухо. Холодно к тому же. Отличное утро, ничего не скажешь.

Горячий душ хоть как-то отогрел мои невеселые мысли и окоченевшее тело, и к своим рабочим обязанностям я приступала уже совсем почти довольная жизнью. Соскучилась поди Христофоровна по горячей каше с маслицем. Полная энтузиазма насытить старушку до отвала, я наварила целую кастрюлю овсянки, напекла блинов с творогом, все красивейшим образом сервировала в столовой, и, весело напевая, направилась к бабке в комнату. Там уже шел вполне оживленный диалог. Ромка что-то громко доказывал бабуле, Христофоровна только что не материлась на внучка, и я запоздало поняла, что пришла совсем не вовремя. Потому что оба,

как только я вошла, тут же накинулись на меня.

– Не запылилась она! – воскликнула бабка.

– Совсем ты прислугу распустила, – кивнул Ромка.

– И не позвонила, – надулась Христофоровна.

– Да уволить ее к чертовой матери! – ухмыльнулся Ромка.

Я зачем-то слушала все это, немного приоткрыв рот. Нет, я понимаю, что меня здесь «очень любят», прям обожают. Но не до такой же степени.

Они что-то еще продолжали говорить то ли мне, то ли про меня, а я стояла и улыбалась. Улыбалась-улыбалась, а потом вдруг оцепенение спало с меня, я помахала им ручкой, присела в книксене и вышла из комнаты. Ну что ж, вот кажется и все. Выходит, все разрешилось само собой. Пора удира-ать, пора брат, пора...

Как ни странно, слез не было, в душе поселилась какая-то пустота. Даже обиды не было, видимо я настолько уже устала от всего этого безобразия, что мне вдруг стало совершенно все равно.

Я молча собирала свои вещи, аккуратно складывая их в чемодан. Хорошо, что у меня их совсем немного, не придется потратить часы на сборы. Как бы я не противилась, придется, по ходу дела, все-таки возвращаться в родной город и как-то там обустраиваться. Погуляла и хватит. Права, видно, мама, жаль, что я раньше ее не слушала. Жить надо там, где родные, где любят и ценят. И не пытаются спустить на тебя всех собак низа что ни про что. Где не унижают, чтобы само-

утвердиться за твой счет и не считают тебя пустым местом.

Как бы теперь еще зарплату за последний месяц получить? Ужас, как не хочется идти к Христофоровне, но, с другой стороны, это же мои кровно заработанные, так почему я должна стесняться и бояться их просить?! А если не отдаст, то что? А ничего. Неприятно, но не смертельно, в конце концов. Долгие месяцы я почти ничего не тратила. Еда казенная, дом тоже. Ни тебе коммунальных счетов, ни торговых центров поблизости. Из одежды – самый минимум, и то, когда реальная необходимость. Здесь ведь как, захочешь приодеться, да негде. А в город ради блажи ехать, на мой взгляд, дурасть несусветная. Да и куда мне тут наряды носить? Разве что в клуб деревенский, куда меня как-то, еще в начале моего житья в Духовке, активно зазывали местные мужички.

Так что денег скопилось достаточно на первое время. И на кредит хватит, и на завтраки с обедами. А без ужина вполне можно обойтись. Заодно фигуру соблюду.

Сумка уже была набита доверху, и я решила больше ничего не брать. Оставить то, что не влезло. За дверью слышались голоса и тяжелые шаги Христофоровны.

– Уезжаешь, значит, да? Бросаешь меня с этим остолопом?! – грозно спросила бабка, переступая порог.

Я ничего не стала отвечать, и попыталась бочком протиснуться к двери, где горой возвышался Ромка.

– А ты чего молчишь?! – рыкнула Христофоровна на Ром-

ку, – извиняйся быстро, или ты мне больше не внук.

Ромка насупился весь, а я постаралась все-таки пробраться к выходу. Мне этот цирк с конями порядком надоел, и хотелось как можно быстрее покинуть дом.

– Жень... ты это... я не хотел, – пробормотал он, опустив глаза.

– Дальше, – потребовала вредная бабка.

– Я больше так не буду, – совсем уже тихо пропищал Ромка, и я, до того настроенная крайне негативно, вдруг приснула со смеха.

Ромка совсем уже не знал куда деваться и отступил назад.

Христофоровна, пряча усмешку, смущенно посмотрела на меня и пробормотала:

– Женя, ты меня знаешь. Я человек крайней степени пожилой. Еще и самодурка знатная. Ты прости нас. Ну не уезжай что ли...

Я посмотрела на Христофоровну. Она, кряхтя опустилась на мою кровать и принялась носком тапочки ковырять коврик. Ей богу, как школьница. Сил моих продолжать все это больше не было. Я поставила сумку на пол. Вдохнула. Выдохнула. Уперла руки в бока и твердо сказала:

– Я останусь, если уж вы это и правда хотите, – обращалась я непосредственно к бабуле, так как Ромкино мнение меня не больно-то интересовало, – но у меня есть условия, которые всем придется соблюдать. Иначе ничего не получится.

Сандра лукаво посмотрела на меня, и, заметив мой

взгляд, срочно изобразила муки страдания на лице.

– В принципе условие только одно: вы не обсуждаете меня в моем присутствии. Ах, да... чуть не забыла... работодатель у меня один, и с ним, собственно, я и сотрудничаю.

Христофоровна согласно закивала, Ромка закатил глаза, а я устало опустилась на пуфик. Шло время, комнату никто не торопился покидать, молча разглядывали друг друга. Идиотизм какой-то. Внезапно Христофоровна крякнула и гаркнула:

– Роман Витальевич, вы свободны!

Долго уговаривать Ромку не пришлось, он подорвался как ошпаренный и вылетел из комнаты пулей. Христофоровна поманила меня рукой, присесть рядом. Не зная, что ожидать от бабули, я, не спеша, приблизилась и прикроватилась по соседству с ней.

– В общем так, – зарплату я тебе повышу. И не возражай, – прикрикнула она, когда я попыталась что-то вякнуть. – Обязанности все те же, что и раньше. Выходных побольше выдавать буду, а то что это в самом деле... девка ты молодая, небось свои дела какие.

Я снова попыталась вставить хоть слово, но бабка показала мне кулак.

– Не перечь старой больной женщине! Единственное, о чем тебя попрошу, в подвал больше не ходи. Нечего тебе там делать.

Я смущенно опустила глаза, даже и не пытаюсь узнать, от-

куда бабуля прознала про мои выходы. Знает, а это главное. Стыдно ужасно.

– Место это для меня особенное, так что уважь старушку – послушайся. Вот вроде и все.

Христофоровна, кряхтя поднялась, я вскочила, чтобы помочь, но она лишь отмахнулась. Уже на пороге бабка обернулась и тихо сказала:

– А к Ромке все же присмотришь. Хороший он мужик.

Ну вот... я только забыла о подвале, как Христофоровна не преминула напомнить, старая ведьма. Теперь любопытство разыграло еще сильнее, но я скорее откушу себе руку, чем подведу старушку. И так уже проявила слишком много эгоизма, за что сейчас раскаиваюсь сполна. Да и она, видимо, чувствует себя виноватой, раз не постеснялась при внучке извиниться. Радует одно, от Ромкиного общества я теперь, между прочим, на вполне законных основаниях, освобождена. Может хоть сто раз звать, принципиально не пойду. Несмотря на то, что он извинился, кстати, под нажимом все той же Христофоровны, я не собираюсь общаться с ним. Максимум, поздороваться и пожелать доброй ночи. Хватит с меня, я сыта по горло этими его штучками. Пусть теперь ищет себе другую девочку для битья.

На улице снова зарядил дождь. Небо потемнело, заслонив только что беззаботно сиявшее солнце. Делать было решительно нечего, и я, радуясь возможности остаться наедине с

собой, схватила первую попавшуюся с полки книгу и улеглась читать. Но не успела я прочитать и пары страниц, как случилась новая напасть – зазвонил телефон. Вздохнув, я скорчила рожицу в зеркале и после пятого гудка, поняв, что мама так просто не сдастся, взяла-таки трубку.

– Доча, до-о-очь, – закричала она, пытаясь, видимо, перекричать шумевшее на заднем фоне нечто.

– Да, мам. Не кричи, пожалуйста! Я тебя хорошо слышу.

– Что? Женя-я, Же-ень, не слышу, говори погромче, а то там Вася ковер пылесосит.

– Мама, я не могу громче, я на работе.

– Что? Женя, что ты говоришь? Ничего не слышу. Говори погромче, а то там дядя Вася ковер пылесосит.

– Мам! Вот скажи, обязательно звонить мне именно тогда, когда твоему Васе приспичило уборкой заниматься?!

– Что? Ох, плохо слышно. Женя-я, Же-ень...

– Да вырубите вы свой пылесос! – заорала я, не выдержав этой пытки, и в сердцах бросила трубку.

Что за день, ей богу?! Надеюсь, мама не сильно обиделась на меня. Нет, ну правда, это невыносимо. Ну почему у нее всегда так?! Ладно, сейчас остыну немного и перезвоню с извинениями. Мама у меня добрая и отходчивая, долго обижаться не умеет. Но позвонить маме мне не дали. Телефон зазвонил вновь, на этот раз на экране высветилось «Ленка». Ленка набрала видео-вызов, я снова вздохнула обреченно, и нажала прием звонка. Изображение на экране замелькало,

запрыгало, потом прошла какая-то рябь, и, наконец, успокоилось и остановилась.

– Лен, ты звонишь, чтобы показать мне стену?

Изображение вновь запрыгало и показалось зареванное лицо Ленки.

– Блин, все время забываю камеру переключать, – и тут же без перехода добавила, – прикинь, этот козел все забра-ал...

– Погоди, какой козел, что забрал?

Но Ленка, будто не слыша меня, продолжала материться и подвывать. Спустя минут десять я кое-как поняла суть Ленкиных душевных терзаний. А она была такова: сегодня Ленка, наконец, добралась до своих подарков, которые до этого просто впихнула в необжитую комнату. И каково же было ее удивление, когда вдруг обнаружилось, что все коробки и пакеты самым наглým образом вскрыты, а их содержимое исчезло. В том числе и та ваза, что я подарила подружке на новоселье. Но и это еще не все. Из заветного секретера пропало все золото-бриллианты, а также любимые бабушкины часы, которые передавались из поколения в поколение.

Кроме Казановы в доме больше никого не было после застолья. А подарки они вместе с ним оттаскивали после нашего ухода. Чтобы под ногами не мешались. От таких новостей я немного обалдела и как могла, принялась утешать Ленку.

– Но ты, я надеюсь, в полицию-то ходила?

– Да какой там, – махнула Ленка рукой, – я даже имени

его не знаю.

– Мда-а..., ты где его вообще откопала?!

– Да он сам пришел. Я подумала вначале, что это чей-то парень, не буду же спрашивать. Потом я напилась и меня уже мало интересовали такие вопросы. Ну а утром вообще глупо было об этом спрашивать. Тем более, что это гад заблевал всю квартиру. Наверняка специально.

– Господи! – воздела она руки к потолку. – За что мне все это?!

Я не нашлась, что ответить. Но горячо принялась убеждать Ленку, что все обязательно наладится и образумится. Та еще немного поплакала, и, наконец, взяла себя в руки. Так что прощалась я с ней вполне уверенная, что подруга-таки пришла в норму и не наделает глупостей.

А отключившись от Ленки, я тут же вспомнила про маму. Когда я почти набрала ее номер, по дому разнесся истошный вопль Христофоровны.

– Убили-и-и!

Я вздохнула, мысленно обругав старушку всеми возможными словами, и, нисколько не торопясь, пошла в ее спальню. Интересно, это Ромка включил ей любимый сериал, или сама научилась? Покой мне только снится в этом доме.

Но, против ожиданий, в комнате бабки не оказалось.

– Сандра Христофоровна, где вы? – крикнула я во всю мощь.

Ответом мне послужила полная тишина. Тут, надо при-

знать, я немного струхнула, успев за несколько секунд напридумывать себе всякого. А вдруг и правда кого убили? А теперь и Христофоровна стала жертвой преступника?! Я тихонько заскочила в туалет, схватила швабру, какая-никакая, а защита. Заодно прихватила с собой керамическую подставку под ершик, выполненную в виде слоника. Все! Я вооружена и опасна. Бойтесь меня, невидимые кровопийцы. На цыпочках спустилась на первый этаж и... обнаружила Христофоровну без чувств на полу. Из груди у нее торчал нож.

– Батюшки мои, – воскликнула я, и, побросав свое оружие, ринулась к бабке. Склонилась над несчастной жертвой расправы и запричитала. Причитания сменялись ревом и размазыванием соплей по лицу. По-моему, не по бабкиному. Правда что-то мне показалось странным, но что конкретно, я затруднялась определить. Внезапно в голову пришла здравая мысль, нужно ведь что-то делать, нельзя просто так рыдать над старушкой. Она вон бледнеет на глазах, скорую надо, полицию, МЧС, пожарных. Я прикоснулась к бабке, но та не шевелилась. Жизнь уходила из Христофоровны и в какой-то момент мне показалось, что та уже не дышит. В панике я, наконец, побежала за телефоном.

– Алло, скорая... у нас тут у...

Так и не договорив фразу, я завизжала, потому что кто-то опустил мне руку на плечо. Я медленно повернула голову. Прямо передо мной стоял некто в черном плаще, с глубоко надвинутым капюшоном на лицо. Я покосилась на лопату в

его руке, пискнула, выронила телефон из рук и... лишилась чувств.

Господи, миленький, сделай, пожалуйста, так, чтобы все это было всего лишь дурным сном. Сделай, пожалуйста, так, чтобы Христофоровна снова была жива и относительно здорова, а я не сошла с ума. Ведь иначе объяснить убийство Христофоровны и появление человека в капюшоне просто невозможно. Я осторожно открыла глаза. Вроде бы я жива, и даже могу двигаться. Стоп. А почему я в своей комнате, и как я тут вообще оказалась? Я точно помню, что разговаривала с диспетчером скорой помощи в холле, когда... когда увидела его... человека в плаще и капюшоне. Или это был не человек? Христофоровна! Я вскочила с кровати и хотела было уже бежать звать на помощь, но тут тихий голос прознес:

– Тсс... лежи, жива твоя бабка.

– Рома? – я с удивлением обнаружила спрятавшегося в кресле внука. Он спокойно поглядывал на меня, сонно щурясь и позевывая.

– Но... так она жива? В какую больницу ее увезли? Ты спугнул убийцу? – засыпала я его вопросами, но тот лишь отмахнулся.

– Что ей сделается? Чуть не уморила деву юную.

– Так она что, не? – округлила я глаза.

– Евгения Петровна! Ты черт знает сколько работаешь у моей славной бабули, и до сих пор не привыкла к ее закидо-

нам? Сандра, посмотревшись своих глупых сериалов, вчера вдруг возомнила себя актрисою. Ну и решила проверить эффект.

– Эффект? – глупо повторила я.

– Именно. Вчера она сердечный приступ изображала. Вполне, надо сказать натурально. А сегодня, когда я в... кхм... огород пошел, решила сымитировать свое убийство. Только вот не рассчитала, что ты дома. Ты так тихо сидела у себя в комнате, что она подумала, будто ты гулять ушла.

– Так это все был всего лишь спектакль? – недобро сощурилась я. И тут я поняла, что смутило меня в «убиенной» Христофоровне. Кровь! Ее не было совсем, но тогда, увидев мою старушку бездыханной, я не придала этому значения. Ну Сандра, ну ведьма!

– Ну конечно. Ты только бабушку не ругай. Она и так сама не своя, что так все вышло, – хихикнул Ромка.

– А ты значит в огород ходил?

– Угу, – Ромка отвел взгляд, но мне и без этого было ясно куда он ходил.

– Ну вы... ну вообще. Да что блин за дурдом! – не выдержав, заорала я.

Ромка аккуратно поднялся с кресла и бочком-бочком направился к двери, тихонько приговаривая, чтобы я не обижалась на старушку сильно.

Ромка-то ушел, а мне так сильно захотелось плакать, что

я, не сдерживая себя, разразилась рыданиями. Горькими, со всхлипами и сморканиями. Всю душу они мне измотали, нервы мои нежные. Мама, Христофоровна, Ромка этот проклятый, Денис. Еще убийство это. Ну почему? Почему все не может быть как прежде? Второй раз за день я реву белугой. И все из-за чего? Из-за чужих выкрутасов? Да на фиг они мне не уперлись! Домой хочу, на ручки хочу, на море и на луну хочу. Исчезнуть отсюда, скрыться хоть бы на недельку, хотя неделкой мои нервы вряд ли выйдет излечить. На две, а еще лучше на месяц. И чтоб ни одной живой души рядом, только я, книга и тишина.

Поплакав так с полчаса, я еще столько же стояла под душем, смывая с себя обиду и злость. Решено, теперь пускай хоть кол на голове тешат, мне будет все по барабану. Могут вешаться, топиться, сто раз звать на помощь – ни с места не сдвинусь. Мое дело маленькое – кушать подано и извольте жрать. Прибраться, постирать, купить, отвезти – вот и все. Свои семейные дела сами пусть решают, а меня не трогают.

Наскоро одевшись, выскочила на кухню, где по-быстрому сварганила обед. Через дверь спальни сообщила Христофоровне, что стол накрыла в столовой, и чтобы ждали меня не раньше ужина – ушла за продуктами.

В планах моих сегодня посетить деревенскую школу, и поговорить с директором. Пока шла в деревню, запоздало поняла, школа-то летом вряд ли работает, а значит ту, кого я ищу, следует искать дома.

Тетка Катя, задумчиво, впрочем, как и всегда, курила на крылечке, полуприкрыв глаза. Из окна тихо лилась музыка, что-то из классики. Ужасно не хотелось отвлекать Катерину от релакса, но делать нечего. Я тихонько позвала ее, и она на удивление сразу открыла глаза.

– Женечка, здравствуй милая! Ты ко мне?

– К вам, к вам.

– Ну пойдём в дом, расскажешь, что за напасть тебя привела.

В доме Катерина принялась хлопотать, выставляя на стол всевозможные яства, и нисколько не слушая моих возражений на этот счет.

– Как твое расследование? Есть какие-то зацепки?

Я усмехнулась. Любит Катерина детективы на ночь почитывать, сразу видно. Расследование, зацепки.

– Да что-то как-то... – вздохнула я, и рука сама потянулась за конфеткой, выставленной тут же, в вазочке.

– Ох... Неужто Юрку нашего посадят ни за что ни про что? – на глазах у Катерины появились слезы, и она украдкой смахнула их рукавом.

– Да если бы... если бы мне бы поговорить с деревенскими. Ну хоть вы бы их вразумили, тетя Катя.

– И думать нечего, – всплеснула она руками, – тут, Женя, тебя теперь на дух не жалуют. Я уж их и так и сяк увещевала, бесполезно.

– Но что же делать?! – воскликнула я, – мне так нужно с директором школы поговорить, как же быть?!

– С Анной Васильной? Ну она-то женщина умная, думаю, с ней у тебя не должно проблем выйти. А знаешь что? Мы сейчас с тобой перекусим по-быстрому, и сразу к ней двинем. Уж она-то женщина добрая, авось не откажет...

Так мы и поступили. Буквально за пять минут выпили чай с конфетами, и заспешили к директрисе.

Анна Васильевна Жукова – седовласая степенная дама, при виде нас нахмурилась, но без лишних вопросов впустила в дом. Пригласила к столу, но мы вежливо отказались. Тогда Анна Васильевна усадила нас на диван в гостиной, и вопросительно принялась переводить взгляд с меня на тетку Катю. Сама при этом молчала. Я же, в свою очередь, уставилась на Катерину, надеясь, что она первой начнет разговор. Тетка Катя поняла все без слов. Она пригладила седые волосы, расправила складки клетчатого платья, и только потом сказала:

– Анна Васильевна, мы по поводу Инги Молчановой.

– Это я уже поняла, – поджала губы директриса.

– Так вот, эта милая барышня, – Катерина кивком указала на меня, – хотела бы поговорить с вами.

Я закивала, подтверждая ее слова.

– Ну и о чем ты хотела меня спросить, милая барышня? – усмехнулась директриса.

– Женя. Евгения Белоусова. Я работаю у Сандры...

– Христофоровны. Я в курсе. Давай без предисловий. У меня дочка из города должна приехать через час, мне нужно ужин готовить. Итак, деточка. Ты хотела узнать, что за человек была Инга?

– Да, хотелось бы...

– Что ж... Тогда слушай. Не уверена, что тебе понравится то, что я скажу, так как это может порядком подпортить твою версию. И, вероятнее всего, ты будешь удивлена. Так

вот... В отличие от многих, я убеждена, что Инга была очень хорошим человеком.

– А как же... – хотела было спросить я, но директриса меня остановила грозным взглядом.

– Не перебивай, пожалуйста. Так вот, Ингу я знаю с детства. С ее, естественно, детства. Да и сложно не знать человека, который мало того, что живет с тобой в одной деревне, да еще и учится в твоей же школе. Когда Инга заканчивала девятый класс, я еще не была директором. Работала учителем. Инга росла очень смышленной девочкой и крайне покладистой. Она не была злой или мстительной. У нее не было гонора, так сказать. Все, что нужно было выполнять она выполняла, все, о чем просили, делала без пререканий. И еще она была очень доброй. Единственным недостатком ее мне казалось эмм... Ну вы понимаете...

– Мальчики?

Анна Васильевна поерзала, и отвела взгляд.

– Да... можно и так сказать. Инга вообще рано стала развиваться. Ну как женщина, если вы понимаете, о чем я. Грудь уже в пятом классе расти начала. К девятому она выглядела как вполне себе взрослая девушка. Еще и красивая. В общем за ней все мальчики, и не только мальчики, бегать принялись. А у нее гормоны, и дурь в голове. При всем при том ведь умненькая была. Я с ней уж сколько билась, объясняла, доказывала...

– А мама?

– Ты имеешь в виду ее мать? Знаешь, Ирина хорошая женщина. И девочек своих любит беззаветно. Но она постоянно работает, с утра до ночи буквально. Да и Инга, она ведь маме все в другом свете преподносила. Та и не думала, что девчонка так гуляет.

– Неужели деревенские ей ничего не говорили?

– Может и говорили, конечно, да только та то ли верить не хотела, то ли виду не подавала, что в курсе. Я с ней-то как-то тоже беседовала, она помню, плакала. Говорила все, что с дочкой у них хорошие отношения. Та во всем ей помогает. Не дома же ее запереть?! Эх...

– То есть вы считаете, что врагов у Инги не могло быть?

– Ну почему же? Я такого не говорила. Соперницы – вот среди кого искать надо. Да боюсь, что это непосильная задача, – усмехнулась Анна Васильевна.

– Их там много? – догадалась я.

– Сами же уже знаете, чего спрашивать. Половина деревни в женихах у Инги ходила. Вторая тоже бы, да годы у дедов не те.

– А подруги у нее были?

– Подруги-то? Ну если можно так назвать. В школе были приятельницы. Но они все больше завидовали Инге. А вот одну точно помню. Но она не наша, не духовская. К деду вроде в гости приезжала. Как ее звали-то? Лана вроде. Да, точно. Лана.

– И где ее найти можно?

– Так у деда ее и спроси.

– А кто ее дед?

– Да Дмитрий Никанорович же. В самом конце улицы дом его.

– Спасибо вам, вы очень помогли.

Анна Васильевна махнула рукой, и поднялась, давая понять, что аудиенция окончена. Напоследок, уже возле самой двери, она тронула меня за плечо и тихо произнесла:

– Надеюсь, что ты исправишь свою ошибку с Юрой.

Тетка Катя удрученно молчала, мне тоже нечего особо было сказать. Возле магазина мы распрощались, и я направилась за покупками. Маринка все еще смотрела насуплено, но уже не так грозно, как в прошлый раз. Я расплачивалась, когда в магазин вбежала бабка Афанасия. Увидев меня, ведьма злобно шикнула и плюнула мне под ноги, едва не попав на кроссовки.

– Эй, ты чего?! Ты ошалела, старая, да?! – заорала Маринка, – да я тебя щас, да ты вообще...ну-ка убирай давай, карга старая!

Афанасия обнажила в улыбке щербатый рот и показала Маринке кукиш. Та, не сдерживая душевного порыва, выпрыгнула из-за прилавка и подскочила к Афанасии. Бабка, нисколько не теряясь, схватила продавщицу за волосы и с невероятной силой поволокла ее на улицу.

– Батюшки! – заорала я, – вы что ж творите! Люди добрые,

разнимите их!

Я выскочила за драчунями на улицу, где уже начал толпиться народ. Всем хотелось посмотреть на противостояние двух главных забияк деревни. Кто-то уже начал делать ставки, а ушлый дед Митяй методично записывал их в откуда-то взявшийся блокнот.

– Да вы что? Ну помогите же, – крикнула я мужикам.

– Еще чего! А то и нам прилетит. И вообще, не мешай зрелищем наслаждаться. Они сейчас наобнимаются немного и успокоятся. Не впервой.

И действительно, не прошло и пары минут, как две склочные бабы, как ни в чем не бывало, разлепились друг от дружки, и, сказав, на прощание пару матерных слов, разбежались в стороны.

– Дурдом! – прошипела я, и понеслась к крайнему дому на улице.

Завернула я к дому и обомлела. Из-за раскидистого дуба на меня надвигалось нечто.

– А-а-а-а, – заорала я и бросилась со всех ног с пригорка, но объятая ужасом не заметила кочку, споткнулась и покатилась вниз кубарем. Последней мыслью было, кажется, что-то вроде «только не в дурдом».

– Очнулась, дочка? – скрипучий голос отдавался страшным эхом в моей пустой головушке.

Последнее воспоминание – я тороплюсь домой, тут из-за дуба на меня вываливается нечто в белом, очень похожее на

привидение. Дальше я видимо споткнулась и тюкнулась своей бестолковой головой о землю.

Я открыла глаза. Надо мной склонился дед Митяй, при этом он безостановочно осенял меня крестным знамением и поливал водой. Не иначе – святой.

– Дед Митяй, ты чего?! И что я тут делаю? И где я вообще? – возмущенно пропищала я, и попыталась приподняться с кровати.

– Дык чего ты, милая. Лежи-лежи. Вон какая шишка на голове, небось сотрясла все мозги-то.

– Да-да, – бормотала я, пытаюсь бочком сползти с кровати. Странный он, Митяй этот. Фиг его поймет, что удумал старый моряк. Ведь зачем-то он притащил меня к себе.

– Да лежи ты, глупая. Что я тебе сделаю-то?! Вишь, старый пень-трухлявый веник?! Я домой с магазина возвращался, и узрел, как ты от Гришки-мельника ломанулась, да башкой брякнулась. Я спугнул ирода, да тебя сюда сволок, в чувство значит привести.

– Какой еще Гришка? Не слышала о таком.

– Как какой? Гришка – мельник, привидение духовское.

Что же, выходит не показалось мне? Да быть такого не может. Всем известно, что приведений не существует. Также как домовых, леших и прочей заразы сказочной. Кто-то наверняка придурялся.

– Не веришь мне? – прищурился дед Митяй, – ну послушай тогда историю занятную. А потом и выводы слагай.

"Давным-давно, в конце девятнадцатого века жил в деревне молодой парень Гришка. Был Гришка мельником и жил он на отшибе, там, где сейчас пустырь, а раньше стояла мельница. А у барина Белякова, что в усадьбе жил, дочка подрастала – Дарья. Красавица писаная, но нрава ужасного. Мать ее еще в родах младшей дочери умерла. Отец во второй раз женился, но и вторая жена от неизвестной хвори скончалась спустя год. Больше Беляков не женился, однако девок местных привечал. Отца Дарья и слушать не хотела, творила, что сама желала. И вот однажды увидел Гришка Дарью. Девушка, словно деревенская, голышом в озере, что за усадьбой, купалась. Влюбился парень, и Дарье той в любви признался. Сам-то Гришка хорош собой был, плечист да высок. Дарье парень по нраву пришелся, ответила она на его любовь. Пришли они к батюшке-отцу. Так мол и так, любим друг друга – сил нет. Отец как услышал про то, озверел совсем. Гришку лично батогай бил, Дарью в подвале запер. Целый год сидела несчастная в той узнице. Гришка почернел весь, сам не свой ходил, говорить совсем перестал. Через год уверовал барин, что дочка образумилась, выпустил ее на свет. А та, за то время, что в темнице сидела, ослепла на один глаз совсем. Вторым кое-что видела, да Гришку нигде своего углядеть не смогла. Слегла Дарья, кашель грудной с кровью всю измотали несчастную, сказывался год в подвале сыром, в заточении проведенный. Ничего

не осталось от прежде хохотушки своенравной, тень только. Чувствуя, что конец ее близок, испросила Дарья отца позволить попроситься с любимым. Тот ответил ей, мол, уехал Гришка из деревни. А куда – одному Богу ведомо. Погоревала Дарья, все глаза выплакала. Хоть бы одним глазом любимого увидеть, знать, что в порядке с ним все. Сжалилась над ней служанка одна, рассказала, что перед тем, как Дарью на свет божий выпустили, мельница сгорела дотла, а вместе с ней и Гришка упокоился в остатках золы. Закричала Дарья нечеловеческим голосом. Отца позвала, в смерти любимого обвинила. Не стал слушать барин дочь непутевую, хлопнул дверью дубовой. А через час испустила Дарья дух. Но перед тем прокляла весь род свой. И вот, с тех пор в усадьбе, говорят, дух Дарьи ходит, а по деревне Гришки-мельника душа неупокоенная бродит, народ пугает."

Дед закончил историю и уставился на меня. Я немного подумала, переваривая печальную историю, коих в каждой деревне по штуке, и спросила:

– И что же, сработало проклятье?

– А как же. Отца Дарьи медведь той же зимой задрал. Угораздило дурня на шатуна наткнуться, когда на зайца охотился. Сестра Дарьи сына родила. Тот в революцию убит был, а жена его с дочкой во Францию сбежали. Жена-то там во Франции скончалась, а дочка вернулась в сорок восьмом вроде.

– Это была мать Христофоровны? – догадалась я.

– Она самая, – кивнул дед.

Надо же... выходит не врала бабка моя, когда про предков рассказывала. Сейчас-то фамилия у старушки другая, ну оно и верно, это мать ее Белякова была, не отец.

Я поднялась с кровати, поблагодарила Митяя за свое спасение от незнамо чего. Но перед тем, как покинуть гостеприимного деда, все же спросила:

– Дед Митяй, ну неужто ты и правда в Гришкино приведение веришь?

– Тут дочка хоть верь, хоть не верь. А ты сама ж все видала.

Вышла я из дома деда Митяя, прошла вдоль дороги до поворота к усадьбе, и тут только поняла задним числом, что это и был искомый мною дом. Тот, в котором Дмитрий Никанорович должен проживать. Постойте... так ведь Дмитрий это и есть Митя. А по-духовскому Митяй. Я опрометью бросилась назад, несмотря на звон в голове, и принялась стучать в дверь, но мне никто не открывал. Простояла я так минут десять, долбясь как оглашенная.

– Ты чего стучишь? – на дороге появилась полноватая женщина, соседка Митяя.

– Да мне бы Дмитрия Никаноровича увидеть.

– Так опоздала ты, я его только видала. На автобус бежал, опаздывал. Теперь только к завтрашнему жди, небось к внучке умотал.

Ну надо же, какая незадача. Только что был тут и нате вам. И тут же я устыдилась, вон как деда задержала, бежать старику нужно теперь. Придется завтра зайти, раз уж уехал. Но раз к внучке едет, значит знает, где ту искать, а это очень хорошо. Лана эта мне сейчас очень бы помогла.

Потом меня захватили совсем другие мысли. Я прокручивала в голове свою встречу с мельником, и тут вспомнила звуки из подвала в доме Христофоровны. Неужто и правда Дарьина душа бродит? Надо бы с Христофоровной поговорить... хотя... она же просила не соваться. Может именно это она и имела ввиду, когда про подвал говорила? Может это она так дух своей прапрапрабабки от посторонних бережет?

ТЬфу. Да не верю я в мистику, в привидения эти. Не верю! И точка. Но внутри, где-то очень глубоко, червячок сомнения тихонько прогрызал свою дырочку.

Дома стояла тишина. Лишь из бабкиной комнаты доносились тихие голоса. То ли сериал смотрит, то ли шоу, коих сейчас полным-полно на любом канале.

– Я пришла, – крикнула я.

Звуки в комнате стихли, послышался скрип двери, и через пару минут на кухню, шаркающей походкой вошла Христофоровна. Я как раз разгружала сумки, раскладывая снесь по полкам холодильника.

– Сейчас переоденусь и за готовку примусь, – сухо сказала я. При этом стараясь особо не смотреть на бабулю.

– Жень, ты ведь сбежишь скоро, да?! Бросишь меня ведь, сердцем чую... ох чую, – завывала Христофоровна.

– А вы выкрутасы свои бросайте, глядишь и заживем, – парировала я спокойно.

– Тебе-то хорошо говорить. Ты вон какая молодая. А у меня и память не та, и нервы, и вообще...

– Что вообще? – заинтересовать я.

– Вообще это вообще, – старушка, видимо, не нашлась, что ответить, а потому лишь спросила, что я буду готовить на ужин.

– Котлеты паровые. С пюре картофельным.

– А огурчики? А помидорчики? – как маленькая заканючила Сандра.

– Ох... в принципе уже можно, наверное, разочек. Так и быть, открою баночку.

Христофоровна радостно всплеснула руками, ну прям дите, получившее подарок, и так посмотрела на меня, что сердце защемило. А ведь и правда, чего я в самом деле на бабую обижаюсь и злюсь все время? Она ведь иногда и впрямь ведет себя, будто в детство впадает. Так стоит ли на такого человека обижаться?! Вот доктор ей соленья строго-настрого запретил. Раз в месяц говорит только можно пол-огурчика дать. Нельзя чтоб почки отекали. А Христофоровна обожает все, что соленое, острое, копченое. Короче говоря, мучается она на этих котлетах паровых, да делать нечего. Как говорится, жить захочешь-не так раскорячишься.

За окном снова зарядил дождик, я по-быстрому переоделась, и принялась за готовку. Телевизор врубила на полную мощность, под музыку веселее заниматься домашними хлопотами. Оттого и не слышала, как надывается телефон на столе. Лишь спустя час, когда все было готово, увидела пять пропущенных. И сердце ухнуло вниз. В район пяток.

Не возьму. Не перезвоню. Да что я, в конце-то концов, совсем себя не уважаю?! Вот позвонит если еще, тогда может быть, тогда подумаю. И то вряд ли. Ну как так-то?! Гордо-ость, ты где, ау?

Пока ужинали, вся измаялась. Ромка смотрел настороженно, Христофоровна украдкой, все еще, видимо, стыдясь своих выкрутасов. Но мне было сейчас вовсе не до них и их взглядов. Хоть волком пусть смотрят, хоть удавом, мне бы с душевной мастью покончить.

Сердечные терзания, в конце концов, привели к тому, что я извинилась, и, так и не доев, вышла из-за стола и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть немного привести мысли в порядок и успокоиться. Но не успела я дойти до комнаты, как пришло сообщение с всего лишь одним словом. «Прости...» прости, блин?!

Нет, ну я понимаю, что у большинства мужчин это в порядке вещей, то пропадать, то объявляться. Но я-то тут при чем? Мне оно на кой ляд нужно? Что это за подростковые пробежки от нашего дома к вашему... мне казалось, что мы вполне серьезные люди, чтобы не заниматься подобной ерун-

дой. По-моему, все вполне очевидно: любить, если любишь, уходить, если нет. И тут меня пронзила очередная догадка: а что, если он женат? Вот так просто... тогда этим можно многое объяснить. И его редкие появления, и резкие исчезновения.

И только я подумала об этом, как на телефон пришло новое сообщение: «Я не женат. Нам нужно поговорить. Дай мне шанс.»

Что?! Как? Боже, неужели я так предсказуема?! Не выдержав, засмеялась в голос. Впрочем, смеялась я недолго, так как он позвонил. Ругая себя на чем свет стоит, решила все-таки дать ему еще один шанс. А потом еще полчаса тупо пялилась в телефон, на который пришло новое сообщение: «Ты самая красивая на свете».

Отпроситься у Христофоровны на весь следующий день не составило особого труда. И совесть меня совсем не мучила. Нет! Тем более, она сама вчера предложила дополнительные выходные. Так что в город я ехала с чистой душой и спокойной совестью.

Часы показывали десять утра. Я специально вышла пораньше, а договорились мы с Денисом встретиться в час дня, чтобы успеть заскочить к Ленке. Поговорить, а заодно привести себя в порядок.

Ленка, будь она неладна, открыла лишь с моей третьей попытки дозвониться ей хоть куда-нибудь. В итоге, злая и возмущенная, я готова была ее прибить. Ведь русским языком вчера сказала, что буду в десять. Дело в том, что я планировала с подругой зарулить в один замечательный магазин, мечтая приобрести давно желанные духи. Но раньше особого повода покупать их не находилось, и потому приобретение дорогого парфюма все время откладывалась на потом.

И вот он, этот потом, наступил. Я, как истинная представительница женского рода на земле, да не обидятся на меня дамы, хоть и была обижена на Дениса и вообще чувствовала, что веду себя глупо, а все же хотела, очень хотела ему понравиться. Это только в книжках влюбленные девушки стойко

мнят из себя невесть что, гордо шагая по жизни. А в реальности, как ни горько это осознавать, если влюбилась, то часто ведешь себя не по феншую. Нет, плевать на себя и свою гордость я, конечно, не собиралась. В конце концов он мне пока ничего не обещал, и все, что у нас было – это всего лишь тот поцелуй, один единственный, между прочим. Пообщаюсь, развеюсь, посмотрю, как он будет себя вести. Никогда ведь не поздно махнуть на парня рукой и гордо удалиться. Правда же?!

В магазине унылые продавцы со скрежетом натирали витрины. Оно и понятно. Что еще делать, когда в торговом зале один с половиной человека, и те просто глазают. Только мы вошли, к нам тут же подскочили сразу две симпатичные девушки-консультанты. Та, что подошла чуть पहले второй, злобно зыркнула на товарку и несчастной пришлось вернуться к протиранию витрины. Конкуренция, однако... в итоге духи-то мы выбрали быстро, благо я шла за конкретными. Но благодаря Ленке застряли в магазине еще на полчаса – подруга набрала целую корзину косметики.

Довольная донельзя продавщица попыталась и мне втюхать какой-то чудо-крем, но я вежливо, но твердо стояла на своем. Нет, не нужен. Нет, не сухая кожа. Да, есть крем другой марки. Нет, акция не интересует. И прочее-прочее. В итоге она так меня допекла, что я купила этот крем, лишь бы девушка от меня отвязалась. Никогда не умела оказывать сопротивление такому напору.

Злая и безденежная, я еле утащила Ленку из этой обители кровососов, по пути на чем свет костеря подругу, что времени на обед почти не остается, а я еще даже не завтракала. Но ее взгляд не отлипал от фирменного пакетика с косметикой, а потому все мои проклятия были ей глубоко фиолетовы.

Ровно в час я, как подросток, стояла у памятника Ленину, коих в каждом городе по три штуки, и с напряжением ждала археолога. Но не успела я вдоволь наволноваться, как возле меня притормозила черная БМВ, и из нее вышел Денис. С цветами и улыбкой. А от улыбки ямочка на щеке. Я стояла ни жива ни мертва от навалившегося вдруг счастья и тупо улыбалась.

– Привет, – он подошел и чмокнул меня в щечку. Как ни в чем не бывало.

– Привет, – по-моему я покраснела как вареный рак. Мне казалось, что выгляжу я полной дурой. Но как только мне так показалось, я тут же одернула себя. Что я, в конце концов, как идиотка себя веду? Будто мне цветов никогда не дарили. Хотя... такой мужчина и правда никогда не дарил. И вообще... что вообще – я не успела додумать, потому что археолог жестом пригласил меня в машину, галантно открыв дверь.

Ничтоже сумняшеся я постаралась как можно более грациозно впихнуть себя внутрь салона. В машине пахло духами и розами. Теми, что он недавно преподнес. Из магнитолы Хелависа надрывно пела о драконе. Я улыбнулась. Надо

же... не думала, что наши вкусы в музыке совпадают. Интересно, что еще может быть у нас общего?

– Когда твой день рождения? – неожиданно спросил он.

– В августе. В самом конце.

– Значит ты дева... а я скорпион. По-моему, не слишком совместимые знаки, как ты считаешь?

Блин... он еще и гороскопами увлекается. Всегда считала, что мужчин мало интересуют подобные вещи.

– Я считаю, – подумав немного для приличия, ну и чтобы сойти-таки за умную, ответила я, – что от звезд-покровителей вообще мало что зависит. Мой бывший муж идеально подходил мне по гороскопу, но как видишь..., – развела я руками.

Нет, я совсем не собиралась говорить с парнем о бывшем, понимая, как это глупо. Но не смогла удержаться от комментария по этому поводу. Когда-то я тоже увлекалась подобной ересью, мечтая о том, как идеально сложится мой брак. И в очередной раз убедилась, что это здесь ни при чем.

– Наверное ты права, – улыбнулся он, притормаживая возле красивого летнего кафе неподалеку от набережной. – Предлагаю вначале немного прогуляться, а потом отдохнуть здесь...

– Да, давай, – честно говоря, обед еще не успел перевариться, и я с радостью подхватила эту идею.

На набережной почти никого не было, оно и неудивительно. Который день стоит несусветная жара и жители предпо-

читают прятаться в тени или на водоемах.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила я Дениса, когда мы почти в полном молчании дошли до пристани.

– Я? – он очнулся от каких-то своих раздумий и оттого будто не сразу понял, о чем я его спросила.

– Ну да... ты вчера сказал, что нам нужно поговорить.

Внезапно он улыбнулся, и склонился ко мне:

– Я просто очень хотел тебя увидеть, – прошептал на ухо, а потом нежно коснулся своими губами моих губ.

Поцелуй был настолько легким и коротким, что мне даже показалось, будто он случайно это сделал. Но именно сейчас меня пробила такая дрожь, что я вспомнила выражение «подогнулись колени».

– Ты самая очаровательная девушка, когда смущаешься, – засмеялся Денис и взял меня за руку.

Так мы и шли дальше, и в тот момент мне казалось, что мое счастье видно всем вокруг невооруженным глазом. И мне было и стыдно от этого чувства, будто я его украла, и одновременно хотелось всем об этом рассказать хоть кому-то. Поделиться с кем-нибудь.

Мы пили сладкое вино, наслаждаясь местными красотами. Болтали без умолку обо всем на свете, и в тот момент мне было настолько хорошо, что словами передать это состояние просто невозможно. Наверняка у каждого человека бывали в жизни такие моменты, когда бабочки, еще не добравшись до

живота, порхают где-то в груди. Впрочем, и в голову они тоже периодически залетают, иначе чем можно объяснить это всепоглощающее чувство дезориентации?

Чем больше мы пили, тем меньше я обращала внимания на окружающую действительность, все глубже погружаясь в его глаза. И в руки. Видела только четкий овал лица, прямой нос, мягкие, такие манящие губы и опасные темные глаза. Казалось, что в них помещается вся вселенная. В какой-то момент мы начали целоваться прямо там, за столиком, несколько не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Какая разница, что происходит рядом, когда ты готова потерять сознание от нахлынувших чувств? Как там? И пусть весь мир подождет...

Очнулась я уже в его квартире, куда он внес меня на руках, пытаясь на ходу стащить с меня майку. Естественно, у него ничего не вышло, и все это действие вызывало у меня жуткий хриловатый смех, который такому моменту не очень-то и приличествовал. Действительно, очень сложно нести девушку на руках и этими же руками делать что-то еще. Не знаю как, но мы все-таки добрались до комнаты, где я не заметила ничего, кроме огромной, в половину комнаты, кровати. Злосчастная майка все же была снята и брошена куда-то в область пола, туда же полетели джинсы... ну и... все остальное.

Желание, необузданное, животное, заставляло действовать скорее, чем это полагалось бы в первый раз. Но разве это

имело какое-либо значение, если сил сопротивляться потоку не осталось ни капли?..

В какой-то момент я поняла, что наши тела сплетаются между собой в единый, подобный змеиному, клубок и почувствовала, что в этот миг он весь мой... дыхание то сбивалось в такт его движений, то выливалось в стоны наслаждения. Потолок и пол переворачивались и бесконечно менялись местами, а перед глазами мелькали хищные пантеры с картин на стенах. Пару раз мне даже показалось, что они вот-вот готовы броситься на меня, рыча и брызгая слюной. Мир переворачивался с ног на голову и не обещал быть прежним. Незаметно для меня мы оказались на полу, где мягкий ворс ковра нежно щекотал спину и пятки. С ковра перекатились на холодный пол. Хвала богам дальше катиться было некуда, а потому мы спокойно продолжили предаваться разврату, пока силы окончательно не иссякли.

– Ты божественна, – выдохнул он, когда мой громкий стон эхом разнесся по комнате.

Мне очень хотелось что-то сказать в ответ, но почему-то слова «Спасибо, ты тоже», показались несколько странными, что я предпочла промолчать в ответ.

Когда мы засыпали, Денис что-то нежно шептал, целовал мои пальцы. Он гладил меня как маленькую, перебирая волосы и убаюкивая своим тихим шепотом. Уже пребывая в полусне-полуяви мне как будто послышались слова любви. Но скорее всего это была лишь моя взбудораженная проис-

ходящим фантазия, ничего общего не имеющая с реальностью. И все же я была счастлива.

тром Денис вел себя очень нежно, то и дело целуя и обнимая меня. Я млела от его прикосновений, от теплых, слегка влажных губ. Его запах сводил с ума, навевая воспоминания о прошедшей ночи. Но долго предаваться ностальгии мне не пришлось. Утренние поцелуи плавно перетекли в утренний интим, и очнулись мы лишь к полудню, когда мой желудок громко и настойчиво потребовал хоть какой-нибудь еды.

Денис, смеясь, ушел на кухню готовить завтрак, а я сладко потянулась и нехотя поплелась в ванную. В какой-то момент вспомнила, что вообще-то вчера так и не позвонила Христовне и мне стало очень стыдно. Выйдя из ванной, почувствовала запах кофе и поспешила на кухню. На столе все уже было накрыто, и я с радостью и жадностью принялась уплетать горячие бутерброды, запивая их терпким обжигающим кофе.

Когда я все же собралась уходить, Денис предложил вызвать мне такси, но я замахала руками – ехать далеко. А сама подумала, что он вполне мог бы и сам меня отвезти. Будто прочитав мои мысли, Денис нахмурился и сказал:

– Я очень хотел бы тебя сам отвезти, но у меня на два часа назначена очень важная встреча...

– Я понимаю, – скрывая досаду в голосе улыбнулась я.

Мне ужасно не хотелось никуда уезжать, казалось, что ес-

ли я сейчас уеду, то мы больше не увидимся.

– Солнышко, ну прости, – виновато произнес он.

– Нет-нет, что ты... я, конечно, понимаю. Давай я на автобусе доеду?

– Какой автобус?! Насколько я помню утренний уже уехал, а до следующего еще часа три. Я не могу отправить тебя слоняться черт-те где... так что не спорь, пожалуйста. Сейчас я вызову такси и буду знать, что ты спокойно и комфортно доехала.

Я пожала плечами, спорить не хотелось. В принципе он прав, слоняться черте где и правда не больно охота, а потому поеду на такси.

– Я позвоню, – прошептал он мне на ухо, перед тем как закрыть дверь машины.

«Не позвонишь», почему-то зло подумала я.

Всю долгую дорогу до дома меня не отпускали сомнения. Верно ли я поступила, оказавшись с Денисом в одной постели? Было стойкое ощущение чего-то неправильного...

На крыльце Ромка распивал кофе, от которого явственно исходил запах коньяка.

– Не рановато пьешь-то? – спросила я, подходя поближе.

– Тебя забыл спросить, – огрызнулся он.

Я пожала плечами. Действительно, мое какое дело до его возлияний?!

– Нагулялась? – с ухмылкой спросил он. – Между прочим, бабка вся извелась, хотела уже в полицию звонить, в розыск

подавать, – тут он уже в голос ржал, а мне в очередной раз стало стыдно перед Христофоровной, которую, кстати, я с удивлением обнаружила на кухне, шинкующую капусту.

– Нагулялась? – совсем как Ромка недавно спросила она.

Я понуро опустила голову. Ну и что тут ответишь?

– Пропущенные мои видала хоть, или совсем не интересно, как бабка тут справляется?

– Видала. Интересно. Вижу, что справляетесь.

– Ты мне еще похами! Почему не перезвонила?

– Телефон сел... Сандра Христофоровна, ну простите.

– Бог простит, – отмахнулась от меня старушка. – Ты хоть понимаешь, что я волновалась? Почему вчера не позвонила?

– Да не могла я, – ну не говорить же бабушке, что я вчера немножко перепила, а потом...потом... потом вообще мне ни до чего было. А сегодня, когда я увидела уведомления о пропущенных звонках, батарейка как раз разрядилась.

– Ясно. Ну иди в порядок себя приводи, да сюда спускайся. Что я, сама что ли щи варить буду?!

– Уже бегу, – обрадованно воскликнула я, и припустила к себе в комнату. Быстро приняла душ, переоделась и спустилась на кухню.

Щи на самом деле уже почти сварились. Мне осталось только нарезать зелени и хлеба, да накрыть на стол.

Когда сели обедать я поинтересовалась, как они тут вчера без меня справлялись, на что бабуля стукнула ложкой по

столу. Хорошо хоть не мне по лбу.

– Я тебе сколько раз говорила, что за столом мы едим. Едим, слышишь?! А все дела обсуждаем за чаем.

Пришлось в итоге замолчать. И лучше бы мы молчали и дальше, потому что, то, что я услышала потом заставило меня содрогнуться.

Когда я убрала тарелки со стола, то взамен принесла чай с тортом, который откуда ни возьмись взялся в нашем холодильнике. На мой вопрос бабка пояснила, что Катерина заходила – занесла. Надо же, бабуля уже вполне спокойно говорит о бывшей подруге. Неужто и впрямь помирились?

– В общем, Женя, дела тут творились жуткие, пока ты там гуляла, – не преминула уколоть меня Христофоровна.

– Что же за дела такие? – я решила не обращать внимания на сарказм старушки по поводу моего загула.

– Афанасию убили.

– Как?! – от удивления я даже чай умудрилась расплескать по скатерти.

– Так вот, да... Язык ее пога... язык в общем вырвали, не при торте будет сказано.

– Ого..., – я не нашлась, что на это можно ответить. Да что вообще можно сказать в таком случае?

Бабка аккуратно отломил кусочек торта и как ни в чем не бывало принялась с видимым наслаждением его вкушать.

– Ну дела. И нашли убийцу-то?

– Да какой там... опять Иваныча вызывали, следки эти

приезжали, всю душу измотали, ироды. У меня вчера сон дневной из-за них нарушился. Будто я что вижу-слышу? Нет, ну хоть ты мне, Женя, скажи, на кой ляд я -то старая им сдалась? Я ж из дому ни ногой, ни рылом.

– Ну... вы типа лицо незаинтересованное? – предположила я.

– Я-то? Ну типа да, типа ну да, не оно типа, – загадочно ответила бабка, чем повергла меня в ступор. Странное ощущение, что бабка довольна, прости Господи мне мои крамольные мысли, заставило вдруг по-другому посмотреть на Христоворовну. Неужто и правда рада? Но почему?

– И кстати, тебя этот как его, Лютаев что ли... да, точно, Лютаев. В общем, просил тебя связаться с ним, а зачем не объяснял.

– Хорошо, – недоуменно пожалала я плечами, гадая, зачем могла понадобиться капитану. Помнится, в прошлую нашу встречу он не больно-то рад был меня видеть.

– А они сами-то, ну следяки, что думают?

– Так кто ж тебе скажет?

– А Иваныч? С ним не разговаривали?

– А Иваныч говорит, что все страньше и страньше дела в деревне обстоят. Говорит, двадцать лет здесь работает, первый раз у нас такое, чтоб сразу два убийства, да не бытовых, а прям серьезных. Такие вот, Женя, дела.

А я поймала себя на мысли, что рада своему вчерашнему отсутствию в деревне. Как представлю опять эти допросы и

прочее, еще и Лютаев этот. Что ему еще от меня могло понадобиться?

А потом вдруг меня посетила догадка. Что, если он про Юрку хотел сказать? Я скорее бросилась искать визитку и спустя час поисков победно махала ею над головой, как главным в жизни трофеем.

С третьей попытки мне наконец удалось дозвониться до следователя.

– Капитан Лютаев, слушаю.

– Здравствуйте, мне передали, что вы меня искали. Я Белоусова, Евгения.

– А-а-а... Женья, – протянул он.

Женья? Вот так номер. Какая я ему еще Женья?

– Евгения Петровна. Я вас слушаю, — как можно строже сказала я.

– Ну что вы, конечно, Евгения Петровна, простите ради бога. Не хотел вас обидеть. Я просто хотел... хотел...

– Что вы хотели? Вы извините, но у меня мало времени. Если это касается Юрия Плотова, то я слушаю.

– Нет-нет. Плотов тут не при чем...

– Его все еще держат?!

– Да, пока других подозреваемых нет. Евгения Петровна.

Я же по личному вопросу.

– По личному?!

– Да. Я хотел... хотел...

– Ну говорите уже, иначе я подумаю, что вы на свидание

меня зовете, – сострила я.

– Да.

– Что да? – не поняла я.

– На свидание. В кино. Там фильм новый как раз... я увидел и сразу о вас подумал. И вот...

Честно говоря, у меня даже голос пропал на мгновение. Что-то я не заметила, чтобы так уж понравилась капитану в прошлый раз. Или не хотела замечать. То-то он с мной так вежлив и мил был, хоть и не внял моему рассказу.

– Ну так что? – томясь, спросил он.

– Простите, но я не могу, – прошептала я.

– Я понимаю. Хорошо. Тогда считайте, что этого разговора не было. Всего доброго, – спокойно ответил он и отключился.

А я в изнеможении опустила на кровать. И что это было?.. Сказать, что я была обескуражена, значит ничего не сказать. Я была поражена, сбита с толку и вообще... вот почему всегда так? То ни одного более или менее приличного мужика на горизонте, а то сразу хоровод из совершенно разных и интересных мужчин. Надо будет об этом подумать на досуге. Правда, когда он этот досуг еще будет – вот вопрос.

Тут я некстати вспомнила про Дениса и внутри что-то снова защемило. Тоска навалилась немилосердная. И зачем-то захотелось выть. Только вот почему? Все же хорошо. Уже неплохо точно. Отчего тогда такая тоска на сердце?

Еще Афанасия эта. Угроздило же ее умереть. И тут мне в голову пришла странная идея. А что, если оба убийства как-то связаны? Вдруг бабка что-то знала, или видела? Эти мысли все больше склоняли меня к тому, что убийца кто-то из деревенских. Подумав еще немного, я решила, что пора бы уже позвонить участковому. Иваныч внимательно, не перебивая, меня выслушал и сказал, что скоро подъедет к озеру, где мы спокойно сможем поговорить.

Я спустилась в столовую, убрала со стола, затем уже на кухне перемыла всю посуду, а заодно вытащила мясо. Как раз к ужину разморозится и можно будет сварганить, например, котлеты.

Затем я забежала к Христофоровне. Та немигающим взглядом уставилась в телевизор, где краем уха я уловила что-то про подмененного в роддоме ребенка.

– Сандра Христофоровна, можно я на полчаса отойду?

– Иди, чего спрашиваешь, – отмахнулась та, так и не оторвав взгляд от передачи.

– Спасибо, – прошептала я, чтобы не мешать старушке наслаждаться любимой ересью, а заодно не злить.

Иван Иванович приехал быстро. И пяти минут не пришлось его ждать.

– Иван Иваныч, я не знаю с кем еще поделиться. Столько работы проделано, но я никак не могу выйти на след преступника. А Юрка там зазря пылится в закутке тюремном, – всхлипнула я.

– Женя, в каком закутке? – рассмеялся Иваныч, и я впервые увидела его таким. Обычным человеком, а не вечно хмурым ментом, утонувшим в постоянных заботах и хлопотах.

– В тюремном, – повторила я.

– Откуда слова-то такие? В сизо несладко, конечно, но пылиться ему там никто не даст, это уж я тебе гарантирую. Каждый день поди допрашивают. Ну так о чем ты поговорить хотела?

И я подробно ему все рассказала. Иваныч почесал голову, подкрутил усы, и сказал:

– Возможно ты и права. Тогда искать надо среди деревенских. Кстати, против твоей версии говорит то, что у бабки Афанасии было полно врагов, и закончить ее земной путь мечтал едва ли не каждый житель деревни. А также бывшие сиделицы, где она надзирательствовала. И знаешь... хоть о покойниках нельзя такое, но все-таки сволочь баба была, а

не человек. Прости Господи.

Хм... а ведь и правда. Об этом я что-то не подумала. С чего мне вообще пришла такая дикая идея, что убийства как-то связаны? Да Афанасию любой мог порешить. Прав Иваныч. С другой стороны, меня все же грыз червячок сомнения, о чем я ему и поведала.

– Ну вот что Женя. Ты давай эту свою самодеятельность прекращай. Не ровен час убийца, если он кто-то их духовских, узнает про твои розыски, голову оторвет. Ты вот, к примеру в курсе как Афанасию убили?

Я помотала головой. А ведь и правда так и не удосужилась узнать.

– А вот знай, пусть тебе стращанием будет. Так вот. Ей вначале горло перерезали, а потом уж мертвой язык достали. Нравится тебе такая история?

– Н-нет, – прошептала я.

– То-то же. Вот и смотри каков убийца. Ты же не хочешь, чтобы тебя так же? – он сурово сдвинул брови и насупился.

– Н-нет, – тут уж я совсем сникла. Я ведь по всей деревне чуть ли не криком кричала, что розыски веду. Ой мамочки-и... тут же подумал о Ромке. Надо бы с ним обратно сдружиться, какой-никакой, а мужик в доме.

– В общем, язык за зубами держи. В деревню постарайся без необходимости не соваться. Про все забудь, как страшный сон. Только... если еще что важное вспомнишь, звони. Но сама никуда. Все поняла?!

– Поняла. Не дура. Ой, я что еще спросить-то хотела... А Ингу как убили? Ну в смысле чем ее задушили?

– Ингу-то? Ну если конкретно, то оглушили вначале. Потом уже веревкой задушили. Все, или еще вопросы будут?

Я отрицательно покачала головой и распрощалась с участковым.

По дороге домой я размышляла о насущном. Пусть в Духовке мне светиться нельзя, но в городе-то никто не мешает искать концы этой мутной истории. Осталось у меня там еще одно незаконченное дело. Вот съезжу и тогда уж точно успокоюсь. Утешало также и то, что теперь, со вторым убийством, возможно подозрения с Юрки снимут. Если, конечно, свяжут смерть Инги и Афанасии в одно целое.

Дома обнаружила Ромку в гостиной. По телевизору показывали футбол, и внучку сейчас явно было ни до чего. Христоворова тоже не подавала признаков жизни. Я в который раз переоделась и спустилась на кухню. Убийства убийствами, а кушать хочется всегда.

Пока готовила, в голову снова лезли ненужные мысли. Конечно, о нем. Почему он не звонит? Ну ладно-ладно, я помню, у него встреча и бла-бла-бла. Но хоть бы написал, что ли... с другой стороны, я-то тоже ему не звоню-не пишу. Но я же де-е-во-чка-а... принято же, что мальчишки звонят первыми. И сама себя одернула. Женя! В кого ты превращаешься. Что за устаревшие понятия об отношениях? Позвони ему сама. В это время гордость вопила, что ни в коем случае не

стоит этого делать.

Схватка внутри меня разгорелась нешуточная и я, вместо того чтобы следить за готовкой, ломала голову, как лучше поступить. Оттого котлеты ожидаемо пригорели. Хорошо хоть не до угольков. Я посмотрела на них критично и решила, что и так сойдет. Другого все равно ничего нет, а значит и переживать не стоит. Нет выбора. А в случае с Денисом выбор есть. И стоит он для меня сейчас очень остро. Маета мает. Решила дождаться вечера, и тогда уж включать переживания на полную.

После ужина я протерла полы, заодно и пыль смахнула везде, кроме Ромкиной комнаты и тех помещений, что стоят запертыми. Там обычно убирается приходящая помощница, жена садовника. Сил ушло много, зато нервы немного поуспокоились, и я даже почти забыла о своих терзаниях. Вспомнила о них ближе к одиннадцати, когда уставшая завалилась на кровать. Лучше бы я этого не делала.

Тоска навалилась с новой силой. На телефоне не было пропущенных звонков или смс, и я, сходя с ума от любовных мук, приняла единственно верное решение – уснуть. Уснуть, чтобы всю ночь ворочаться от кошмарных сновидений, в которых то я бегала за убийцей в черном капюшоне, то он за мной, и так несколько раз. В конце концов, в какой-то момент мой оппонент не выдержал и взмолился об отдыхе. Он в изнеможении откинул капюшон, а там... не может быть...

глазам своим не веря, я проснулась.

– Хеппи берздей тую, хеппи берздей тую, хеппи берздей, Христофоровна, хеппи берздей тую-ю-ю..., – я поставила торт с восемнадцатью свечками перед бабкой на столик и присела в книксене.

Ромка топтался позади и что-то там даже подпевал. В руках он держал большой сверток, нарядно перевязанный красным бантом. Украдкой Ромка тер глаза, да-да, я наблюдала за внучком боковым зрением, и прекрасно все видела. А я, между прочим, вообще ужасно не выспалась и, оттого, из последних сил улыбалась, засыпая на ходу. Мне пришлось вставать аж в шесть утра, чтобы успеть испечь любимый торт Христофоровны к ее обыкновенному подъему. Подарок, кстати говоря, я купила в тот самый день, когда ходила на свидание с археологом. Вспомнила, блин... на глаза тут же навернулись слезы. Денис... ну как же та-а-к... Дура я дура несчастная, угораздило на старости лет.

Так, стоп. Сейчас не лучшее время, чтобы предаваться унынию и страданиям. Сегодня же великий из грандиознейших дней – Христофоровне исполнился семьдесят один год, и это дело следует хорошенько отметить. Кто знает сколько весен еще осталось старушке? А потому надо веселиться как в последний раз. Эх, слышала бы Христофоровна мои мысли сейчас, наверняка чем-нибудь запулила бы мне в голову.

Кстати, сама именинница сияла от счастья. В первую оче-

редь, в предвкушении гастрономического оргазма, а во вторую от того, что сегодня ей официально можно выпить свои двести грамм без взывания к ее совести. С моей, надо думать, стороны. Отмечать, естественно, планировали в узком семейном кругу. Бабка, Ромка и я.

Правда, когда мы вышли из комнаты именинницы, Ромка шепнул, что вроде как Катерина тоже обещалась прийти поздравить бабулю. Я, конечно, выругалась, да и как иначе? Христофоровна же знала, что гостья будет, так чего не сказать-то?! Это же готовить не на троих, на четверых. Нет, понятное дело, мы уж как-то накормили бы Катерину, но все же...

Короче говоря, я поручила Ромке сгонять в магазин, кое-чего докупить, а сама принялась за мясо и прочие кулинарные дела.

Пока замешивала тесто для любимых бабкиных пирожков с рыбой, вспомнила свой чудной сон. И снова содрогнулась. В плаще с капюшоном был никто иной, как Денис. Ну и приснится же жуть жуткая. Я постаралась отогнать подальше дурные мысли. Отгонять-то отгоняла, да не отгонялись они.

А что, если это знак свыше? Вдруг Денис и есть убийца? Господи, боже... а собственно, на основании чего я такое заключила? На основании сна? Своего собственного же... так, Женя. Те пятьдесят грамм коньяка в кофе с утра явно были лишние. Ну не привыкшая ты пить по утрам, не стоит и начинать. Неужели в здравом уме и относительно трезвой па-

мяти можно думать такую чушь?!

Фух... то ли сон еще не до конца отпустил, напугав до нервных колик, то ли я о любимом не самого лучшего мнения. Предпочтительнее было, конечно, первое, а потому я вообще запретила себе вспоминать прошедшую ночь.

Кстати, о любимом. Я посмотрела на часы. Одиннадцать утра – рано, или нет для звонка? Ладно, подожду до полудня. На самом деле в душе я оттягивала момент звонка не потому, что боялась разбудить его, а надеясь, что до того момента он сам позвонит.

Но время шло, а никто не спешил набрать мой номер. Нервы не выдержали, и я позвонила сама. Противный механический голос ответил, что абонент находится вне зоны действия сети, заставив меня зло чертыхнуться. Коньяк стоял тут же, и я от души плеснула себе полный стакан. Выдохнула, осушила половину, и закашлялась.

– Воды? – Ромка подкрался незаметно, и от души приложил меня по спине.

Я выпучила глаза, нашла графин с компотом и жадно впилась в него прямо из горла.

– Душевные терзания способствуют алкоголизму? – ухмыляясь спросил этот гад.

– Отвали, а?!

Еле отдышавшись, я почувствовала, как в голове немного прояснилось и жизнь заиграла новыми красками.

– Евгени-ия Пе-етровна-а, не рановато ли спиваетесь? –

противно протянул Ромка.

Я молча отвернулась, предварительно забрав из рук пакет, который он принес из деревни.

– Вот уж никогда бы не подумал, что тебя, фрю такую, может сбить с толку какой-то мужик.

Желая все-таки послать его далеко и надолго, я обернулась, и тут обнаружила свой телефон в его руке. На экране светился последний исходящий вызов. Дура! Как есть дура. Ну а он чего, тоже мне, блин.

– Лучше отдай, – грозно двинулась я на него. В руке моей так и остался нож, которым я только что разделявала мясо. Хотя, если честно, я даже и не подумала об этом, и не могла видеть со стороны, как жутко выгляжу в это момент.

– Только один поцелуй и он твой, – этот урод поднял телефон над головой, куда мне естественно с моим ростом ну никак не дотянутся, и я лишь беспомощно ткнула его кулаком в живот.

– А вот игрушку убери, ни к чему, еще поранишься, – он ловко выхватил нож у меня из рук и бросил в мойку. И пока я хлопала глазами от происходящей вакханалии, этот гад меня поцеловал. Правда недолго ему пришлось наслаждаться отобраннным поцелуем, зря он забыл прошлый раз. И уж в этот раз я его совсем не жалела. Хочет рыться в чужих телефонах и срывать нежеланные поцелуи? Хорошо. Но тогда пусть будет готов и получать за это.

Пока Ромка, матерясь, растирал свое причинное место, я

спокойно продолжила заниматься мясом.

– Неужели этот идиот достоин твоих слез? – неожиданно мирно спросил Ромка спустя некоторое время.

Я так удивилась, что он вот так мирно со мной разговаривает, как будто это не я сейчас врезала ему коленом в пах, что многострадальный нож выскользнул из рук.

– Рома, мальчик. Когда уже бабушка объяснит тебе, что лезть в чужие дела и чужие рты – занятие недостойное настоящего мужчины? – устало воззрилась на него я.

– Просто непонятно мне... ладно, забудь, – вздохнул он. И тут же переключился на другую тему, наконец-то: – Помощь нужна какая?

– Вот так бы и сразу. Картошку если начистишь, буду благодарна. И даже самый большой кусок в тарелку положу.

Ромка обрадованно кинулся к картошке, а я неожиданно засмеялась. Ну почему он не может нормально вести себя всегда? Почему мы не можем быть добрыми соседями и хорошими приятелями, раз уж вынуждены какое-то время жить в одном доме?

В обед пришла тетка Катя, в руках она несла что-то большое и явно тяжелое. Христофоровна нарядилась ради праздника и выглядела просто отлично. Легкий брючный костюм нежно фиалкового цвета был ей очень к лицу. Макияж она делала сама и, надо сказать, справилась на все сто. Хотя я и предлагала свою помощь в данном вопросе. Волосы Христофоровна завилала бигудями и уложила в аккуратную причес-

ку. На шее сверкало бриллиантовое кольцо, если конечно не подделка. Хотя, зная Харитоновну, я очень сомневаюсь, что та может надеть такую.

Украдкой я поймала взгляд внука на бабкину шею. Колье он тоже увидел, да и трудно было его не заметить. Так оно переливалось и сияло. Мне показалось, что глаза его при этом сузились, и взгляд стал не очень приятным. Секунда, и бабка поймала этот взгляд. Еще секунда и Ромка, как ни в чем не бывало, помогает Катерине донести ее подарок до гостиной.

Странное начало празднества. Ну хоть тетка Катя пришла. Я лично была ужасно рада ее увидеть, так как Катерина мне всегда казалась крайне милой и приятной женщиной. Ромка помог мне накрыть на стол, мы чинно и благородно чокнулись бокалами. Первой тост произнесла я, так как Ромка, видимо, еще недостаточно подпил, а потому немного застенялся. За мной поздравила старушку Катерина. Потом опять я, и, наконец, когда немного захмелел, торжественную речь толкнул Ромка. Обед плавно перетек в ужин. Мы развлекались просмотром любимого бабкиного сериала. Ну как развлекались... Собственно, сам фильм смотрели Христофоровна с Катериной. Ромка с унылым видом лазил в телефоне, не забывая периодически подливать дамам вина, а себе коньячку. А я только делала вид, что наблюдаю за происходящим на экране. Где нужно охала, иногда ахала, а сама

думала о Денисе и своей никчемной сущности. Осознавать, что к тридцати годам так и не нажила ума, всегда мучительно больно. Ведь знала, чувствовала, что этим все кончится, но понесла нелегкая на ту встречу.

Я украдкой смахнула слезы, надеясь, что никто не заметил и принялась активно комментировать сериал вместе с моими бабулями.

Вечером, когда на небе появились первые звезды, в мою шальную голову неожиданно пришла чудесная идея – а не пойти ли мне на озеро искупаться? Про труп, найденный на берегу, я старалась не думать. Нет, не подумайте, что я жестокосердная, или равнодушная, но... Ингу нашли в стороне, в кустах. Она не утонула в этом озере.

Я... я обойду его с другой стороны. Точно, на противоположном берегу тоже можно спокойно искупаться. Только добраться туда сложновато, придется пробираться через высокие кусты. Тут бы, конечно, резонно было вспомнить предостережения Иваныча, но... вечер был звездным, голова кружилась от вина, и вообще, ну не следит же за мной убийца?! Я же не в деревню иду. Решено.

Я, извинившись, сказала, что неважно себя чувствую, и мне следует прогуляться. Бабка подозрительно на меня посмотрела. Чует Христофоровна тоску, поселившуюся в нежной девичьей душе. Зуб даю, чует.

Я быстро сбегала наверх, переоделась в купальник и длин-

ный сарафан, захватила сумку с полотенцем и пледом, и сайгаком поскакала из дома. Хвала богам, на выходе меня никто не встречал, и мне удалось незаметной покинуть дом.

На улице было уже довольно темно, и я слегка трусила одной идти на озеро. Да еще на дальний берег. Но все-таки вино все еще бродило по венам, только этим я могу объяснить, что поперлась одна, в темноте, через высоченные камыши туда, куда и днем-то раньше ни разу не ходила.

Первые проблемы случились довольно быстро. В темноте трава нещадно колола и резала ноги, а так как я раздвигала кусты руками, еще и их. В итоге, спустя минут двадцать, злая и израненная, я кое-как выбралась в пункт назначения. С неба зловеще щурилась полная луна. Из леса доносилось жуткое уханье филина. Мать моя женщина! И на какой ляд я сюда приперлась?! Но отступать поздно, зачем-то же я преодолевала все эти преграды? Зато, я огляделась, здесь вполне можно поплавать голышом, никто не увидит. Приободрившись от таких мыслей, я быстро расстелила покрывало, на него полетел сарафан, ну и купальник до кучи. Тут же по законам жанра подул довольно свежий ветерок, и я слегка поежилась, все еще оглядываясь по сторонам.

Эх! Была не была. Я разбежалась и поскакала к воде. В последний момент резко тормознула, опомнившись, что не худо бы вначале проверить глубину. А то прыгну сейчас, костей не соберешь. Проверила.

Дно оказалось хорошее, замечательное даже. Снова раз-

бежалась и с наскока овладела озером. Ну или оно мною. Ах, красота! Вода, как парное молоко. Кто хоть раз купался голышом, обязательно поймет мои ощущения в этот момент. Вода нежно ласкала обнаженную кожу, не скованную никакими одеждами. Она словно обнимала меня, убаюкивая и успокаивая расшалившиеся в последнее время нервы. Волосы я распустила. Захотелось и их приобщить к этому таинству, напитать живительной силой первозданной природы.

На сушу я вылезала отдохнувшая, как никогда. Кожа светилась под бледным мерцанием луны. Мелкие порезы и ранки уже не щипали, казалось, что озеро заживило их. Я потянулась вверх, навстречу звездам, небу. Вдохнула ароматы леса и воды, самой земли. Какой же кайф, ей богу... не хотелось никуда уходить, но здравый смысл шептал, что пора, не ровне час меня пойдут искать. И только этого мне не хватало. Я уже натягивала сарафан, когда впереди что-то треснуло. Ветка?

– Кто здесь? – бесстрашно крикнула я в темноту. Вместо ответа раздался шепот.

Мама! Я спешно принялась обуваться, покидала комком все в сумку, и ломанулась к кустам. Сзади мне слышался топот.

– Ааа, – кричала я.

– Угу, – вторил мне филин.

– Шшш, – шептал ветер в кронах деревьев.

Не разбирая дороги и не видя ничего вокруг, я неслась

вперед. Но оно и понятно, темно на улице, хоть глаз выколи. В какой-то момент я споткнулась, нога моя вывернулась каким-то немислимым образом и я, взвизгнув от резкой боли, упала в траву. На миг позабыв об опасности, я аккуратно пощупала ногу, пошевелила пальцами, порадовалась, что хоть перелома нет, как вдруг... Сзади послышался хруст веток, я повернула голову и заорала от ужаса.

Все так же крича и не видя перед собой ничего, я буквально вывалилась на поляну к дому. Ноги и руки щипало от новых порезов, в голове билась только одна мысль. Мельник. Там был Гришка-мельник. Меня преследует привидение. Боже, что за ерунда здесь творится?!

На крики выбежал Ромка. Не говоря ни слова, он обнял меня, взвалил на руки и потащил в дом. А там уже, усадив мою размякшую тушку в кресло и накрыв пледом, налил в стакан коньяк и приступил к расспросам, разбавляя их знатным матерком.

Даже Христофоровна спустилась, напуганная моими криками. Не... ну я что, я ж реально подумала, что за мной убийца гонится. Ну неудобно, конечно, получилось. Напугала старушку, да еще и в такой день. Хотя... Я пригляделась повнимательнее. Христофоровна-то изрядно пьяна, вон как шатается из стороны в сторону.

Бабка, увидев кровоточащие ранки и царапины на моем теле, в ужасе всплеснула руками и запричитала, кстати, впол-

не связно:

– Какого художника, ты, дура убогая, бродишь черт знает где?!

– А я говорил, что у нее с головкой проблемы, – зло ответил ей Ромка, обрабатывая мои руки перекисью. Ноги я не дала – сама. А то слишком интимно что ли получается.

– Угораздило идиотку в дом пустить, – ругалась бабуля. И возразить-то нечего ей, что самое обидное.

В общем, что уж греха таить, разревелась я не на шутку. Христофоровна шикнула на Ромку, а тот глаза выпучил:

– Я-то тут при чем?

– Сгинь, – прикрикнула она него.

А сама подсела ко мне и крепко обняла, поглаживая по голове. Я в ее объятиях довольно быстро успокоилась, но виду не подавала, очень уж мне понравилось вот так прижиматься к кому-то, чувствуя, как все невзгоды и печали уходят куда-то в небытие. Так мы и сидели с ней, пока я не уснула прямо там, кресле.

Он позвонил ночью... я уже спала, внезапно обнаружив себя в собственной кровати. Ромка, наверное, перенес из гостиной. Не знаю, зачем взяла трубку.

– Да, алло...

– Женя... Нам нужно срочно увидеться. Это очень срочно. Слышишь?

– Денис, в чем дело? Что случилось? – услышав в его го-

лосе неподдельное волнение, я вмиг отбросила свои обиды. Что-то ведь наверняка произошло, если он звонит мне в такое время и такой взволнованный.

– Не по телефону. Женя, нам нужно встретиться. Послезавтра я буду в городе. Ты сможешь приехать? Мне нужна помощь...

– Да...да, конечно, боже мой. Что с тобой? Где ты? – завалила его вопросами я.

Сон как рукой сняло. Я готова была прямо сейчас бежать куда угодно, лишь бы знать, что с ним все будет в порядке.

– Не по телефону. Послезавтра. В десять. В том торговом центре, в кафе, где мы с тобой первый раз сидели.

– Хорошо. Но...где ты сейчас? Прошу, скажи, что с тобой все в порядке...

– Не могу, прости, милая. Не по телефону. Все, люблю...

– Подожд...

В трубке раздались гудки, а я разревелась. Захотелось разбить этот чертов телефон. Боже, что со мной происходит. Что с ним происходит? Где он, как он? Случилось что-то ужасное, я чувствовал это всеми фибрами души. Послезавтра...

Всю оставшуюся ночь я не могла уснуть. В голову лезли картины одна страшнее другой. В полпятого утра тихо спустилась на кухню. Чтобы хоть как-то отвлечься от ужасных мыслей замесила тесто, напекла блинов. Приготовила творожную запеканку. Поставила вариться компот. В общем де-

лала все, чтобы не сидеть, глядя в одну точку с придурковатым видом. Глаза покраснели, в голове разносился гул. Как дальше жить, куда бежать, фиг его знает.

В семь проснулась Христофоровна, маясь с похмелья.

– Рассолу мне, – возопила она, кряхтя вваливаясь на кухню.

На голове у нее красовалась мокрая повязка, руки тряслись, волосы свалились в колтун. М-дааа... нечасто можно увидеть Христофоровну в таком раздрае. Вернее сказать, первый раз такое вижу. Тут же я испугалась, а ну как insult бабулю разобьет. Ну как, как я могла допустить, что бабка столько выпьет?!

– Вы, бабушка, когда в следующий раз пить вздумаете, берите сок вишневый. Вроде и красный и не развезет.

Христофоровна, вместо того чтобы разразиться бранью на «бабушку», ну или хотя бы запульнуть в меня чем-нибудь тяжелым, лишь вяло махнула рукой. А посему я сделала вывод, что в данный момент бабка вполне со мной согласна. Ворча и еле передвигая ноги, я налила ей стакан рассола, оставшегося от вчерашних соленых огурчиков, которые, кстати, ушли на «ура», и с любопытством наблюдала за тем, как она жадно присосалась к стакану не хуже какого-нибудь алкоголика. Христофоровна залпом осушила его и протянула мне, мол, еще налей. Я показала бабуле фигу, прекрасно знает ведь, шельма, что нельзя ей. Из вредности что ли?! Ничего-ниче-

го... не надо было напиваться. Вместо рассола я протянула ей таблетку и кружку с водой. Сандра, конечно, для порядка что-то там пробурчала, скривилась, но таблетку взяла. Выпила, сморщилась, вздохнула, злобно зыркнула и поплелась вон из кухни.

– А есть кто все это будет? – возмутилась я.

Но бабка в ответ показала мне фигуру из четырех пальцев и покачала головой. Мстит значит старушка. Ну и ладно... Ромке отдам все. И только я так подумала, как тот не преминул появиться.

– Ешь все. Не благодари, – бросила я удивленному внучку, спешно покидая кухню.

А заодно порадовалась, что ему не пришла вдруг охота возражать и что-то там отвечать. Еле-еле я доплелась до спальни и рухнула на кровать бревном, где благополучно и заснула. А проснувшись, я обнаружила, что уже три часа дня. Наскоро умылась, причесалась и спустилась вниз. На кухне Христофоровна, на удивление бодрая и довольная, с аппетитом вкушала блины с икрой, Ромка крутился рядом, заваривая чай. Я в умилении застыла, разглядывая эту пасторальную картинку, и стараясь ничем не выдать свое присутствие. Но я недооценила бабку.

– Проходи, не мозоль спину, – буркнула старушка и я потопала к столу.

– Мне кофе, – улыбнулась я Ромкиной спине. Тот удивленно обернулся, но, как ни странно, кивнул и поставил тур-

ку на плиту. Надо же... каков джентльмен.

– Кстати, – прошамкала Христофоровна, – Завтра мы по делам отъедем. Думаю надолго. Если у тебя есть какие свои дела, можешь отлучиться на полднечка.

Я не верила своим ушам. Какая удача. Мне даже отпрашиваться не нужно у бабки. А то, честно говоря, я уже стесняюсь просить отгулы. Полгода никуда ни ногой, а тут зачистила чуть ли не через день.

Я постаралась не казаться особенно довольной, чтобы никто ничего не заподозрил вдруг. После позднего обеда, кофе, кстати говоря, был необыкновенно хорош, я вымыла посуду, и мы уселись перекинуться картишками. Бабка все время мухлевала и раз за разом выигрывала в «дурака». Ромка дулся как ребенок, а я присутствовала с ними лишь физически. Все мои мысли занимал только Денис. Что с ним, где он, как... Чувствовала, ему стоит только свистнуть, и я помчусь со всех ног, не разбирая дороги. Понимала умом, что это ужасно... что я снова зависима от чужого человека.

А что, если я ему совсем не нужна? А что, если он просто использует меня, видя, как я привязалась к нему? Да нет... он же сказал, что любит. Любит же... Господи, ну и что, что он сказал? Да мало ли, что может сказать человек, когда ему нужна помощь? Но ведь ему нужна она, а значит я проявляю себя как эгоистка, размышляя любит или нет. Ведь если я люблю, то не должна ничего требовать взамен? Ведь если любишь, то готов отдать все? Или нет? Боже, я совсем запу-

талась. Идиотка. Кретинка. Дура несчастная.

Тут еще некстати в голову полезли мысли о вчерашнем моем приключении. Неужели за мной и правда привидение по пятам ходит? Или мне все это только показалось? Ага, второй раз показалось? Ну-ну... Или у меня и впрямь глюки? Тут я вспомнила, что ведь когда еще собиралась к Митяю зайти, да совсем позабыла об этом. Надо бы в самое ближайшее время посетить старичка, еще раз про Гришку-мельника расспросить, да адрес внучки выудить как-то аккуратно.

Эх! Что за жизнь пошла, ни дня без приключений. Нет, возможно кому-то такое и понравилось бы, но точно не мне. Это в кино интересно наблюдать, как у главной героини что ни день, то происшествие. А в жизни хотелось бы немного спокойствия. Ну да, такая вот я зануда, стремящаяся к тихой гавани. И желательно с любимым, и желательно в Крыму.

Засыпала я в тревоге и некотором отчаянии. Одно грело душу в данных обстоятельствах – в сложной ситуации Денис позвонил именно мне и это значит, что я для него хоть что-то, но точно стою... Наверняка. Возможно. Может быть. Блин, знать бы еще, что за помощь ему требуется? А вдруг я не смогу ее дать? Нет, теоретически я готова на многое... вроде. Но вот практически... в общем, занятая такими мыслями я сама не заметила, как уснула. А проснувшись, обнаружила, что дома никого нет. Часы показывали восемь трид-

цать, и я поспешила собираться, дабы не опоздать на автобус.

Ровно в десять я заняла место за столиком у окна, чтобы не пропустить появление Дениса. Заказала себе шарик ванильного мороженого и двойной эспрессо.

Пока ждала заказ, лениво рассматривала посетителей. Вон за соседним столиком несмотря на то, что сейчас еще только утро, воркует парочка влюбленных. Она что-то мило ему рассказывает, а он слегка снисходительно улыбается ей в ответ. Потом ласково целует ее пальчики, а она в ответ прижимается к нему всем телом. Гадство какое. Отчего ощущение чужого счастья так остро отдается болью в груди? Или это я такая завистливая и неправильная? Ах, как бы я хотела сейчас вот так же сидеть с любимым, смеясь всякой ерунде... забыв про все невзгоды, болтая ни о чем.

Справа от меня притулился симпатичный мужчина в темных очках. Видимо из-за них казалось, будто он спит, откинувшись на спинку стула. И только лишь вялые ковыряния вилок в тарелке говорили об обратном. Больше посетителей в кафе не наблюдалось, оно и понятно, не самое подходящее время для этого заведения. Насколько я поняла, в такие кафешки в основном прибегают на бизнес-ланчи, которые стоят сущие копейки, или вечером заглядывают выпить кружку-другую пива. Утренние гости здесь скорее исключение, чем правило.

Я взглянула на часы, которые неласково показывали, что

уже одиннадцать часов, но Дениса все нет. Нет, я уже давно начала волноваться, уговор встретиться был в десять, но до того еще худо-бедно успокаивала себя наличием пробок в городе, или каких-то других форс-мажоров. Время шло, но в заведение не зашел ни один новый посетитель. Парочка, наконец, намиловавшись, расплатилась и вышла. И только мы с женщиной чинно сидели за своими столиками, и чего-то ждали. Вернее я, конечно, совсем не уверена, что он чего-то ждал. Возможно, он просто коротал здесь время, или ему вовсе нечем было заняться и оттого размазывание холодных спагетти по тарелке было для него интересным времяпрепровождением. Разумеется, я уже пару-тройку раз набирала номер Дениса, но слышала лишь длинные гудки.

Так я и просидела как дура до часа дня, испив четыре чашки кофе и слопав три шарика мороженого. Переживания и странное ощущение обмана переплелись в такой замысловатый клубок, что мозг совершенно отказывался переваривать происходящий дурдом. Куда идти, что делать? А что, если ему нужна моя помощь? Что если мне следует пойти в полицию? И только я так подумала, как ноги сами вскочили и хотели было уже нести меня в ближайший отдел, как вдруг зазвонил телефон.

– Женя, Женечка, солнышко... прости, любимая. Я не смог, слышишь? Я далеко сейчас, я просто не мог подставить тебя. Слышишь?

– Да, – почему-то прошептала я.

– Я пытался встретиться с тобой, но они пасли. Я бы просто подставил тебя, понимаешь?

– Не совсем...

– Я не могу тебе рассказать. Я бы очень хотел, но не могу, прости... Знай, чтобы ни случилось, я тебя люблю. Не ходи никуда, и никому не рассказывай про меня. Я уже далеко, но все же... И не звони, симку я выкину.

– Но как же я? А я?»—жалко проямлила я.

– Я вернусь за тобой. Ты же ничего не знаешь, мне грозит опасность. Мне пришлось уехать. Но как только все уляжется, я вернусь. Слышишь? Главное никому не рассказывай ничего. Тогда все может обойдется.

– Но скажи мне хотя бы что с тобой все хорошо...

– Все нормально. Я вернусь за тобой. Ты главное молчи. Никуда не ходи. Поняла меня?

– Да.

– Вот и умничка. Все. Мне нужно бежать. Целую тебя. Пока...

– Пока, – ответила я. Но в трубке уже слышались короткие гудки.

Домой я ехала в полном раздрае и слезах, то и дело выступающих на глазах. И все пыталась понять, что теперь делать и как со всем этим жить дальше. А ведь все так хорошо начиналось! Вот чуяло мое сердце, что-то обязательно пойдет не так. Ну не создана ты Женя для любви и счастья. Нечего

и начинать было.

Вспоминала ту ночь с ним. Одна единственная ночь, всего одна, но сколько она значила для меня. Вновь и вновь прокручивала в голове все события прошедших недель. Убийство Инги, встречу с Денисом, наши с Ромкой вылазки, какое-то сумбурное, бесполезное расследование. Решено! Сегодня же составлю подробный план дальнейших действий, потому что иначе ничего не выходит. Мне срочно нужно занять себя чем-то, чтобы не сойти с ума от переживаний. Заодно запоздало вспомнила, что так и не спросила Дениса, почему он бросил тогда наше расследование. Да я вообще у него ничего не спросила. Я так ничего о нем и не узнала, ну хоть переспать успела...

Подходя к дому, я услышала громкие крики, доносящиеся из бабкиной спальни. Ого... Тише мыши я проскользнула в дом и попыталась незаметно подняться к себе. Если честно, в тот момент меня мало интересовали чужие дела и дразги, но тут уж я при всем желании не могла не услышать, о чем идет речь. Хотя... я могла, конечно, громко хлопнуть дверью, чтобы оповестить всех о своем прибытии, но мне так не хотелось с кем-либо общаться...

Короче говоря, бабка с Ромкой трехэтажным матом крыли того самого племянника нотариуса, который, назначив им встречу, так и не появился. Ромка высказывал Христофоровне претензии, та вяло отбреживалась, и так по кругу. В итоге

я поплотнее закрыла дверь в спальню, вставила в уши беруши и уселась за стол.

Итак... что мы имеем? У нас есть убийство Инги, ведущей довольно развязный образ жизни, но при этом, по заверению директрисы Духовской школы, вполне себе милой девушки. У Инги был парень, Юра Плотов, по мнению следствия задушивший девушку из ревности. Также была некая подруга детства, Лана, адрес которой должен знать ее дед, Митяй. Врагов у девушки, по словам секретарши Светы и прочих, было предостаточно. Врагов преимущественно женского пола. Но кроме директрисы городской школы, о других ничего неизвестно.

Враги Плотова, о которых мне известно – Парафен и брат матери его ребенка Юльки, как мы с Денисом выяснили, никак не могли отомстить парню. Первый – потому что отравился каким-то наркотиком, второй – потому что давно умер.

Также у нас имеется труп Афанасии, ставший таковым при крайне неприятных обстоятельствах. Если Ингу просто задушили, то бабке убийца не поленился вырвать язык. Возможно, это говорит о том, что бабка слишком много болтала... возможно. Или о том, что язык ее был очень злым. У Афанасии, как выяснилось, врагов еще больше, чем у Инги. Это может быть кто угодно, если вспомнить, что бабка долгое время работала надзирательницей в женской колонии.

И хотя убиты женщины были совершенно по-разному, и

вроде как, кроме того, что обе жили в одной деревне, их больше ничего не связывало, меня никак не отпускало чувство, что эти преступления как-то связаны между собой. И в первую очередь оттого, что они как раз обе жили в Духовке.

Ну не верю я в такие совпадения, чтобы за две недели в довольно спокойной деревне подряд убили двух женщин. Да не в бытовой ссоре по пьяни, а вот так, скорее всего, спланировано.

Итого, что мы имеем? А ничего не имеем. Я вдруг поняла, что буквально ничего не узнала, что могло бы хоть как-то продвинуть меня в моем расследовании. Какие-то пустые разговоры, сплетни... И никаких мало-мальски важных фактов. Ну не следак ты, Женя, не следак. Снова захотелось бросить это дело. Оставить его профессионалам. Но я тут же одернула себя, вспомнив про Юрку. Страсть как не хочется быть виновной в его заключении. Перед глазами сразу встала его мать, заплаканная и такая потерянная. Именно сейчас я острее всего поняла, как виновата перед ней и Юркой. Зачем я только полезла в это дело?! Нужно было, чтобы в полиции сами искали преступников. А я, вишь ли, возомнила себя великой сыщицей, ага... А все этот Ромка... Кста-а-ати...

Ромка! Между прочим, он ведь бывший любовник Инги. И его ну никак нельзя сбрасывать со счетов. И ведь это он подбил меня ловить Юрку. А еще, как это ни ужасно звучит, в список можно смело добавить и Дениса. Который, так-то,

в те дни тоже был в Духовке с якобы раскопками. И если уж на то пошло, где те самые изыскания? А что, если его неприятности как-то связаны с этими самыми раскопками? В общем понятно, что совсем непонятно.

Ну ладно, допустим план такой: разузнать получше про эту самую подругу детства Лану, а заодно расспросить Катерину о бабке Афанасии. Должны быть у старухи, безвылазно живущей здесь последние лет двадцать, какие-то общеизвестные грешки. В конце концов бабка всегда на виду. Потому что вряд ли бабке язык врывали просто за скверный характер. Должно быть что-то посерьезнее.

Ну и не худо бы съездить в городскую школу, еще раз поговорить с директрисой, у которой имелся зуб на Ингу. По крайней мере пока я лишь про шашни с ее мужем знаю. Запоздало пришла совсем уж простая мысль. Кто в деревне совсем терпеть не мог Афанасию? Да ведь Маринка, продавщица магазина. Недаром они дрались постоянно, даже мне пришлось однажды наблюдать эту картину. С Маринкой тоже следует побеседовать по душам, а ну как что-то интересное узнаю.

Итого, из известных мне личностей, так или иначе к преступлениям можно за уши притянуть: Ромку, Дениса, Маринку, ну и Юрку. Это те, кого я знаю лично.

Немного воодушевившись, я закрыла тетрадку, вынула из ушей беруши и направилась напрямиком к бабке, где сейчас стояла полная тишина. Христофоровна сидела злая, и мне

сразу расхотелось общаться со старушкой. Правда, все же пришлось поинтересоваться, чего желает голодная бабушка на ужин. Сандра махнула рукой и отвернулась к стене. Ну и ладно, придется самой опять что-то выдумывать.

Я спустилась на кухню, Ромки нигде видно не было, видимо, горюет в своей комнате. Тоже мне, кладоискатель... интересно, а реально мог Ромка убить Ингу? Допустим, он у озера искал клад, и там случайно заметил девушку. И что? Ну копается он и копается. Мало ли... А может она ему что-нибудь обидное сказала? В порыве злости Ромка нащупал в кармане веревку и бросился на неверную ему когда-то девушку? А потом, чтобы отвести от себя подозрения решил сам подсунуть Юрку родной полиции на блюдечке. А что, отличная версия выходит. Есть правда только одно «но». За каким лешим Ромке убивать Афанасию? Зато наличие веревки легко объяснить – за кладом ходил, вот и захватил с собой.

Пока я размышляла о Ромкиных злодеяниях, тупо уставившись в стену, он как раз и появился. Вошел, злой как черт, на кухню и рыкнул:

– Есть что пожрать?

Я присвистнула. О как мужика распирает. Мало того, что бывшую любовницу кокнул, так еще и зазря. Клада-то нет.

– Скоро будет, – спокойно ответила я, – В каком кармане веревка лежит?

– А? «Какая веревка?» — удивленно спросил Ромка, уса-

живаясь за стол.

– Которой ты Ингу задушил, – прошипела я, склонившись на ним.

Ромка с минуту не моргая смотрел на меня, а потом дико заржал.

Я обиженно выпрямилась, не понимая отчего это его так раздражает. А тот и не думал успокаиваться.

– Ой дура, ой не могу. Ну Женя, ну ты даешь, – заливался Ромка. По-моему, у него даже слезы потекли из глаз, так ему смешно было.

– Ну а почему нет?!

– Идиотка, ну идиотка. А я тебя еще умной считал. Долго думала, или только что навеяло?

Я молчала и сердито смотрела на внука.

– Ты, Женя то ли и впрямь такая глупая, то ли притворяешься искусно. Неужели ты думаешь, что менты меня не проверили десять раз? Да всем в деревне известно, что Инга моей невестой была. У бабы я был в тот вечер, у бабы.

– Но как? Почему я не знала? – воскликнула я и тут же прикусила язык.

– Точно дура. Ну какой нормальный мужик скажет девке, которая ему нравится, что он с какой-то там бабой трахаётся?

Я не нашлась, что ему возразить. Но глаза закатила. Тоже мне, Казанова... Хм... Получается алиби Ромки проверить не так уж и трудно, наверняка в деревне знают, к кому он

там бегают. Хотя проверить все же не помешает. И уж если совсем честно, я была ужасно рада, что Ромка никакой не убийца. Все-таки бабкин внучок, почти родной стал.

В общем, махнула я рукой на его слова, накрыла на стол в столовой и позвала бабушку ужинать. А сама, сославшись на то, что нужно кое-чего прикупить, пошла в деревню. По пути прокручивала предстоящий разговор с Митяем, к которому я решила заглянуть вначале. Во-первых, дом его как раз ближайший на моем пути, а во-вторых, нужно уже поговорить с ним о внучке, раз уж она являлась единственной подругой убитой. Наверняка девушке многое известно об Инге, подружки же любят делиться своими переживаниями друг с другом.

Солнце уже почти скрылось за лесом, легкий ветерок слегка покачивал верхушки деревьев. В траве весело стрекотали кузнечики, и кроме их стрекота не было слышно ничего вокруг. Вот поэтому я и люблю деревню.

Тишина здесь особенная, наполненная лишь нежными звуками природы. Она, словно магическая музыка наполняет душу нежной, ни с чем не сравнимой грустью. Шла я по узкой тропинке, с двух сторон от которой возвышалась высокая трава, перемежающаяся кустами и редкими деревцами.

Я вся ушла в свои мысли, как вдруг сзади почувствовала шевеление и услышала шорох. Я обернулась и успела только заметить что-то белое, прежде чем получила удар по голове. Кулем повалилась на землю. Перед глазами все прыгало и

рябило, запрыгали мушки. Правда сознание так и не отключилось, и как во сне я с ужасом наблюдала, как некто в белом склонился надо мной и тюкнул меня еще раз по ногам. Удар был ощутимым, и я глухо застонала.

Не знаю сколько прошло времени, прежде чем нечто исчезло, однако по моим ощущениям прошла вечность. Наконец, когда в голове прояснилось, и перед глазами перестали скакать звездочки, я кое-как поднялась, отряхнулась и знатно разозлилась. Страх внезапно покинул меня, потому что в голову пришла, наконец, умная мысль. Теперь я была точно уверена – кто-то просто пытается меня запугать, ну или наказать за что-то. Потому что я твердо уверена, что привидения не носят такие твердые ботинки, и уж найдут способ поквитаться получше, чем пинать меня ими. С другой стороны меня порадовало, что вряд ли все настолько серьезно. Если бы это был убийца, например, то ему бы ничего не стоило добить меня сразу.

Хотя... может это он меня так предупреждает, чтобы не совала свой нос куда не просят. Предупреждал же меня Иваныч. Эх! Я пощупала голову, крови вроде нет и то радует. Зато на макушке нащупывалась вполне знатная шишка. А больно-то как. Кое-как приведя себя в порядок, я все же решила доковылять до Митяя, так как идти было совсем уже недалеко. Я подошла к дому старика и принялась стучать. Но дверь мне никто не спешил открывать. Возле дома, на дороге показалась девочка. О-па... это же вроде сестра уби-

той Инги. Вот так удача.

– Извините, можно вас на минутку?! – крикнула я ей.

Девочка странно на меня посмотрела и бросилась наутек.

– Карина, подожди... Я только... мне надо... да погоди ты, – кричала я ей в спину, даже не пытаюсь догнать. Какой смысл бежать за человеком, который с тобой не хочет разговаривать? Не насильно же выпытывать из нее сведения... интересно, чего это она так ломанулась от меня? Боится ляпнуть что-то лишнее про сестру?

Так ни до чего и не додумавшись, я вернулась к дому Митя и, понимая уже, что это бесполезно, на всякий случай еще раз постучала. Вначале в дверь, потом в окно, думая, что дед глуховат и мог не услышать. Но тщетно. Пришлось мне не солоно хлебавши развернуться и пойти домой. Сил на душещипательные разговоры с Маринкой и теткой Катей не осталось. Голова раскалывалась на части, и я решила, что сегодня мне следует как следует отлежаться, и обдумать все хорошенько.

Я уже открывала дверь и вряд ли бы заметила ее, если бы у меня не упали ключи. Наклонившись за ними, я увидела камень у коврика, которым была придавлена записка. Озираясь по сторонам, я подняла записку, на которой было написано всего три слова «Вали отсюда врунья».

Весь последующий вечер я ломала голову, кто мог оставить мне эту записку, по законам жанра, составленную из га-

зетных вырезок. А то, что она предназначалась именно мне не вызывало никаких сомнений. Не Христофоровне же ее написали в конце концов.

Во-первых, бабка тут уж черт знает сколько лет живет, с чего бы в друг ей валить из Духовки, а во-вторых, Сандра вроде существует себе тихо-мирно, никого не трогает. Значит остаюсь только я. Интересно, кого я могу так сильно раздражать, что он даже не стесняется шариться вокруг дома. Зато если предположить, что это написал убийца, значит я все правильно делаю. Хотя что я такого особенного накопила-то? Да ведь ничего пока. Но ведь убийце об этом может быть неизвестно, а вот то, что я хожу по деревне с расспросами, его может очень волновать. Что еще раз подтверждает – преступник кто-то из духовских.

Утром пошел дождь. Пришлось доставать резиновые сапоги, чтобы без приключений добраться до деревни. Ромки дома не было, Христофоровна злобно тарасилась в телевизор, когда я заглянула к ней в комнату. Прямо день сурка какой-то.

На завтрак бабка потребовала сырники и компот. А я порадовалась в очередной раз. Не придется долго стоять у плиты. Переделав все домашние дела, я отпросилась у бабки прогуляться и направилась в Духовку. Дождь к тому времени уже закончился и выглянуло теплое солнышко. В принципе и сапоги-то можно было не надевать, особой грязи не наблю-

далось. Земля до того сухая стала, что впитала в себя всю долгожданную влагу, не превращая ее в кашу под ногами.

У дома Митяя вальяжно прогуливался толстый котяра, самого деда видно не было. Я решила снова попытать удачу и принялась долбиться к деду в дверь. Внезапно она распахнулась и старческий голос прокряхтел:

– Чего долбишься?! Чай не глухой!

Тут дед заметил меня и уже вполне доброжелательно сказал:

– А-а-а, Женя, проходи милая, не стой на пороге.

Я разулась и прошла в дом. Дед жестом пригласил меня за стол и принялся суетливо хлопотать вокруг. Из допотопного холодильника достал тарелку с окоченевшими блинами, трехлитровую банку с медом, зажег конфорку на старенькой плите и поставил облупившийся чайник. Вообще, надо сказать, все здесь было какое-то старенькое, как и сам Митяй, впрочем. Видно было, как не хватает женкой руки в доме. На кухне только самое необходимое: плита, холодильник, стол, два стула, да полуразбитый умывальник. Ни тебе занавесок на окне, ни коврика у порога, ни скатерти на обшарпанном столе столетней давности. Некстати вспомнила жилище тетки Кати. Вот уж что значит жилище старого холостяка. Все самое необходимое, по-спартански.

Все это время я молчала, не зная с чего начать расспросы. В итоге дед, не выдержав, спросил сам:

– Ну Женя, спрашивай. Не просто ведь так зашла. Мне

Петровна сказала, что ты тогда забегала. Да я больно торопливо убежал. Ты как ушла тогда, мне внучка позвонила, пришлось срочно все бросать и ехать. Только и успел что сумку захватить. Еле успел на автобус. А ты чего прибежала-то?

– Да я... Я про внучку вашу и хотела поговорить. Я слышала, что они с Ингой убитой подругами были.

– Дак это когда еще было-то?

– Поругались?

– А кто ж их знает. Да вот дружили, пока малые были. А как выросли, так и разошлись их пути-дороженьки. У каждой своя жизнь.

На плите засвистел чайник, и я было уже хотела подорваться, чтобы самой налить чай по кружкам, заботливо выставленным дедом, но тот остановил меня.

– Сиди. Чай я не у тебя в гостях.

– И что же, внучка сюда совсем не приезжает что ли?

– Нет, не приезжает. Своя у девки жизнь. Я токма к ней изредка заглядываю, – вздохнул дед, – Разве ж вам молодым интересно со стариками? То-то вот и оно...

Митяй снова вздохнул, плечи его опустились и сам он как-то враз сник. Мне стало ужасно жаль старика. Захотелось сказать что-то приятное, приободрить, но слова застряли комом в горле. Да и что тут скажешь?!

– Дмитрий Никанорович, а правда, что вы на флоте служили?

Дед лукаво на меня поглядел, выпрямился и как гаркнет:

– Свистать всех наверх!

Я засмеялась, и Митяй тоже вроде как расслабился, взгляд его снова потеплел.

– Я, Женя, привык один жить. Жена моя тридцать лет как померла. Внучка, единственная, между прочим, с отцом жила, сюда иногда на лето отправляли ее. Сам я в Духовку лет двадцать назад перебрался, места мне здешние больно понравились. Вот теперь тут и кукую.

Я не знала, стоит ли снова спрашивать про внучку. Очень не хотелось расстраивать деда. С одной стороны, он же вроде ясно сказал, что девушки не общались в последнее время. Но с другой... он мог и не знать вовсе.

– А внучка ваша сейчас где живет?

– До того в городе нашем жила, я хоть навещал иногда. А теперь представь, работу ей у черта на куличках предложили. Зато зарплата хорошая, может хоть квартиру купит. А то мыкается по съемным хатам. Далеко она теперь, даже и не съездишь... Остался я один-одинешенек, – дед вдруг отвернулся, и я заметила, как он украдкой смахнул слезы.

Ну вот, расспрашивать деда дальше у меня уже просто сил не было. И так довела старика до слез. Да и что толку-то? Говорит дед, что не общались девушки, с чего бы мне усомниться в этом? Еще одна ниточка к Инге оказалась оборвана. Я, красная от стыда, что потрепала душу Митяю, кое-как попрощалась с ним, пообещав заглядывать в гости почаще, и со всех ног бросилась подальше от дома. В какой-то

момент поняла, что у самой слезы наворачиваются от жалости к одинокому моряку. И тут же вспомнила маму. А что, если на вот так же украдкой смахивает слезу, жалея непутевую дочь и свое одиночество? Захотелось тут же позвонить ей и попросить прощения. Вернусь домой, сразу свяжусь с ней. На душе кошки скребли, и честно говоря, ничего уже не хотелось. Пришлось поуговаривать себя продолжить расследование, потому что образ Юрки, томящегося на тюремных нарах, никак не хотел развеиваться.

В деревне стояла какая-то гнетущая тишина. Лишь пару раз я встретила духовских, остальные будто вымерли разом. Никто не копошился в огороде, возле магазина не толпились мужики, и вообще, было полное ощущение, что я нахожусь не в веселой гомонящей на все лады, а в давно заброшенной деревне. Даже тетка Катя не курила на крылечке, а смотрела дома телевизор. Моему появлению женщина явно обрадовалась. С удовольствием она накрывала на стол, и мне вдруг стало смешно. Такое ощущение, что я хожу по деревенским в поисках завтрака, обеда и ужина. Ну ей богу, куда не приду. Везде меня спешат накормить. Причем спорить в данном случае бесполезно, а то и обидеть можно хозяина. Когда тетка Катя наконец уgomонилась, мы сели за стол, и я спросила:

– Теть Кать, а ты про Лану что-то слышала? Ну про внучку Митяя.

– Это про городскую что ли? Ну а как же. Тут все на виду.

Ты, наверное, хочешь спросить, что их с Ингой объединяло?

– А что, ничего?

– Ну как тебе сказать... Инга она добрая была, красавица, завистниц кругом море бескрайнее. Только она внимания особо не обращала на них. Ты же помнишь, что Анна Васильевна про нее говорила. А вот Лана...

– Завидовала Инге?

– Ох... Лана не страшенькая, конечно, была, да только до Инги ей как до неба. А еще она хитрая была. Пакость сделает, на Ингу свалит, и глаза такие честные-пречестные. Еще она открыто Инге ничего не говорила, да только мало от кого ее взгляд завистливый укрывался. А только Инга с ней и дружила. Другие Лану особо не любили в деревне. Приезжала редко, характер скверный был, капризная, все по ее должно было быть. Деревенские-то ее насквозь видели. И если Ингу девчонки за красоту терпеть не могли, то Лану за нутро. Не в обиду Митяю, но характер поганый был.

– Но выходит, что только Лана эта и дружила с Ингой?

– Выходит, что так. Да только Лану эту уж пару лет здесь не видал никто. Инга о ней ничего не говорила. В городе училась пока, может и общалась с ней, однако тут их вместе давно никто не видел.

– Ясно...

Мы еще немного поболтали о том, о сем, и тут я вспомнила, что давно хотела спросить:

– Теть Кать, а за что Христофоровна так духовских не лю-

бит? С вами вот только дружбу водит?

– О... дело давнее. Но если хочешь, расскажу тебе. Думаю, Христофоровна не обидится на меня. В конце концов все давным-давно быльем поросло. С чего же начать?

– С самого начала, – в нетерпении воскликнула я.

Катерина кивнула и неторопливо затянула свой рассказ.

– Предки Христофоровны испокон веков здесь жили. В семнадцатом вроде как расстреляли главу семейства, и все думали, не будет здесь Беляковых больше. Ан нет... Мать нашей Христофоровны, Марья Алексеевна, сюда вот вернулась спустя много лет. От усадьбы понятное дело одни стены остались – все растащили. Сама она как-то говаривала, что в Россию давно вернулась, скиталась, пока война не началась. В войну она вроде как медсестричкой была. А в Духовку уже с дочкой пришла. Кто там отец был, одному Богу известно, сама Марья все молчком. Нелюдимая была, ух и сторонилась деревенских. То ли ровней не считала, то ли прошлые грешки их забыть не могла. Кое-как обустроилась в мало-мальски уцелевшей комнатенке и стала знахарством заниматься. Общаться-не общалась, а лечить лечила. Жить-то как-то надо было. Медпункта здесь у нас не было тогда, далеко ехать надо было. А если что срочное? Роды например... Только и подпольными абортами женщина не брезговала. И вот доскакалась... Эх...

Тетка Катя замолчала ненадолго, сделала глоток чая, и продолжила свой рассказ. Хотя видно было, как нелегко он

ей дается.

– Однажды привел паренек один подругу свою, а им и было-то лет по шестнадцать что ли, к Марье. А девка возьми да помри. Девку схоронили, а вся деревня, и те кто лечиться бегал, и те, кто от плода избавлялся не раз, Марью прокляли и возненавидели. Как только не называли, чуть камнями не кидались. Такие вот дела... Но ты дальше слушай что было. Однажды, аккурат после похорон девчонки случилось, пока маленькая Сашенька пряталась в подвале, кто-то забил Марью до смерти, а сарай, где они с дочкой свиней да корову держали, подожгли. Убитую в подвал скинули, тот самый, где дочка пряталась. А девочкой той и была Сандра Христовна наша с тобой. Ух и натерпелась бедняжка, до сих пор ведь ей сны снятся. А уж сколько лет прошло...

– Наказали виновных? Нашли? —прошептала я.

– Да какой там... Хотя ведь деревенские все догадывались кто этот ужас совершил, да покрывали. До того ненависть в людях сидела лютая. Мало того, что дворянка бывшая, так еще и девку сгубила. Забыли только, скольким жизнь дала...

– И вы... вы тоже знаете, кто это был? Ну, кто Марью убил?

Катерина замолчала, руки скомкали очередную салфетку.

– Я могу только предполагать. Ну и говорили между собой так. Я хоть и не Духовская, однако слышала, когда Христофоровна сюда вернулась, как снова эту историю муссировали.

– Ну и кто? – я в нетерпении даже привстала.

– Парня той девушки звали Витя. Молчанов его фамилия была. Он потом женился, семью вот завел. Друг его, Леонид Костриков спустя год что ли погиб. Утонул в море. Ну а подружку Фасей звали. Афанасией значит.

– Как?! – я не смогла сдержать удивленный возглас.

Катерина согласно закивала. Видимо, мы обе подумали об одном и том же. Получается, что из трех убийц Марьи, до наших дней дожила одна из них. От второго оставалась внучка Инга. А третий после себя никого не оставил. И теперь я была почти уверена, что оба убийства связаны чьей-то ме-

стью. Только вот чьей? Кто столько лет спустя расправился с женщинами?

Между тем, Катерина продолжала:

– В общем Сандру в детский дом отправили. А спустя почти три десятка лет она в дом свой вернулась. Ну надо думать, на этот раз от не совсем уже ничего не осталось. Остов один, камни и те разнесли. По старым фотографиям Христовна усадьбу восстановила. С тех пор ни с кем из Духовских она и не общается. Со мной вот только. И то, потому что я не отсюда родом.

Катерина закончила свой рассказ, а я сидела словно пришибленная. Представляла себе перепуганную девочку, прячущуюся в подвале от убийц. Представляла, какой непередаваемый ужас она испытала, когда увидела рядом мертвую мать. Как сидела возле ее остывающего тела и плакала. Из моих глаз сами собой покатались слезы. Катерина тоже комкала салфетку в руках, уже не в первый раз переживая давние события. Так мы и просидели в тишине еще черт знает сколько времени.

Напоследок, перед уходом, я спросила у Катерины как мне найти дом Инги. Та указала на дом возле магазина и махнула рукой в знак прощания.

У магазина к этому времени столпились мужики, и я облегченно выдохнула. Хвала богам, а то уж я всерьез подумала, что и впрямь вымерли все. В окнах дома номер десять, где проживали Карина с матерью, от легкого ветерка колыха-

лись занавески. Это хорошо, значит дома, скорее всего, кто-то есть. Хотя поди их разбери, может деревенские, уходя из дома, форточки и вовсе никогда не закрывают.

Я тихонько постучалась и некоторое время подождала. В конце концов дверь приоткрылась и показалось заплаканное лицо Карины. Сердце пронзила жалость. Бедная девочка... нелегко ей, наверное, теперь. В таком юном возрасте пережить столь страшное потрясение – то еще испытание для подростковой психики.

Я ласково улыбнулась ей и тихо произнесла:

– Здравствуй, Карина, меня Женя зовут. Я из усадьбы у озера.

– Знаю, – почему-то зло ответила девчонка.

– Я бы хотела с твоей мамой поговорить, или с тобой, – начала я, но та меня перебила:

– Мама в больнице. А вы везде суετε свой длинный нос. Не надоело? «Идите отсюда подобру-поздорову!» — последние слова она почти прокричала, и захлопнула дверь прямо перед моим лицом.

Вот это да-а... Меня как ледяной водой облили. Интересно, чем же и когда я успела так насолить глупышке? Ну согласитесь, странная реакция, учитывая, что я вроде как убийцу Инги ищу. Так с чего бы девчонке на меня злиться?

Короче говоря, мне ничего другого не оставалось, как двинуться домой. Часы показывали полдень, а значит пора уже мою бабулю обедом кормить. На душе скребли кошки от все-

го услышанного и увиденного, и я не представляла, как буду смотреть Христофоровне в глаза. Однако, по прибытии домой, я обнаружила старушку в весьма приподнятом настроении, чему не могла не порадоваться.

Христофоровна с Ромкой чинно и благородно распивали чай на веранде. Однако, когда я подошла поближе, чтобы присоединиться к ним, то явственно услышала запах коньяка.

– Сандра Христофоровна! – кажется я слишком громко воскликнула, судя по тому, что старушка моя с перепугу выплеснула содержимое кружки на стол.

Ромка погрозил мне кулаком, плеснул в стоявшую тут же третью кружку и пододвинул стакан мне.

– Это мне что ли? – честно говоря, я удивилась донельзя, учитывая, что праздник вроде никакой не намечался, а пить просто так у нас до сих пор было не принято.

Я отодвинула стакан, но теперь уже бабка, нахмутив брови, пододвинула его мне.

– Ну хорошо, хорошо... За что пьем-то хоть?

– За дело. Чтоб выгорело!

– Что хоть за дело? – прочавкала я, закусывая хрустящим соленым огурчиком.

– Не твоего ума дело, – наставительно произнесла Христофоровна и показала Ромке, что надо бы подлить.

– Эй-эй... а вы уверены, что дела на пьяную голову решать надо? – возмущенно пропищала я, – К тому же, это у вас

дела, а у меня нет.

– Не бойсь! Завтра мы отъедем с Ромочкой, а ты на хозяйстве останешься.

– Куда хоть едете-то?

– К нотариусу. Надо дело одно закончить...

– А-а-а..., – я сделала вид, что меня совершенно не волнуют их дела, а сама принялась прикидывать, выгорит у них там с кладом, или нет.

Ромка все подливал, Христофоровна что-то бормотала, а мои мысли свернули в совсем ненужное русло. В какой-то момент я обнаружила себя ревущей в обнимку со стаканом и Христофоровной. Ощущение полной идиотии вмиг меня отрезвило и я, раскланиваясь и что-то лопоча, поспешила ретироваться с места импровизированной попойки. Шатаясь, добрела до своей комнаты, скинула одежду и завалилась на кровать. Последнее что я запомнила перед тем, как отключиться, это звук открывающейся двери и тихое сопение на ухо. Дуська...

Снился мне Денис. Точнее его жаркие поцелуи. Вот он нежно целует мои губы, глаза, ушко. Плавно ведет теплым языком к шее и ниже. Руки крепко сжимают груди. Я, разгоряченная и возбужденная, томно застонала и открыла глаза.

– Твою мать! Ты что тут делаешь?! – я подскочила с кровати как ужаленная и метнулась к окну, прикрывая обнаженную грудь руками. Дело в том, что вечером я ложилась в од-

них трусиках и никак не ожидала увидеть в своей комнате этого наглеца и негодяя Ромку. Надо сказать, вид у него сейчас был такой невинный и забавный – еще не ушла из глаз истома, и взгляд у Ромки был довольно придурковат. И в другое время я непременно расхохоталась бы, но точно не сейчас.

– Женя, – с придыханием промычал он...

– Для тебя Евгения Петровна! Пошел отсюда вон! – заорала на негодяя я.

Видимо вид у меня был и впрямь грозный, да такой, что Ромка от неожиданности подорвался с кровати и, с укоряющим взором, поспешил к двери.

– Нет! Подожди! – крикнула я.

Ромка в надежде оглянулся.

– Как ты тут оказался? Ты так и не ответил.

– Да я... я не помню, если честно, – прохрипел он и потушил взор, – Я вроде к себе вчера пошел, а проснулся здесь...

– Так я тебе и поверила. Да ты... ты... Ромка, не делай больше так. У меня мужчина есть, слышишь?!

Ромка промолчал, но кивнул.

– Не ходи сюда больше, хоть пьяный, хоть какой. В следующий раз я...

– Да не будет следующего раза, – перебил он, – ты можешь и не верить, а я правда не помню, как сюда забрел.

– Ну допустим, но какого черта ты целоваться полез?! Еще и за грудь шупал!

– Ну а кто бы на моем месте удержался, – хмыкнул он, а мне захотелось чем-нибудь в него запулить. Видимо, поймав взглядом мое движение в сторону тяжелой лампы, Ромка быстро скумекал, в кого она сейчас полетит и, тихо ойкнув, выбежал из комнаты.

А через минуту ко мне, не стучась, заглянула довольная бабкина морда и, громко хмыкнув, высунулась обратно.

– Идиотизм, – только и сказала я и пошла в ванную.

На Ромку я была очень злая и чувствовала себя, благодаря этому подлецу, чуть ли не изменщицей. Вообще, конечно, если уж совсем серьезно, за такие дела надо бы Ромке все его гениталии окончательно отбить. Ибо ну нельзя так делать, никак нельзя. Это хорошо, что я проснулась, пока дело до чего-то посерьезнее не дошло. А если бы я все думала, что это сон?! Вроде и не добровольно, и на изнасилование не тянет.

И вроде и упрекнуть себя не в чем, в конце концов, я заснула и проснулась в своей кровати и никого туда не приглашала, а все равно на душе было гадко и скребли кошки, будто это все целиком и полностью моя вина.

Бабка все утро хитро на меня поглядывала, я старалась игнорировать ее взгляды, но настроение портилось еще больше. Моим объяснениям старушка не поверила и теперь мысленно уже считала нас с Ромкой любовниками. Хорошо хоть этого придурка на завтраке не было, хватило ума не попадаться мне сегодня на глаза.

Когда они уехали, я быстро перемыла посуду, переделалась и направилась напрямиком в деревенский магазин.

Маринка была на своем рабочем месте, впрочем, как и всегда. Изредка начальник давал ей выходные, но не чаще раза в неделю.

– Чего тебе? – недовольно спросила продавщица и злобно уставилась на меня одним своим зеленым глазом.

– Картошки пару килограмм. И столько же помидоров. Лук красный и еще скажи... – тут я сделала паузу, и выждав с минуту, невинно поинтересовалась, – Вы с Афанасией часто дрались?

На этих моих словах Маринка выронила картошку из рук, и та с грохотом упала на грязный пол.

– Да ты охренела что ли?! Ты меня приплести решила, что ли?! – грозно зарычала она, а я, надо признаться, испугалась, но виду не показала.

– Ну почему же охренела? Почему приплести? – как ни в чем не бывало продолжила я, – Все знают как вы с бабкой друг друга терпеть не могли. Чем не мотив, а?

– Женья! Ты это брось! Да я ту каргу и пальцем не тронула. Хотя о покойниках так не говорят. Но только я ту каргу не убивала. Да я... да я... да я когда ее убили, с мужчиной была, вот! – воскликнула она, и потупила глаза.

– Да ладно? А как же Анатолий Петрович?

– А чего он? Нет же его. А я баба горячая, мне без этого дела никуда.

– Эх, Марина! Ничему тебя жизнь не учит. Только вот мужчина мужчиной, а откуда мне знать, что вы не вместе орудовали?

– Да тьфу на тебя, дура! Ну скажи ты мне, на кой ляд мне бабу грохать?! Да, не спорю, драться мы с ней страсть как уважали, но и только...

– Я может тебе бы и поверила, да ведь надо и свидетеля опросить...

– Да не надо никого опрашивать! Не надо! С Романом Витальевичем я была, – уже чуть не плача, пропищала Маринка.

– С кем? – не поверила я и даже потянулась ухом поближе к продавщице, думая, что ослышалась.

– Да с Ромой она была, с Ромой. С тем, который Христововны внук, – послышался голос тетки Кати.

Мы обернулись. Катерина с ухмылкой прислонилась к стене. В руке ее блестел огромный нож...

Мы с Маринкой попятились, а Катерина, меж тем, продолжила как ни в чем не бывало:

– Ты, Марин, совсем совесть потеряла. Вот Анатолий вернется, что ты ему скажешь, а? Дождесси ведь, совсем слепая будешь.

Прозвучало это очень зловеще.

– Погодите-ка, – взмолилась я, – вы серьезно хотите сказать, что Ромка к Маринке по ночам бегаёт?

Катерина закивала в ответ, вытянула руку с зажатым в ней

ножом, и двинулась к Маринке.

– Теть Кать, не надо, ты чего? – завопила я, и бросилась на, явно сошедшую с ума, женщину. Маринка завизжала и кинулась вглубь магазина, а тетка Катя неожиданно вскрикнула и отскочила от меня.

– С ума сошла?! Поранишься! – и спрятала нож за спину, – Чего хоть не надо-то, Жень? – удивленно уставилась она на меня.

– Как чего? Вы с ножом, да на Маринку... и я вот подумала...

Катерина непонимающе смотрела на меня. Смотрела, смотрела, да как засмеется...

– Ой, Женя, ой не могу... вечно ты все с ног на голову переворачиваешь! Да неужто ты всерьез подумала, что я с ножом по деревне бегаю, чтобы кого-о прирезать?

Я молча опустила взгляд, и лишь слегка кивнула в ответ.

– Ну ты даешь... да уж, Женя, сыщик из тебя никудышный.

– Это чего это? – внезапно обиделась я, – Маринка вон тоже деру дала...

– Да зачем бы мне это было нужно, ну подумай сама! Каков мотив я тебя спрашиваю? За каким таким лешим мне бросаться на Маринку? Да и разве ж я бросалась? Да я еле ноги передвигаю, тоже мне гепарда нашли... Эх...

– А зачем же вы тогда с ножом бегаете?

– Сама ты бегаешь. У меня нож совсем затупился, а куда точилку дела, ума не приложу. А у Маринки точно есть, Леша, начальник ейный, мне в прошлый раз заточил.

Я только крякнула в ответ. Вот уж точно, опростофилилась ты, Женя...

– Зови давай свою подругу по несчастью, – засмеялась Катерина, – Ну надо же, кому расскажу – не поверят.

В итоге с Маринкой я кое-как договорилась, и она, опасно взирая исподлобья, наконец, вышла из своего укрытия. Точилку нашли спустя минут десять. А я решила не упускать возможности поспрашивать женщин о том, о сем, в том числе и о Ромке.

Честно говоря, удивление мое было безмерным, ибо я конечно все понимаю, да только вот никак не ожидала от него такого фортеля. Нет, ну возможно когда-то Маринка и отличалась красотой, но сейчас об этом помнила, верно, только она одна. Не в обиду девушке, а все же частые возлияния и отсутствие одного глаза не делали ее привлекательной от слова совсем. Что нашло на Ромку, когда он решил спать с Маринкой, тот еще вопрос. С другой стороны, вкусы у всех разные... И это совсем не мое дело.

Мои размышления не остались незамеченными. Маринка насмешливо посмотрела на меня и протянула:

– Думаешь, я не понимаю, чего ты глаза закатила?! Да конечно... ты же у нас вона какая красотка, фифа, да еще небось и в институтах училась. Не чета нам. Да я тоже вот

раньше красоткой была. Не веришь? У любого спроси. И Ромка меня такой еще помнит.

– Да я ничего такого не думала, – смутилась я.

– Ага, оно и видно, – засмеялась Маринка. – Будто не вижу я, бреши больше. И вообще, он может и не хотел особо. Я его ммм... подпоила чутка.

– Два раза? – ахнула я, представив себе сию картину.

– Почему два? Раз пять так точно было, – Маринка не прекращала смеяться, – А он походу и не против был. Правда напивался в зюзю, видать, чтоб рожи моей не видать.

Я, если честно, вообще не знала, что тут сказать. Ну дело двоих, мне-то что?! Ромка мужик, физиология видимо разыграла, вот и справлял нужду, как мог. В принципе мне было ровным счетом все равно, по крайней мере я усердно пыталась себя в этом убедить.

Мы еще немного поболтали о том, о сем, правда ничего принципиально нового мне узнать так и не удалось. Зато Маринка пообещала составить список всех, кто сейчас проживает в деревне, благо знала каждого в лицо и поименно.

Ромка с Христофоровной еще не приехали, и я деловито принялась за готовку. Захотелось побаловать себя и бабулю чем-то особенным, и я полезла в интернет в поисках чудо-блюд. Чудо-блюд нашлось много, но все они были безумно замороженными, и оттого я решила ограничиться пастой и томатным супчиком.

Настроение, как ни странно, было просто отличное, быть может потому, что я буквально кожей чуяла – я на правильном пути. О Денисе старалась совсем не думать, потому что от дум таких только слезы и нервы, а толку ноль. Он же сказал, что все в порядке, что он далеко и в безопасности, а значит так оно и есть. И нечего себя накручивать. Причин не верить в это у меня уж точно не было.

Время близилось к трем, когда позвонила бабка и сказала, что они подъезжают. Голос ее был весел и это весьма обнадеживало. Будем надеяться, что с кладом там что-то понятнее станет, а значит Ромка от нас вскорости съедет и заживем мы с Христофоровной лучше прежнего.

Как только я положила трубку, телефон запиликал вновь. Звонила Ленка. Я даже немного подумала, отвечать на звонок, или не стоит, но потом устыдилась своих мыслей и нажала «принять вызов». Ленка звонила с радостными (для нее) новостями. Оказалось, что на днях она закрутила роман со

следователем прокуратуры, которому и поведала о своей печали, имея ввиду, конечно же, ограбление. Надо полагать, Ленка не сообщила новому возлюбленному при каких обстоятельствах это произошло, но только тот, стараясь произвести на даму впечатление, буквально за день нашел этого Казанову. А вместе с ним и часть Ленкиных побрякушек. Тех, что тот еще не успел сбыть.

Я слушала подругу вполуха, периодически поддакивая, а сама накрывала на стол. Нет, не подумайте ничего такого, я была крайне рада за подругу, ну вернее за то, что хотя бы частично награбленное благополучно вернулось к законной хозяйке. Просто зная Ленку, я в принципе была уверена, что это ненадолго. Подружка – мастерица влипнуть в истории, а потому я могу со стопроцентной уверенностью сказать, что через неделю-две, ну максимум месяц, Ленка снова позволит мне с какой-нибудь душеспитательной историей в слезах и проклятиях в адрес всех мужиков на свете. Короче говоря, я еще минут десять слушала о том, какой лапочка и душка ее новый возлюбленный, а потом еще некоторое время отбивалась от нахлынувших в мой адрес вопросов. Еле-еле отшутившись, я сослалась на срочные дела и невозможность продолжать разговор и, выдохнув, отключилась.

Вскоре приехали домочадцы. Ромка выглядел безумно довольным, быстро поел, поблагодарил за обед, и убежал к себе в комнату. Бабка выглядела загадочной, но настроена была весьма благодушно. Из всего это я сделала вывод, что де-

ла у них прошли отлично и скоро можно ожидать внезапно-го Ромкиного обогащения. Эх... Вот бы и мне хоть одним глазком взглянуть на клад... Ну интересно же посмотреть на сокровища столетней давности.

Пока я мечтала, а бабуля с довольным видом вкушала яства, на мой телефон пришло уведомление, что со мной пыталась связаться Маринка. Извинившись перед Христофоровной, я выскользнула в холл и перезвонила продавщице. Маринка спросила, как лучше прислать список, договорились, что фото списка будет удобнее всего. И вуаля! Через минуту я стала обладательницей всех фамилий и кратких биографий жителей Духовки, заботливо выведенных Маринкиной рукой. Я бегло осмотрела список, всего шестьдесят человек, из них пятнадцать детей от нуля до восемнадцати, двадцать стариков старше семидесяти, ну и все остальные. Я убрала телефон в карман, вернулась на кухню, перемыла посуду и прибралась. Христофоровна ушла отдыхать, мне тоже особо нечем было заняться и поднялась к себе.

Целый час ушел на то, чтобы переписать все фамилии к себе в тетрадку. Еще столько же на подробное изучение родственных связей, которые Маринка тоже не поленилась обозначить. С умным видом я пыталась анализировать имеющуюся информацию, но так как, если честно, анализировать было в общем-то нечего, то весь мой мозговой штурм был практически бесполезен. По крайней мере ничего нового ни о ком я не узнала. Ну фамилия, ну характер человека, дети

его...

Мне-то что с этой всей информации? Мне бы список тех, кто жил здесь во время убийства матери Христофоровны. Тогда можно хоть как-то будет отследить, кто из тех жителей жив до сих пор, кто мог реально отомстить убийцам, или их потомкам... И почему именно сейчас это случилось? А не скажем пятьдесят, или тридцать лет назад? Все-таки меня смущал столь долгий срок осуществления мести. Хоть она и холодное блюдо, но не настолько же.

Выглянув в окно, я обнаружила, что вечер обещает быть томным и теплым. Я прихватила кофту, книгу и бутылку вина и спустилась вниз. В доме стояла тишина. На улице и впрямь было тепло и даже комары и мошки не смели нарушать идиллию теплого июньского вечера. Над гамаком, куда я улеглась с новым детективом, ярко светил фонарь и не заметить меня с улицы было невозможно. Все это я анализировала уже потом, после того, когда мимо моего носа пронесся внушительных размеров камень. За решетчатым забором раздался топот убегающих ног и я, подорвавшись со своего места и бросившаяся было вслед за негодеем, успела увидеть лишь развевающееся белое нечто.

Что ж... выходит мне уже и голову решили размозжить, перешли от слов к делу, значит... Против ожиданий преступника, страшно мне не стало. Напротив, в душе бушевали гнев и злость на подлого хулигана. Задолбали. Завтра же позвоню Иванычу, пусть ищет отморозка. Никакой жизни от

этих подростков. А то, что это кто-то из деток развлекается у меня уже не вызывало никаких сомнений. Ну не поверю я, что взрослый человек будет заниматься такой ерундой, наряжаясь в белую простыню и кидаясь камнями через забор. Да и вспомнила записку, слишком по-детски была составлена угроза.

Злилась я еще и от того, что мне не дали в полной мере насладиться приятным во всех отношениях вечером и новой книгой, надо сказать, очень даже захватывающей. В итоге, растрепанная и сердитая, я потопала домой. Заглянув к Христофоровне, обнаружила старушку мирно спящей с включенным телевизором. Телевизор я выключила, так же как и свет, и сонно пожелала доброй ночи уже спящей старушке. Из-под Ромкиной двери виднелась полоска света, не спит значит, дневник небось читает. Хотя чего удивляться, он же не бабушка старенькая, чтобы засыпать в одиннадцать вечера.

Уснула я быстро, и тихо и мирно проспала до самого утра, пока меня не разбудил отборный мат и крики Христофоровны. Я подорвалась с кровати и, накинув халат, выскочила в холл, где растрепанная и злая бабка метала гром и молнии.

– Что случилось? – попыталась перекричать я Христофоровну.

Да куда там... бабка наглым образом игнорировала мой вопрос и продолжала орать и материться, что было мочи. На-

конец, она выдохлась и резко замолчала. Затем мутно посмотрела на меня, махнула рукой и... разревелась. Я, не зная, как реагировать на столь экстравагантное поведение старушки, не нашла ничего лучше, как обнять ее. Пока я гладила Сандру по голове, та всхлипывала и завывала, сотрясаясь всем телом. Наконец, выплакав все свои слезы, Христофоровна взяла себя в руки, исподлобья взглянула на меня и тихо сказала:

– Ромка, собака, клад упер...

– В смысле? – спросонок я никак не могла взять в толк, что, собственно, вообще происходит.

– В смысле, спер клад и умотал с ним.

– Куда?!

– А хрен его знает! В жаркие страны, наверное, – печально вздохнула старушка.

– А вы как же? Это же ваш клад?! – возмущенно воскликнула я, совсем забыв о том, что я якобы и знать не знаю ни о каком кладе. Впрочем, Христофоровна не обратила внимания на мою оговорку.

– Вот именно! – воздела к потолку указательный палец Христофоровна, – Был и есть мой клад. Да только, – она снова вздохнула, – только этот гад пустышку вытянул. Опрофанился Ромка-то...

Я взмолилась, чтобы Сандра последовательно все поведала, иначе у меня ничего не получалось понять. Однако история оказалась стара и проста как мир.

– Дед мой, – Христофоровна устроилась поудобнее за столом и начала свой рассказ, – и впрямь зарыл клад тут, на территории усадьбы. Разгадку местонахождения клада, надо сказать, довольно простую, он оставил в дневниковых записях. Да и усложнять там чего-то не было смысла, сам-то дневник у мамочки моей хранился. А она, бедняжка, никак не могла кладом воспользоваться, хоть давно и рассекретила место, где он лежал. В те годы, сама небось знаешь, небезопасно было обнародовать такое богатство, да и что бы она получила с того клада?

Христофоровна ненадолго замолчала, пока я разливала чай по кружкам, и задумчиво поглядела в окно. Прошло не менее десяти минут, прежде чем она заговорила снова.

– Зато я-то с детства наизусть знала, где дедов сундук хранится. Дневник берегла как главное сокровище. Он мне дороже всех кладов был, единственная память о предках. Ну а как выросла я, да как возможность появилась, откопала тот клад-то, а там добра видимо-невидимо. Золото и камни драгоценные. Я почти все тогда продала, ну и открыла бизнес, чтобы ни у кого не возникало лишних вопросов откуда у меня столько денег. Потом уже отстроила усадьбу и на этом деньги те закончились. Правда бизнес доход-то приносил хороший, на то и жила.

Христофоровна снова замолчала, отхлебнула чай из кружки, подумала немного и продолжила свой рассказ:

– Подруга у меня была, с детского дома еще. Огонь и воду

с ней прошли. Я-то детей не нажила, а у Таськи, так ее, упокой господь душу ее, звали, дочка вначале уродилась, затем внучек Ромка. Таська-то лет двадцать назад померла, а дочка ее на пять лет всего пережила. Ну я Ромку себе-то и забрала, ему тогда всего-то двенадцать годков было, один остался-одинешенек. Я такая же, как он, вот и подумала, что вместе оно всяко веселее будет.

И снова Сандра замолчала, на это раз уже совсем надолго, а я не решалась торопить ее, понимая, что говорить ей все труднее и горше. Так мы и сидели с полчаса, молча допивая остывший чай. Честно говоря, я думала, что Христофоровна и не будет продолжать, но она все-таки заговорила.

– Мы ведь с ним душа в душу жили, пока я не стала замечать всякие странности. Я вначале-то верить не хотела, дура глупая, а Ромка беззастенчиво меня обирал, понимаешь?! – воскликнула бабуля. Глаза ее наполнились слезами, которые она небрежно смахнула рукой.

– Деньги стали пропадать, вещи какие-то. Пришлось даже уволить людей, что в доме работали. ну знаешь, приходили две женщины иногда по хозяйству помочь. Пока я не решилась признать то, о чем мне они не раз талдычили. Ромка тащил все, что плохо лежало. Я-то ведь искренне любила и жалела непутевого парня. Я-то надеялась, что он перерастет свои закидоны и в конце концов образумится. Сколько раз я прощала воришку, по пальцам не пересчитать. А он ведь какой тоже... знала бы ты, как он умел манипулировать, как

на жалость мою давил, мол сирота и прочее бла-бла. Я-то ж свое детство тоже помнила, вот и велась, убогая. Умом-то я, главное, понимала, что ну не обязана я век содержать мальчишку, пусть даже и взяла когда-то на себя такую ответственность. А все думала, одни мы друг у дружки...

Я встала, чтобы заварить новый чайник, а бабуля моя все говорила и говорила.

– Короче говоря, пока я, как последняя из всех дур на свете, верила в то, что Ромка с годами изменится и поумнеет, тот все тащил и тащил все, что плохо лежало, ну и, в конце концов, терпение мое лопнуло. Я вдрызг разругалась с внучком и отослала его жить домой, в город. Надеялась, что там уж дурень точно станет серьезнее и перестанет валять дурака. Устроится на работу и будет сам обеспечивать себя, не получая никакого содержания. Возьмет, так сказать, ответственность за свою жизнь в свои руки. К себе его я не приглашала, а он и не звонил, обидевшись видать раз и навсегда. И вроде наладилась жизнь-то... да только я все равно справляясь о делах Ромки. Потихоньку и правда вроде работать начал, худо-бедно справлялся. Я радовалась, что вот дитяtko в человека превратилось, да куда там...

Пока Христофоровна рассказывала свою горькую историю, на кухню вальяжно вошла Дуська и принялась крутиться возле моих ног, выпрашивая еду. Я насыпала кошке корм в миску, и та с жадностью набросилась на него. Нагулялась видать... оголодала совсем. Христофоровна, глядя на Дусь-

ку, усмехнулась и погрозила той пальцем. А когда кошка доела, поманила к себе. Дуська, довольно мурлыча, улеглась у ног Сандры и та, прикрыв глаза, продолжила.

– А тут, ты знаешь, я ведь в больницу попала. Раз попала, другой, третий... Ну и задумалась я о бренности своего бытия, так сказать... оно ведь как, надо бы наследство по уму девать куда-то. Кроме как Ромке, больше некому оставить дом и все непосильно нажитое. Ну и пришла мне в голову тогда мысль, «гениальная идея» так сказать, – проверить Ромку на вшивость. Сундук-то тот у меня ж сохранился, ну я и накупила камушков самых дешёвых, ими «клад» и набила. Зарыла его ровно в то место, откуда сама выкопала много лет назад. Позвонила Ромке, сказала, что умираю, и хочу вот ему поведать про сокровище. А этот, – тут бабуля скорчила гримасу, – тут же примчался, вмиг позабыв про все свои обиды и очень «печалась» возможной скорой моей кончине. Я ему тут же про клад поведала и про то, как к нему можно подобраться. А еще про то, что получит Ромка его после моей смерти... коли найдет его.

Христофоровна улыбнулась при последних словах, и попросила разогреть чего-нибудь съестного. А я подумала в тот момент, что рассказ ее никогда не закончится.

– Мы, значит, к нотариусу поехали, ну ты помнишь... А нотариус возьми да исчезни. Тут надо сказать, что дядька-то нынешнего нотариуса не так давно почил. Мы с ним ведь

много лет работали, он все-все мои дела знал. И про клад в курсе был и про дневник. Как-то, от нечего делать, рассказала ему. Опасаться-то нечего было, все давно выкопано. А тут он значит помер, и дела его все племяннику перешли. И вот этот самый племянник черте что творить начал. Два раза не приходил на встречу, якобы дела у него. Какое-то время вовсе не брал трубку, шельмец. Вот вчера, наконец, встретилась с ним я, да только в последний раз, будь он неладен. Надо другого бы подыскать. Вот кстати, займешься этим...

Я в ответ закивала головой.

– Ну и вот. Ромка, как я и предполагала, не стал дожидаться, когда я помру. Решил, значит, забрать весь клад себе и уехать с ним в неизвестном направлении. Да только недооценил меня внучек.

Бабуля горько вздохнула и опустила плечи.

– Быстро же он расшифровал дневник, – только и сказала я.

– Дак там проще некуда. Сто шагов на север, пятьдесят на восток, двадцать на юг, сто на восток, пять на север. В дневнике всего-то десять глав, которые и начинаются с ключевых слов. Дурак не поймет. Это ведь дед написал лишь для того, кто знал, что клад есть. А кто не знает, так и не уразумеет ничего.

– Странно, что Ромке в голову не пришло, что вы давно клад-то отрыли, – удивилась я.

– Поди совсем душой меня старой считает, – скривилась в

ухмылке Христофоровна.

На этом рассказ закончился, а мы все продолжали сидеть в полном молчании, думая каждая о своем. Грустили мы грустили, пока я не достала из бара сливовой наливки.

Бутылка ушла быстро. Пришлось открывать вторую. На третьей мы плавно переместились на веранду, и Христофоровна первый раз после долгого перерыва затянула любимую трубку. Дым кольцами убегал в синее небо, спрятавшее солнце. А нам казалось, что это мы виноваты в том, что солнце больше не светит, и запивали свои беды наливкой, и выплакивали свои обиды горючими слезами.

В конце концов я рассказала бабке, что знаю про ее детство, на что Христофоровна поманила меня в дом, и, шатаясь из стороны в сторону, сама направилась к подвалу.

У противоположной стены, в дальнем углу она осветила фонариком, захваченным с собой, что-то наподобие алтаря, который я в прошлый раз не заметила. Иконы висели и стояли на грубо сколоченной полке в окружении церковных свечей. В центре стояла старая потрескавшаяся фотография, каким-то чудом уцелевшая с незапамятных времен. Мне и спрашивать не нужно было, чтобы понять, что на фотографии изображена мать Христофоровны. Там же, в углу стояла маленькая деревянная скамеечка, где Сандра, видимо, сидела, когда спускалась в подвал.

Я вспомнила, как она просила меня не ходить сюда, и какой же стыд я испытывала сейчас за то, что вообще когда-то сунулась в священное для нее место. Понимала я так же и

то, что так как Христофоровна, не зная, где похоронена ее мать, считала ее могилой место смерти. Здесь она раз за разом проживала ту страшную ночь, так и не отпустившую ее за эти долгие пятьдесят с лишним лет.

И еще я поняла, что бабуля не просто так доверила мне свою сокровенную тайну. И я пообещала себе, что постараюсь стать своей старушке надежной опорой и верной подругой, пусть и разница в возрасте у нас почти в полвека. Потому что нельзя человеку быть совсем одному... человеку обязательно надо быть кому-нибудь нужным!

Через некоторое время я уложила мою бабулю спать. Дверь закрывать не стала, мало ли что... Сама спустилась на кухню, мне вдруг жутко захотелось чего-нибудь съесть. Я уже заканчивала свою трапезу, когда от удара лопнуло и разлетелось брызгами оконное стекло. Я сидела спиной к окну и очень порадовалась, что пара стекляшек впились мне в спину, а не в лицо, например. Честно говоря, в тот момент я была в таком шоке, что даже не сразу поняла, что в общем-то произошло. Спину немного щипало, я быстро стащила с себя футболку с капельками крови. Эх... самой-то никак не дотянуться. Я подбежала к зеркалу в холле, так и сяк пытаюсь рассмотреть ранения. Хвала богам, лишь пара царапин чуть ниже шеи. Огорчало то, что осколки могли остаться под кожей и самой осмотреть спину как следует никак не выйдет. От бабули моей толку особого не будет, а значит придется

все-таки идти в деревню. Я вернулась на кухню и тут только вспомнила, что вообще-то окно не просто так разбилось и пора бы уже исполнить свой гражданский долг. Я ведь так и не позвонила Иванычу, хотя собиралась сегодня это сделать. Я подняла камень, к которому снова была прикреплена записка. Я развернула ее и прочитала: «Это последнее предупреждение» ...

Иванычу я позвонила, и, когда он примчался спустя полчаса, поведала все, что приключилось со мной в последние дни. Тот ожидаемо обозвал меня пару-тройку раз душой, вздыхал и отвез в медпункт в соседнюю деревню, где местная «доктор Куин, женщина-врач» обработала спину и пообещала, что до свадьбы все заживет непременно.

Иваныч клятвенно обещал разобраться и найти хулигана, фокусы которого хулиганскими уже язык не поворачивался назвать. Прощаясь, Иваныч с болью во взоре вновь попросил меня никуда не лезть, аргументируя это тем, что я не кошка и жизнь у меня одна. Я чуть не прослезилась от такой отеческой заботы, и... Ну и что я должна была ему ответить?! Конечно же я заверила участкового, что ни-ни, ни на мизинец не полезу в пекло. А сама подумала, что неплохо бы наведаться в городскую школу... Да, жизнь меня ничему не учит, я как Мэри Сью прям, только всамделишная. Такая себе деревенская Мэрисьюшечка.

Обратно я предпочла добираться сама, не хотелось напрягать Иваныча, и так отняла много времени, а дел у него, я

уверена, и без меня по горло.

По пути я заглянула к Катерине и попросила ее завтра посидеть с Христофоровной пока меня не будет. Объяснила тем, что мне срочно нужно съездить по делам. Я была почти уверена, что Сандра вряд ли будет возражать против моей поездки. Во-первых, ее я планировала недолгой, во-вторых, обед я приготовлю заранее, а завтраком сама накормлю старушку перед отъездом, ну и в-третьих, Христофоровне сейчас явно не до меня и может даже лучше будет ей побыть некоторое время с подругой. В конце концов общего у них несоизмеримо больше, все-таки сто лет друг друга знают, да и по возрасту дамочки более близки.

Катерина заверила меня, что я могу сколько угодно заниматься своими делами, она, мол, с радостью проведет время с Сандрой. Довольная, я поскакала домой, где уже проснулась и грустила в одиночестве моя бабуля. Я рассказала ей о своих планах на завтра, поинтересовавшись, не против ли она. На что Христофоровна только рукой махнула. Но видя мое замешательство еще и головой кивнула. Вот и славно.

Мы поужинали, затем весь оставшийся вечер смотрели очередное ток-шоу и даже вяло пытались его обсуждать. Часов в девять глаза начали слипаться, и я предложила старушке разойтись почивать. Уснула я сразу же, как только голова коснулась подушки.

Снился мне Денис. Я стояла на пирсе и махала ему мокрым от слез платочком, а он слал мне воздушные поцелуи

с уходящего вдаль корабля. Я уже готова была броситься за ним в воду, догнать и плыть с ним... Но тут... чьи-то руки обвили его грудь, пробежались по ключицам и сомкнулись на шее. Темные каштановые волосы упали на его плечи. Я хотела закричать, прогнать ее, но слова застряли в горле, когда на меня смешливо уставился ее один единственный глаз...

Боже, как хорошо, что будильник прервал это дурацкий сон. Мне теперь эта Маринка везде мерещиться будет. Ходит тут понимаешь, стреляет глазом.

Уже в девять Катерина стояла на пороге с корзинкой пирожков, словно Красная Шапочка. Я быстренько накрыла на стол, а сама побежала собираться, не хватало еще на автобус опоздать.

К школе я подходила уже не один раз прокрутив в голове возможный диалог с директрисой. Во чтобы то ни стало мне нужно понять, могла ли она быть причастна к убийству Инги. Хотя я все-таки думаю, что нет. А если да? Короче говоря, я в очередной раз я подивилась собственной кашей в голове, но упорно шла к цели.

На входе охранник, уже другой дядька лет сорока, мрачно потребовал документы, если я желаю пройти в школу. В

этот раз я мудрить не стала и заранее позвонила директрисе, номер которой еще вчера нашла в интернете на школьном сайте. Я показала ему паспорт и тот, не сказав ни слова, пропустил меня.

Зоя Тимофеевна, как и в прошлый раз, сидела за своим столом и недовольно зыркала на меня своими рыбьими глазами.

– Мы с вами все обсудили в прошлый раз, или я ошибаюсь? – сквозь зубы процедила вредная тетка.

– Все – да не все... – я, так и не дождавшись приглашения, сама прошла к столу и, отодвинув стул, с шумом на него села. – Вы забыли сказать, что Инга увела вашего мужа. Ну или кто он вам...

При этих словах Зоя шумно выдохнула. В глазах блеснула такая неподдельная ярость, что я на мгновение испугалась. То, что тетка в порыве злости способна на глупости, было видно по ее перекошенному от гнева лицу.

– Кто. Вам. Такое. Сказал?! – по слогам произнесла она.

– Я не могу вам раскрыть моего информатора, простите, – ответила я с таким видом, что чуть не лопнула от собственной важности.

– В таком случае я не обязана отчитываться перед вами. Всего доброго.

– Передо мной нет, а вот в полиции придется ответить на пару вопросов. Кстати, они к вам приходили вообще?

– Нет. Ко мне никто не приходил, – прошипела директри-

са.

– Угу. Ну значит они пока никак не связали убийство Инги и ее похождения с вашим мужем. Зато, когда я расскажу им...

Зоя Тимофеевна кусала губы, руки ее мелко дрожали. Я уже подходила к двери, когда она крикнула:

– Стойте!

Я послушно остановилась, она нетерпеливо кивнула мне на стул.

– Я не знаю, кто хотел меня опорочить, но знайте, что этот человек врет. Мой муж никогда не спал с Ингой.

При этих словах я скептически ухмыльнулась, а Зоя едва не расплакалась. По крайней мере скорчила такую гримасу, что мне невольно стало ее жаль.

– Нет, правда! Я вообще склонна доверять ему... он... он хороший человек. И тогда, когда это все случилось... Он просто не хотел меня волновать. Она его домогалась!

– Кто? – не поняла я.

– Инга эта. Провоцировала на измену. Они часто пересекались на работе.

– Погодите-ка, а что, вам муж работает в школе? – вот так новость.

– Да, он учитель информатики. Ну вот, казалось бы, зачем он ей, а? Ну хоть вы мне скажите, зачем вам, молодым девчонкам, немолодые женатые мужчины с маленькой зарплатой?! Потешиться? Поиграть и выбросить? – и она с таким

видом на меня посмотрела, будто я только этим и занималась, что уводила чужих старых мужей из семьи.

– Она преследовала его, звонила нам домой, дышала в трубку... Я-то не знала, что происходит, а он догадывался. Она признавалась ему в любви, плакала даже... Это уже он мне потом рассказывал. Честно, мне жаль эту девочку. Она была неплохим человеком, но все, что связано с сексуальностью у нее было гипертрофировано.

– И вы не грозились ее убить?

– Я?! – Зоя так натурально удивилась, что я в очередной раз убедилась в ее непричастности.

– Ну да... И уволили поэтому тоже.

– Да нет же! Я уволила ее еще когда. А про это вот все узнала, когда муж мне случайно проболтался.

– И вы решили ее убить, – подсказала я.

– Да вы с ума сошли! А смысл? Через столько времени, когда она давно уволена и работает в своей деревне?

– Ну может вы опасались, что старые раны не зажили и она по-прежнему любит вашего мужа? – не сдавалась я.

– Глупости! К тому же, можете мне верить или нет, но мужу я своему все-таки доверяю, даже если после этого выгляжу полной дурой в ваших глазах. К тому же, узнала про ее приставания я уже после того, как вы мне про ее убийство рассказали. После вашего прошлого прихода я рассказала ему, что убили учительницу, что в нашей школе работала. А он, когда услышал о ком речь, так и сказал, что навер-

няка за шашни ее. Ну и про вот это все тоже рассказал... Знаете, вот мой вам совет...

– Да? – я уже направилась к двери, потому что спросила, как мне казалось все, что могла.

– Ищите там, где вы слышали эту гнусную сплетню.

Я обернулась и в упор посмотрела на директрису.

– Где ваша секретарша?

Та недоуменно пожала плечами:

– Я ее уволила. Полная, полная, знаете ли, некомпетентность. И к тому же я не люблю людей, которые... которые... в общем не люблю таких людей...

И только она это произнесла, как во взгляде ее промелькнула догадка.

– Это она? Она вам такое сказала, да?

Я молчала, но мое молчание было красноречивее всяких слов.

– Вот дрянь какая! Она мне никогда не нравилась. А как на работу просилась, плакала знаете... я ее пожалела, только ругала, что курит все время. У нас все-таки школа, что это за пример такой ученикам. Но все равно я ей помогала, она вначале такой забитой, тихой казалась. А потом стала ко мне с донесениями бегать. Ну знаете, рассказывать кто что сказал, сделал. А мне это не нужно. Я не собираюсь следить за собственными работниками.

– Как думаете, зачем она оболгала вас? И вообще, мне она рассказывала совсем другие вещи. Будто это вы ее заставля-

ете стучать, – ляпнула я.

Зоя покраснела, а мне стало стыдно.

– Вот вы и подумайте, зачем бы ей это могло быть нужно!
Всего доброго.

– Подождите, прошу... Покажите мне ее личное дело.

Уверена, что в другое время Зоя никогда бы не дала мне чужие данные, но здесь шла речь о ее репутации, и потому она, нисколько не сомневаясь, принялась искать папку среди десятков прочих, которыми был забит большой светлый шкаф.

Прошло, наверное, минут десять, но папка никак не находилась. В конце концов Зоя развела руками.

– Ума не приложу, куда оно подевалось. Может быть в отделе кадров осталось? Только кадровичка сегодня выходная, дела у нее срочные. Вот незадача.

– Но оно мне очень нужно, – взмолилась я.

– Как-будто я не понимаю! Давайте так поступим: я постараюсь сегодня-завтра добыть его и скинуть вам на почту. Диктуйте мыло.

– Спасибо вам большое! – она кивнула и махнула рукой, видимо, уже едва вынося мое присутствие.

Я вышла на улицу и вдохнула свежий воздух. До автобуса еще два часа. Можно со спокойной душой прогуляться. Я шла, полностью погруженная в свои мысли. Мне никак не давали покоя слова Светы. Она соврала про то, что давно

не курила. Про то, что директриса заставляет ее стучать на коллег. Про то, что начальница не хочет ее увольнять и очень ценит. Про то, что муж Зои изменял ей с Ингой. И про то, что Зоя обещала убить Ингу.

Кошмар... а было ли вообще что-то, о чем Света не вралла? Получается каждое ее слово теперь можно подвергнуть сомнению. Вопрос только, зачем ей это было нужно? Ведь не просто же так она нагородила такой огород, попутно оклеветав начальницу, да не просто оклеветав, а фактически обвинив ее в убийстве.

А что, если девчонка обычная врушка? Ну знаете, бывают такие патологические лгуны, которых хлебом не корми, дай только приукрасить или выдумать что-либо. Эх, как жаль, что личное дело так и не нашлось. Я бы уж сейчас знала ее адрес и могла бы наведаться к врунишке.

Размышляя таким образом, я не заметила, как ноги сами принесли меня к торговому центру, тому самому, в котором я в прошлый раз так и не дождалась Дениса... Как-то так вышло, что он как раз находился по пути. Подумав, что это знак свыше, я решила зайти выпить кофе, а заодно подумать, что делать дальше. В этот раз я уселась поближе к выходу, возле деревянной перегородки, отделяющей кафе от торговых площадей. Наслаждаясь ванильным мороженым и нежнейшим латте, я лениво наблюдала за редкими посетителями торгового центра. Внезапно взгляд мой привлек высокий парень в черной футболке. Темный ежик волос, широкая спи-

на, уверенная и такая знакомая походка... Он отдалялся все больше, когда я, сама не узнавая свой голос, крикнула:

– Денис!

Мне показалось, что плечи его дрогнули, он на секунду остановился и... так и не обернулся.

– Ну конечно, дурилка, конечно, ты ошиблась, – прошептала я, и слезы предательски навернулись на глаза.

И все же глубоко в душе я знала, чувствовала, это был он...

Когда я приехала домой, мои красавицы, уже изрядно напившись наливки, оставшейся еще с прошлого раза, играли в карты. На деньги. Ну хоть не на раздевание и то хорошо. Я подивилась и покрутила пальцем у виска, на что эти две алкогольвицы что-то там зароптали и даже сделали попытку развести меня на игру. Ну Катерина, ну удружила. Да у меня бабуля уж какой день не просыхает, эдак недалеко и спиться окончательно. Что, согласитесь, уж очень глупо делать в таком преклонном возрасте. Я обругала их и, махнув рукой, пошла готовить ужин. Бутылку, конечно же, забрала с собой.

Пока чистила картошку позвонила Ленка. На мою радость голос ее был вполне весел и бодр, а значит никаких катаклизмов не произошло. По крайней мере пока.

– Женя, тебе нужно лиловое платье! – завопила подружка в трубку, да так, что я чуть не оглохла.

– Не поняла... – протянула я, дочищая последнюю картофелину и забрасывая ее в воду.

– Ну чего не понятного? К субботе тебе нужно купить платье лилового цвета.

– Зачем? – я опустила на стул и принялась терпеливо ждать нормальных объяснений, морально готовя себя к тому, что на это потребуется изрядное количество времени.

– Как зачем? А я что, тебе не говорила?! Ох, дурная моя

голова! Мы с Димкой женимся! – радостно закончила она.

– Погоди... С каким Димкой? – я устало помотала головой, так ничего и не понимая.

– Ну ты чего, Жень... С Димкой, ну с бывшим моим мужем.

– Так... Ага... Ты и Димка. Ясно, чего же непонятного... – простила я, – А следак куда делся?

– Ой, да там такая история получилась. Я тебе потом как-нибудь расскажу. Только это все равно теперь неважно. Потому что мы с Димкой решили еще и обвенчаться. Кстати, ты подружка невесты на свадьбе, – огорошила меня эта «мисс неожиданность».

– Боже мой! – только и сказала я, а Ленка долго, нудно и обстоятельно принялась рассказывать о примирении с мужем и расставании с работником прокуратуры, имя которого я так и не узнала. И даже не уверена была, что оно у него есть, потому что Ленка называла его исключительно «следак».

Через полчаса, вконец вымотанная рассказами о насыщенной личной жизни подруги, я уже ничего не соображала и мечтала, чтобы это все как можно скорее закончилось.

Кое-как мне все же удалось избавиться от Ленки, но прежде пришлось клятвенно пообещать, что я обязательный буду «подружкой невесты» и непременно в лиловом платье (что за цвет ужасный), если меня отпустит моя поработительница. Потому что, как ни крути, а получается, мне теперь оставить Христофоровну не с кем, а просить всякий раз

Катерину, это уже чересчур. Впрочем, я пообещала решить этот вопрос как можно скорее, вот прямо сейчас, и только тогда Ленка отвязалась от меня, и закончила вызов.

Печенка уже прожарилась, салат я настрогала в мгновение, и быстро помяла картошку. Довольная, что все-таки отделалась от Ленки, я заглянула в гостиную, чтобы оповестить моих дам об ужине, и обнаружила поистине пасторальную картинку. Обе женщины сладко сопели на диване. Катерина откинула голову на спинку, а Христофоровна положила ей голову на плечо и сложила ручки на груди.

– Офигеть! – только и сказала я, и принялась тормозить пьянчужек.

Признаюсь честно, не сразу мне удалось это сделать, однако, в конце концов, я их растолкала и упростила все же разойтись по кроватям. Вернее, Христофоровну я отправила спать в ее комнату, а Катерине постелила на этом самом диване, где они только что так сладко сопели. Есть они, конечно же, не стали, и ужинала я в полном одиночестве.

Перемыв посуду, я отправилась в спальню и только сейчас обнаружила пропущенный вызов от Маринки. Я немедленно перезвонила ей, и та, волнуясь, сообщила мне, что ей удалось достать список всех жителей, проживающих в Духовке в шестидесятом году. То есть тогда, когда было совершено то зверское преступление.

– Но как? – я, честно говоря, была готова затискать Маринку в объятиях за такую ценную услугу.

– Как-как... тетка у меня в областной администрации. Уборщицей правда трудится, да на хорошем счету она у начальницы. Попросила для подруги, якобы та книгу о деревне нашей писать собралась, ну та и дала. Секретного-то ничего нету тут.

– Тогда жди. Я мигом прилечу.

Маринка засмеялась и огорошила:

– Так я уже у ворот ваших стою.

Надо же как расстаралась Маринка, небось поближе к Христофоровна быть хочет. Ну пусть, отчего же нет, только старушке моей это расследование побоку. Я вообще не уверена, что она обрадуется поимке убийцы. Учитывая прошлое Афанасии и деда Инги.

Я впустила Маринку в дом и даже напоила ее чаем. Между тем, продавщица все порывалась увидеться со старушкой, не веря, что та так рано улеглась почивать. Я клятвенно пообещала женщине, что поговорю с Сандрой и даже организирую встречу, лишь бы та уже ушла и я могла, наконец, посмотреть записи.

Первым делом я сравнила списки. Тот, который Маринка прислала мне в прошлый раз и новый. Сейчас жителей на порядок меньше, чем шестьдесят лет назад. Впрочем, фамилии все одни и те же. Ничего примечательного я не обнаружила и разочарованно вздохнула. Интересно, чтобы я могла там увидеть? Ну например, кто из стариков до сих пор жив? Я по списку принялась выписывать жителей, которым сейчас

было не меньше шестидесяти лет. Ну чтобы они на момент преступления хотя бы уже родились.

Первым изучала тот список, что Маринка прислала в прошлый раз. С нынешними жителями Духовки. Я так понимаю, она писала жителей абсолютно случайным образом, потому что первым в списке значился девяносто семилетний деде, чья фамилия начиналась на букву С. Степанов Виктор Игнатьевич, которому на момент преступления было около сорока. Хм... вообще, конечно, рассматривать совсем уж дряхлого старика в качестве убийцы то еще занятие. Значит отпадает дедушка. Я зачеркнула старика. Второй по списку шла Игнатова Анна Васильевна, сорок седьмого года рождения. Я прикинула, что сейчас женщине семьдесят два года, считай ровесница Христофоровны. Может даже ее подругой была. Но все ж таки, я сильно сомневаюсь, что бабуля ее лет могла хладнокровно убить двух человек.

Бред! Бред! Бред! Все это бред полный. Ну какой дурак будет ждать шестьдесят лет, чтобы расправиться с кем-либо?! Я, психанув от собственной глупости, хотела было уже скомкать и выбросить бесполезные бумажки, но тут взгляд зацепился за следующее в списке имя. Иванов Дмитрий Никанорович. Тысяча девятьсот сорок восьмого года рождения. На всякий случай взяла второй список и ахнула... Не было никаких сомнений, что тот же мальчик был прописан в деревне Духовка в тысяча девятьсот шестидесятом году, то

есть на момент убийства матери Христофоровны мальчишке было уже двенадцать лет. Вполне себе возраст, чтобы запомнить преступление.

Так, стоп! Но как такое возможно? Ведь дед Митяй говорил, что переехал сюда не так давно? Но зачем же он водил всех за нос, говоря, что он не из этих мест? Тут же я вспомнила, что дед Митяй для некоренного жителя Духовки был слишком хорошо осведомлен о событиях в этой деревне. Я схватилась за голову... Принялась ходить туда-сюда. Это что же получается? Выходит дед Митяй и есть убийца? Раз в деревне ходили слухи о том, кто убил несчастную знахарку, мальчик вполне мог затаить на преступников злость. Но должна быть причина. Не просто так он столько лет хранил в душе эту обиду.

Я побежала наверх, еле-еле растолкала Христофоровну. Та, в полной прострации, смотрела на меня осоловелыми глазами.

– Сандра Христофоровна, миленькая, у меня только один вопрос. Пожалуйста. Вы должны собраться с мыслями и вспомнить...

Я пыталась подобрать вопрос так, чтобы старушка сразу поняла, о чем идет речь.

– Скажите, был ли в вашем детстве мальчик, который мог быть в вас влюблен? Может быть ваш близкий друг?

Я сама не знаю, почему спросила именно это. Наверняка сработала какое-то чутье. Бабуля помолчала немного, по-ви-

димому, вспоминала, и, когда я уже отчаялась услышать ответ, сказала:

– Был... Митя вроде его звали. Хороший дружок был. Жаль только, разлучила нас судьба.

Я, от обуревавших меня чувств, даже поцеловала старушку и побежала к телефону. Несколько раз набирала номер Иваныча, но тот никак не брал трубку. В конце концов я приняла решение позвонить Лютаеву. Ведь это же он ведет дело, так почему бы ему и не узнать, кто настоящий преступник...

– Алло, это Женя Белоусова... – прошептала я в трубку.

– Женя, вот так номер... здравствуйте! Я право не думал уже, что вы позвоните.

– Ой, вы извините, я по делу, – внезапно смутилась я.

– По делу? – мне показалось, или мужчина расстроился?

– Да-да...

– Ну что ж, я вас слушаю, – теперь уже сухо произнес он.

Я вкратце рассказала следователю о своих подозрениях. Он слушал не перебивая. Когда я закончила, Лютаев возбужденно спросил:

– Женя! Это очень, очень серьезно. Все что вы сказали. «Я надеюсь вы никому не говорили о своих догадках?» — сурово спросил он.

– Нет-нет, я сразу вам, – я немного покривила душой, умолчав, что вначале пыталась связаться с Иванычем.

– Это очень хорошо. Тогда вам надо подъехать в отдел. Правда время уже позднее... вот что, давайте поступим так.

Садитесь на последний автобус, во сколько он там у вас ходит?

– В девять.

– Ага, успеваете, это хорошо. Сейчас семь часов, я буду ждать вас на автовокзале. Тогда все и обсудим.

Я в нетерпении пошла переодеваться. На столе оставила бабулям записку, что вернусь на первом же утреннем автобусе. Переночевать решила у Ленки, если та еще не сдала квартиру. Правда если окажется, что все-таки сдала, придется ночевать в гостинице. Ну да ладно...

В половине девятого я уже стояла на остановке в ожидании рейсового автобуса. Рядом не было ни души, уже ощутимо потемнело и мне стало не по себе. Я то и дело смотрела на часы, мысленно торопя автобус, и прекрасно понимая, что раньше, чем надо, тот все равно не придет. Внезапно спиной я ощутила какое-то движение. Хотела было обернуться, но тут же почувствовала, как шею сдавили чьи-то руки. Я тщетно пыталась оторвать их от себя, но силы покидали меня с каждой секундой. Воздуха становилось все меньше и в какой-то момент я уже не могла сопротивляться, и мне оставалось только обмякнуть в чьих-то сильных руках...

Воздух урывками проникал в легкие. Горло саднило и почему-то хотелось плакать. Очнулась я на земле и сразу же схватилась руками за шею. Боже, как больно. Я попыталась встать, но голова кружилась и меня неуклонно тянуло к земле-матушке. Недалеко, в окружении березок, лежали чьи-то

ноги. Я проползла немного вперед, раз уж идти совсем не могла и обнаружила, что ноги это ничьи иные, как капитана Лютаева. Он лежал на спине, широко раскинув руки, но вроде бы был жив, судя по пульсу, который я уже успела нащупать на его запястье.

Ощущение, что убийца где-то рядом не давало покоя. Я принялась искать телефон, но его нигде не было. За спиной хрустнула ветка, я в панике обернулась и... и не могла поверить своим глазам. Прямо на меня, с веревкой в руках, шел он...

– Денис?! – из моего горла вырвался только жалкий писк прежде, чем я снова отключилась.

Мне было мягко и тепло в его руках. Слегка укачивали мерные, неторопливые шаги. Я тихонько, стараясь не выдать себя, вдыхала запах его кожи, такой терпкий и горький, будоражащий воображение. Уткнулась носом в густые, пахнущие морем волосы и крепче обхватила его за шею.

– Тс-с-с, – прошептал он, а я, наконец, открыла глаза.

Нет, это не было сном. Он действительно нес меня на руках, освещая фонариком дорогу перед собой, чтобы не упасть, и улыбался так, как будто ничего не произошло. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но он только обхватил меня крепче и снова прошептал это свое глупое «т-с-с», будто я маленький ребенок. Я возмущенно воскликнула, а этот гад взял и закрыл мне рот поцелуем, но тут же обиженно вскрикнул.

– Ты что творишь? – прошипела я, почувствовав на языке солоноватый вкус его крови, – Опустите меня на землю, слышишь?! – я принялась колотить Дениса что было сил по спине.

– Дура! – мне кажется, что он буквально прорычал это, но только крепче сжал в своих руках.

– Я... я... почему бы тебе не убить меня сразу?! Куда ты меня тащишь? Да отпусти меня сейчас же, отпусти, мерзкий ты ублюдок! – по-моему я уже совсем истерила и, что было силы, лупила его по голове, по груди, по спине.

Денис терпеливо продолжал сносить побои, но не выпускал меня из рук. Так мы и шли с ним по лесной тропинке (я дралась и вопила, а он что-то там бормотал и морщился), пока за деревьями не показалась дорога и стоящая на ней одинокая черная машина. К ней мы и направились. Денис достал ключи, машина пару раз мигнула, и он открыл пассажирскую дверцу.

– Садись, и не вздумай делать глупости! – рыкнул он.

– Куда ты меня везешь? Выпусти меня немедленно! Сво-лочь ты, гад, гад, гад! – возмущенно пропищала я, когда он заблокировал двери.

– Да помолчи ты уже хоть немного, и так башка раскалывается. Ты еще вопишь, – мне показалось, или голос его прозвучал ужасно устало?!

Нет, ну нормально? Вопли мои его, видите ли, раздража-

ют, голова у него болит... А ничего, что это он меня насильно куда-то тащит, а?!

Я постаралась взять себя в руки, несколько раз вдохнув и выдохнув, и уже гораздо спокойнее спросила:

– И все-таки, куда мы едем?

– Куда-куда... Тачку его подальше отгоним, пусть так добирается.

– Что ты сделал с ним? Он живой? Зачем тебе все это нужно? И куда, чёрт тебя подери, мы едем?! – я засыпала Дениса вопросами, а сама радовалась, что вот значит и Лютаев жив, и я вроде вполне себе цела, а значит никакой Денис не убийца. Согласитесь, при таком раскладе жить сразу становится как-то веселее...

Проехали мы, кстати, совсем немного. Через пару километров свернули в лес, там машину и оставили. Денис не ответил ни на один из моих вопросов, и я предпочла на время замолчать.

Мы молча плелись по дороге обратно, пока не дошли до автобусной остановки. Внезапно Денис резко остановился и спросил:

– Хочешь посмотреть на того, кто пытался тебя убить?

Я недоверчиво покосилась на него, но кивнула утвердительно. Еще бы я не хотела. Главное, чтобы это был не труп. Трупов я с детства не переношу.

Денис поманил меня за собой, и мы вошли в посадку. Идти пришлось не так уж и долго, минут через пять мы оказа-

лись на полянке. Я огляделась и тут увидела... увидела капитана Лютаева, что-то мычащего и безумно вращающего глазами. Капитан был абсолютно гол и привязан к березке бечевкой.

– Ты что, совсем с ума сошел?! – заорала я на Дениса и побежала к несчастному капитану, чтобы немедленно освободить того от позорной участи.

Но этот гад ловко перехватил меня и пару раз хорошенько встряхнул.

– Ты что и правда такая дура? Или ты думаешь, что это я тебя придушить хотел, чтобы тут же и прикопить? Ну, давай скажи, скажи, что ты так считаешь! И тогда я тебя оставлю с этим твоим ментом. Если ты и правда такая идиотка! – все это он проорал мне в лицо, с болью смотря прямо в глаза.

– Нет, нет... я не думаю, я не знаю, да что в самом деле происходит! – на последних словах я тоже уже орала, потихоньку сходя с ума от происходящего.

Боже мой, кому верить?!

Привязан. Как такое может быть, что капитан Лютаев голый привязан к дереву? Это страшный сон, или?.. Никогда бы не подумала, что мой любимый способен на такое. А что, если он врет мне? Так, стоп, Женя... нужно вначале во всем разобраться...

– Ну раз ты так не думаешь, тогда просто постой спокойно и послушай, что расскажет тебе этот милый человек. И тогда, я обещаю, что отпущу его. Если, конечно, ты сама этого

захочешь, – усмехнулся Денис.

Я согласно кивнула.

– Только прикрой его чем-нибудь, – я старалась не смотреть на голого капитана, но все же взгляд иногда нет-нет, но падал куда не следует.

Денис усмехнулся и развел руками, мол, нечем. Ну ладно, чертов ты извращенец, твоя взяла.

– Ну хоть не свети ему туда больше, это бесчеловечно! – попросила я.

Денис подошел к капитану, осветил ему фонариком прямо в глаза, отчего тот немедленно зажмурился, и вытащил что-то похожее на носок у того изо рта. Лицо, жуткое красное, покрытое волдырями лицо, скривилось от боли. Капитан крикнул и прохрипел:

– Женя, не верьте ему... это он хоте...

Денис тут же затолкал носок обратно ему в рот, схватил меня за руку и повел прочь с поляны. Я принялась сопротивляться, Лютаев в ужасе и отчаянии что-то там замычал, а Денис, будто того и ждал, в два прыжка достиг капитана и прошипел ему прямо в лицо:

– Я тебя предупреждал, урод! Или ты тут сгнуть хочешь? А может опять мордой в муравейник хочешь?! Может думаешь, что тут твои корочки тебя спасут? Давай, у тебя последний шанс. Или так и будешь тут голый висеть, пока не сдохнешь... А я потом вернусь, медом тебя намажу. Тут как раз недалеко пчелиный рой.

– Денис! Не надо, слышишь... Прекрати, – орала я, пытаюсь оттащить археолога от изуродованного капитана. С пятой попытки мне все-таки это удалось, и я упростила Дениса оставить Лютаева в покое. В конце концов лежачего не бьют, а он у нас еще и привязан...

Я не могла поверить, что тот, кого я так люблю, способен на такие зверства.

– Ну давай, расскажи, как ты здесь оказался? Будешь рассказывать, или фигней страдать продолжишь?

Лютаев в ответ энергично закивал, что могло означать что угодно, но Денис снова вытащил у него изо рта носок.

– Мы должны были встретиться на автовокзале, но это я ей так сказал, – отдышавшись, и отвернув голову в сторону, сплюнул капитан на землю, – а сам сюда приехал на машине и ждал за кустами, когда она появится на остановке.

– Долго же вы ждали, я там минут двадцать стояла, – растерянно произнесла я.

– А ты думаешь так легко что ли? – выплюнул он мне с такой ненавистью, что я даже отступила назад.

– Что легко? – все же спросила я.

– Ну давай, скажи, что ты должен был сделать? – рявкнул на него Денис, – И за что я тебя, тварь, мордой в землю тыкал. Давай-давай, герой чертов! Расскажи все, что ты мне рассказывал.

Лютаев снова смачно сплюнул на землю и зло произнес:

– Напугать. Дуру эту с длинным носом напугать я хотел.

Довольны?!

За «дуру» он тут же получил удар в нос, а я закричала, чтобы Денис прекратил все это.

– А зачем вы меня напугать хотели? Вы ж меня и придушить так могли!

– А он бы и придушил, – хохотнул Денис, – у него в машине и лопата была. Ну чтобы тут же закопать. Хорошо, я вовремя успел, а то ты уже глазки-то свои красивые закатила.

Я стояла, как пришибленная и не знала, как вообще реагировать на это вот все.

– Ну что, сволочь, давай уже сначала всю историю, не томи меня! Я из последних сил сдерживаюсь, чтобы тебе почки не намять! – в конце концов Денису явно надоело, что разговор наш никак не двигается с места, и он решил поторопить Лютаева.

– Я же уже все рассказал, – пробормотал капитан, но, увидев, как Денис снова поднял руку с носком к его лицу, заговорил:

– Я когда сюда в первый раз еще приехал, сразу неладное заподозрил. Ингу я знал, она к сеструхе моей в гости часто приходила. Нормальная девка была. По части нижней только без тормозов совсем. Если что захочется, так все, никаких препон. Ну я с ней тоже, грешным делом, пару раз кувыркался, но потом у меня Танюха моя появилась, и я эту шмару лесом послал. Она, кстати, особо и не обиделась... Сеструха моя на нее часто правда жаловалась, она у нее вечно парней

уводила. Ну я ей говорю, чего ты с ней общаешься-то? А эта идиотка и заявляет, мол, врага нужно держать поближе. Дура, мать ее!

Тут Лютаев попросил сигарету, но Денис показал ему кукиш. Тот снова сплюнул на землю, но продолжил:

– Ну и вот она как-то опять в слезах прибегает, кричит, что та у нее парня увела. Я говорю, мол, ты ей в лобешник что ли уже дай, сколько же можно терпеть?! А эта дура и заявляет, что она знает способ мести получше. Поэтому я когда трупак увидел, сразу на сестру подумал. Подумать-то я подумал, а сам молчу. Надеялся, что все-таки не она это. Тут как раз бабуку убили, ну я и вздохнул. Потому что на фига сеструхе бабка какая-то?!

Тут Лютаев сделал очередную попытку выцыганить сигарету, и Денис все-таки сжалился над капитаном. Тот прикурил, втянулся... Я затаила дыхание.

– А эта дура прибегает ко мне и как на духу все выкладывает. Орала, все сопли по морде размазала. Я ей говорю:

– Какого ху... дожника ты за ней пошла?

А она орет:

– Эта тварь с моим, моим мужиком, понимаешь, гулять шла?! А я знаю, что он ей на фиг не нужен! Я ее окликнула, а она мне рукой такая махнула, типа до свидания. А мне знаешь, как обидно стало?!

– Ну и послала бы ее лесом, за каким, я тебя спрашиваю,

ты за ней пошла?

– Да я ей говорю по-хорошему, отдай мне Юрку, шалава ты растакая. А она смеется. Представляешь, мне в лицо ржет. Идет, задом своим во все стороны виляет, вертихвостка. Я за ней. Она меня уродкой назвала, понимаешь?! Она сказала, что на меня ни один мужик по доброй воле... Я... я не хотела... Я не знаю, как так вышло... У меня в глазах все прям поплыло, а в кармане веревка... я.. я белье вешала... а тут...

Лютаев натурально сплюну на землю, грязно выругался и продолжил:

– Я эту аффективную спрашиваю:

– Бабку ты какого художника зарезала?!

А она мне на голубом глазу и выдает:

– Да мы когда орали, Фанька все слышала, карга старая. Так и шли, шлюшка эта, я, а бабка за нами. Короче она меня шантажировать начала. К деду пришла и сказала, чтобы он мне передал, типа я знаю о чем речь и должна теперь к ней припереться. Ну я и приперлась..., да кто знал-то, что она столько денег попросит?! А тут я еще вспомнила, что матушка моя в ее застенках умерла, и все... У меня опять та пелена перед глазами, понимаешь?! Сама не помню, как нож схватила...

Я этой сумасшедшей говорю:

– Язык ты зачем ей вырвала?!

А она смотрит так на меня, странно... мычит что-то. Тут, если по чесноку, я здоровый и крепкий мужик, сам ее боять-

ся стал. Думал, знаю человека, росли вместе. А оно вон как. По-моему, у нее крыша совсем потекла.

– Дальше что было? – перебил его Денис.

– Ну чего дальше-то... Я ей сказал затаиться, в деревне больше не появляться. Деду сказать, что работу в другом городе предложили и что скоро уедет. Сказал, чтоб заявление на работе написала об увольнении и вела себя спокойно. А она потом снова пришла, пожаловалась, что эта вот, – тут Лютаев кивнул на меня, – приходила, вынюхивала все. Рассказала, как на директрису все спихнула...

– Погодите! – я не удержалась и воскликнула от догадки. – Лана это Света? Да?

Секретарша школьная? Ну верно ведь... Светлана – можно Светой называть. Можно Ланой. Ну почему я сразу не догадалась?!

— Постойте... а как она сестрой вам может быть?

– Да не сестра она мне. В смысле не родная. Ее мамаша сдохла в тюрьме, в той как раз, где бабка эта надзирательницей работала... А папаша женился на моей матери. Когда они к нам жить пришли, мне уже почти двадцать лет было. Но вроде как все нас родней считают, ну так и говорю, что Ланка мне сеструха. Чтоб не объяснять всякий раз. Но мы все равно нормально с этой пришибленной общались... Она у меня на глазах выросла.

Лютаев молчал, видимо, предавшись воспоминаниям, только вот Денис был совсем не склонен предаваться мелан-

ХОЛИИ.

– Дальше, дальше что было?

– Дальше я ей вот позвонил, – снова кивок в мою сторону, – в кино пригласил.

– А она что? – Денис аж вперед подался.

– Отказалась... я-то выведать хотел, что она там накопала.

Мне показалось, или при этих словах Денис расслабился и выдохнул?

– Значит если бы я не стала это раскапывать, вы бы Юрку Плотова так и закрыли? Да?

– Я расследовал...

– Издеваетесь?!

Лютаев отвернулся и замолчал.

– Короче, когда она сама мне позвонила, про деда рассказала, я испугался, что теперь на Светку выйдут. А там копни немного и все раскроется. Сама-то она уже далеко, свалила сразу, как ее директриса там за что-то уволила, удачно очень... Но ведь найдут, начнут историю с Юркой раскручивать. Это ведь его Инга увела, когда они в городе жили.

– Ты прям складно рассказываешь, только мне кажется, что все не так было. Но ты молодец, сразу видно, любящий брат, все на девку свалил... Только вот фига бы ты все это рассказал, если бы у самого рыльце чистое было, – ухмыляясь сказал Денис.

Лютаев дернулся, как от удара, но промолчал.

– Что теперь? Отпустите, или здесь оставите? Я все ска-

зал, обещание свое выполнил.

Денис немного подумал, посмотрел на меня и склонил голову на бок, ожидая моего решения.

– Надо Иванычу позвонить... я телефон где-то выронила. – Свой дашь? —я протянула руку и Денис коснулся меня теплой ладонью, в которой лежал телефон.

Но прежде, чем я успела его взять, включил звук и по полянке разнесся голос Лютаева. Диктофон, Денис записал все на диктофон. Какой умный мальчик. Я послала ему воздушный поцелуй и тот изобразил жест, будто ловит его и подносит к сердцу. В другое время я бы прыснула со смеха, но сейчас был не самый подходящий момент.

Я набрала номер участкового.

– Иван Иванович, это Женя... Кажется, мы нашли убийц...

Пока ждали Иваныча, Денис отвязал Лютаева и кинул ему одежду. Пока тот еле одевался затекшими руками, стоял рядом на случай, если он попытается сбежать. Да только переоценил археолог капитана. Лютаев, едва оказался на земле, сразу же принялся заваливаться вбок. Пришлось Денису помогать ему одеваться. Потом он связал капитана, и повел его в сторону дороги, где и оставил нас на время, пока ходил за своей машиной, которую где-то прятал до этого. Лютаева усадили на заднее сиденье и привязали руки к дверной ручке, чтобы не сбежал.

Я облокотилась о бампер и спросила:

– А можно узнать, что ты здесь делал?

Денис картинно вскинул руки, и изобразил удивленное лицо.

– Как это что? За тобой приехал.

– Угу... ну да... скажи, там, в торговом центре это ты был?

Он немного помолчал, закурил и только потом ответил:

– Я слышал, как ты меня окликнула. Видел тебя. Потом понял, что не могу не поговорить с тобой, объяснить...

– Что объяснить?

– Все. Мое исчезновение и вообще... давай об этом не сейчас, я правда очень устал. А что касается того, как я здесь оказался... Я давно уже приехал, машину недалеко от твоего дома бросил, дальше пешком пошел. Пока решался, смотрю, ты собралась куда-то. Ну я и пошел за тобой, честно говоря, думал, на свидание идешь, – тут он ухмыльнулся, а я вскочила:

– Так ты следил за мной?!

– Называй это как хочешь... Главное, что я вовремя успел твоего капитана обезвредить.

Тут мне, если честно, совсем нечего было возразить и сочла за нужное промолчать. А потом подумала и едва слышно прошептала:

– Спасибо...

Свету нашли быстро. Брата она в очередной раз не по-

слушалась, и никуда не поехала. Пряталась у институтской подруги. Девушка вначале все, конечно же, отрицала. Валила на собственного деда, который якобы люто ненавидел убийц матери своей подруги детства. И якобы это послужило причиной отсроченной мести. Потом винила брата, который подговорил ее разобраться с обидчицей.

В конце концов, поняв, что брат давно уже все рассказал, и всем все известно, она полностью признала вину и теперь ждала суда в следственном изоляторе. Мы с Денисом уверены, что Лютаев принимал непосредственное участие в убийстве бабки. Только доказать это будет сложно. Да и не наше это теперь дело. Капитан, как минимум, должен будет ответить за недонесение и за попытку моего убийства. А это уже немало, так что зря он надеялся ускользнуть от наказания.

Юрку Плотова встречали всей деревней, с хлебом и солью. В первых рядах ему строила глазки Маринка. Радость ее главным образом выражалась в том, что недавно она узнала, что бывший ее сожитель Анатолий Петрович получил новый срок за убийство в стенах колонии и теперь явно не скоро окажется на свободе.

Дед Митяй уехал из Духовки навсегда, не выдержав позора. Старика мне было жалко до слез. После всего случившегося я старалась его избегать, но он нашел меня сам...

– Я ведь виноват перед ней, Женя, – первое что сказал мне этот несчастный сгорбленный старик, – Перед ними обеими.

– Нет, Дмитрий Никанорыч, ну что вы... вы не виноват

ты, – пыталась я вразумить старика, но он лишь мотнул головой.

– Тогда, шестьдесят лет назад я все видел, вот оно как. Я все видел и никому не сказал... струсил я, Женя... Перед Христофоровной всю жизнь виноват выходит. А перед Ланкой... Я сам должен был их наказать всех, тогда бы не было вот этого вот всего, не случилось бы...

Старик махнул рукой, встал из-за стола и, не прощаясь, ушел.

Кстати, о привидении...

Вчера мне позвонил Иваныч, предложил встретиться, поговорить. Учитывая, что мы с ним после тех событий в лесу так и виделись по разным причинам, я была не прочь поболтать с участковым. Я пригласила его к нам на обед, и ровно в два часа он стоял под дверью. Ради такого дела Христофоровна нарядилась в лучшее свое платье и заставила меня достать серебряный сервиз. Я терпеливо ждала, когда мужчина перейдет от обеда к делам, но хвала богам, мне хватало ума этого никак не показывать. Христофоровна тоже молчала, хитро поглядывая на участкового. Наконец, Иваныч насытился, довольно крикнув, и произнес:

– Я к тебе Женя вот по какому делу. Ты мне скажи, если бы ты узнала, что привидение я нашел и задержал, чтобы ты на это сказала?

– Здорово! Я могу узнать кто это?

– Можешь, конечно... только вначале скажи, какого нака-

зания ты бы хотела для него?

– Иван Иванович, ну чего вы все вокруг да около?! Наказание пусть суд определяет, я-то что? Не томите...

Иваныч помялся, что-то проблеял, покраснел.

– То-то и оно, Женя... не хотелось бы, чтоб до суда дело дошло...

– Почему это? – надо сказать, участковый знатно меня заинтересовал. Всегда таким честным мужиком казался, неужели кто-то его подкупил?

– Потому что жалко дуру.

– Дуру?

– Ну да! Каринка это, бестолочь...

– Карина?! Да быть того не может... Но зачем?

– Да мстила она тебе. Ты что думаешь... Она в Юрку оказывается влюбленная, а ты его в обезьянник... Эх, бабы дуры...

Честно говоря, я выпала в осадок. Каков Юрка Казанова, все девки сохнут по альбиносу. Что уж они в нем такого нашли? Ни рожи, ни кожи, ни ума...

– Ладно уж... чего теперь, – вздохнула я, – вы только ей внушение посильнее сделайте. А то ведь она меня вполне прибить могла...

Иваныч, добрая душа, таким раскладом остался очень доволен, и обещал теперь каждый день забегать к нам на обед.

Моя подруга Ленка снова вышла замуж за бывшего мужа и пока они живут душа в душу. Хотя прошел всего месяц и

что там будет дальше, совершенно непонятно.

На днях звонила мама, сказала, что скоро они с дядей Васей собираются ко мне в гости, раз уж меня на работе не отпускают. Готовимся с Христофоровной к худшему, но надеюсь, что мама все поймет и простит.

Катерина теперь часто приходит к нам в гости, если не сказать, что каждый день. Бабуле моей совсем не скучно теперь, и я со спокойной душой могу отлучаться куда угодно.

Я, наконец, получила долгожданный отпуск, первую часть которого планировала провести с Денисом.

Было раннее утро, Денис принимал душ, а я все еще нежилась в постели. Спустя какое-то время я все же заставила себя подняться с кровати, чтобы приготовить завтрак. Я в первый раз ночевала у него, утро было чудесным, несмотря на проливной дождь за окном. Я накинула его футболку и поплелась на кухню. Проходя мимо комода взгляд зацепился за стопку визиток, лежащий возле зеркала. С любопытством взяла одну и прочитала: Романов Дмитрий Александрович. Нотариус нотариальной конторы «Завещание».

Сказать, что меня словно ударило током, значит ничего не сказать. Разум отказывался такое принимать. Слезы сами собой полились по щекам. Так вот оно что. Он врал, он все время мне врал. Я в панике заметалась по комнате. Искала телефон. Нашла, трясущимися руками набрала номер Христофоровны. Только бы она уже проснулась и взяла рубку.

Сандра ответила почти сразу.

– Сандра Христофоровна, скажите, в какой нотариальной конторе вы обслуживаетесь?

– Завещание. А что случилось. Я-то уже от них уш... – я, не дослушав старушку, бросила трубку.

Гад, гад, гад!!! Ненавижу... так вот зачем он крутился вокруг меня, ему золотишко нужно было. А как понял, что в сундуке фальшивка, так сразу и исчез. Все так просто, так

понятно... Ну почему я сразу не догадалась, почему?!

Слезы душили меня, застилали глаза, а сердце... Сердце буквально разрывалось на части. Мне хотелось кричать. Выть и кричать... Боже мой, как же я его ненавижу.

Я бежала под проливным дождем, сама не зная куда и зачем я бегу. Мне казалось, что стоит только остановиться, как мир тут же обрушится на меня всей своей мощью. И раздавит. Раздавит окончательно. В какой-то подворотне остановилась, чтобы перевести дух и бежать дальше. Я как Форрест Гамп, буду бежать пока не сдохну. Пикнул телефон, уведомляя о сообщении.

«Не смотри, Женя, не смотри туда».

Поздно.

Нажала на письмо:

«Я давно хотел рассказать... но боялся, что ты не простишь. Женя, вернись, прошу. Вернись и прости. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...»

А я смотрела на эти буквы и не знала, как жить дальше. Разум и сердце рвались в разные стороны..., и я не знала, кто из них победит в следующую минуту...

Дорогие мои читатели! Эта история теперь имеет продолжение... Если вам понравились приключения Жени и Христоворовны, то спешу вас порадовать – "Странные дела, или Женька ищет мужа" уже на сайте!

Приглашаю к прочтению!